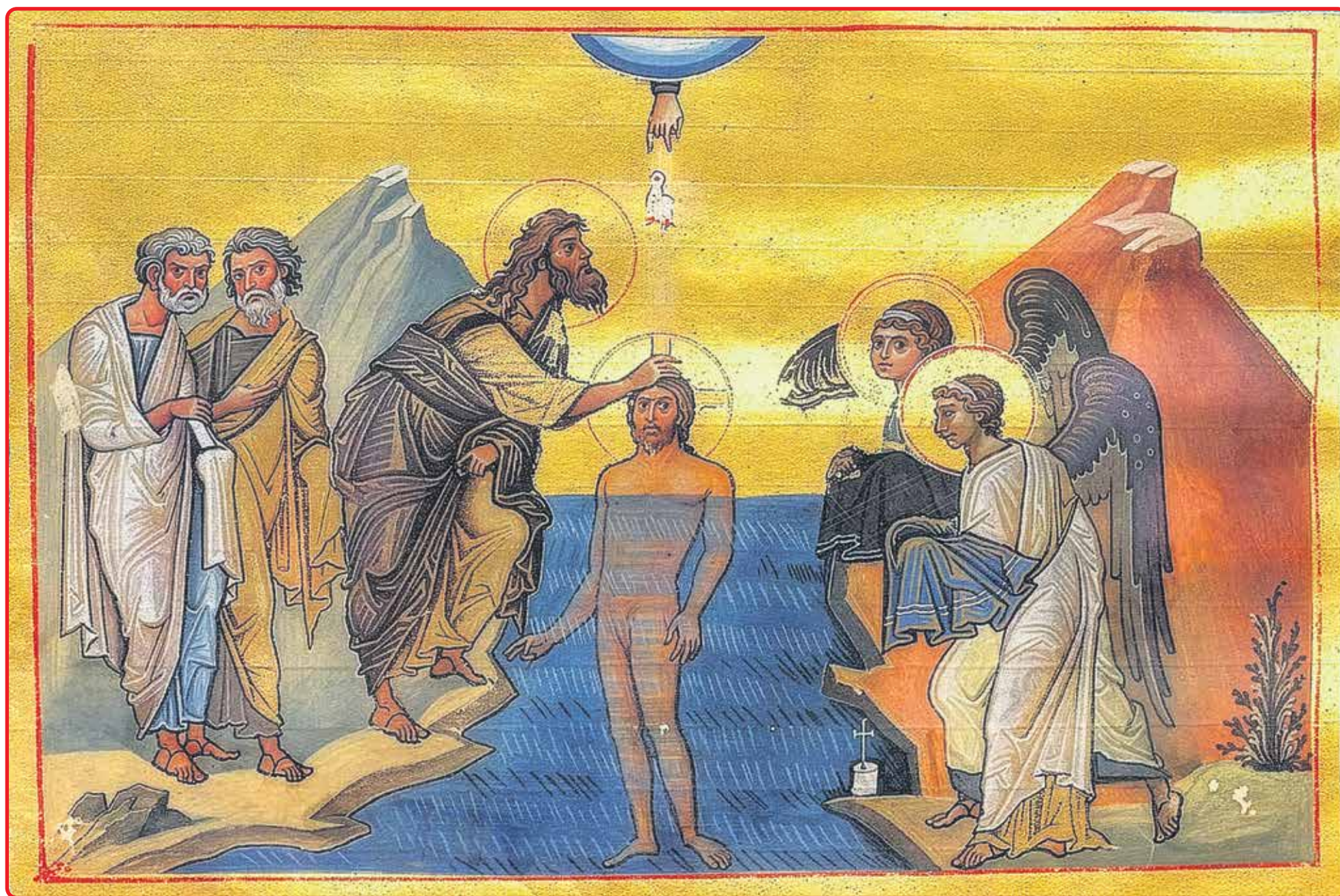

Metropoolia

Sest sina saad Kristuse
tunnistajaks kõigile inimestele
selles, mida sa oled näinud
ja kuulnud. (Ap. 22,15)

Me tunnistame armu,
kuulutame halastust,
ei varja heategusid.
(Suurest veepühitsuspalvest)

Kristuse ristimine. Vatikani raamatukogu: vaticanlibrary.va

Jordan pöördus tagasi nähes jumalikku tuld
ihulikult tulemas ja temasse laskumas.

Jordan pöördus tagasi nähes Püha Vaimu tuvikese
näiol maha tulemas ja Sinu ümber lendlemas.

Jordan pöördus tagasi nähes Nähtamatut nähtavana,
nähes Loojat lihas ja Valitsejat orja kujul.

(Püha Sofrooni palvest veepühitsusel)

Õnnistatud Issanda sündimise ja ristimise pühi!

Foto: Pille-Riin Pihlak 2023

Tema pühaduse oikumeenilise patriarhi Bartolomeuse läkitus Eesti Apostlik-Õigeusu Kiriku täiskogule

15. novembril 2025 Tallinnas

Kõrgestipühitsetud Tallinna ja kogu Eesti metropoliit Stefanus, pühitsetud piiskopid, auväärased isad preestrid ja EAÖK truu kirikurahvas, armsad ja ustavad lapsed Issandas!

Me saadame siit aulisest õigeusu kes-
kusest, Linnade Kuninganna pühalt Istmelt, oma isalikud õnnistused ja süd-
damlikud tervitused teie iga-aastasele ki-
riku täiskogule, mis on kokku tulnud meie
armsa venna, kõrgestipühitsetud metropo-
liit Stefanuse juhtimisel.

Kutsume seekord täiskogu saadikuid
mõtisklema sügava ja kauni küsi-
muse üle, nimelt preestri ja tema abikaasa
rolli ja kohalolu üle koguduse elus. Preest-
ri püha teenistus ning tema naise tasane,
ent oluline kutsumus pole mitte kaks eri-
list teed, vaid üksainus jagatud teekond
armu salasuses. Apostli sõnul „need kaks
saavad üheks” (Ef 5:31). Kirikus saab see
ühendus ka *ko-diakooniaks*, ühiseks teeni-
miseks Kristuse ihu ülesehitamise heaks.

Kui preester juhatab jumalateenistus-
te pidamist rahva nimel ja palvetab
nende eest, siis tema abikaasa seisab vai-
mus tema kõrval oma palvete, kannatlik-
kuse ja lahke ligioluga. Tema teenimist ei
määratle mitte tema tegevus jumalateenis-
tusel, vaid vaimulik osadus – osavõtmine
oma abikaasa ohvritoomisest armastuse,
alandlikkuse ja isetuse kaudu. Selles mõt-
tes on ka preestri kodu väike kodualtar,
kus tuuakse iga päev Kristuse rahuohvrit
ja palve healõhnalist suitsutusohvrit kogu-
duse elu ja terve inimsoo eest.

Algusest peale on Kirik mõistnud, et
Aselleks seatud mehe preestriamet ja
naiste diakoonia erinevad oma ülesannete
poolest, kuid täiendavad teineteist armus.
Esimene kujutab meie Issanda ülemprees-
terlikku ohvrit, teine väljendab Vaimu õrna
lohutust. Nagu õndsasti uinunud Eefesuse
metropoliit Krisostom omal ajal ütles, on
Kirik Kristuse *pleroma* – täius –, milles
iga liige – nii meeste- kui ka naisterahvas
– teenib pääsemise salasust armu, mitte
eesõiguse kohaselt.

Preestriemand jagab niisiis oma abika-
sa kutsumust mitte vaimulikupühitsus-
se, vaid osalemise kaudu armus: kaastun-
de, targa nõu ja kindla usu kaudu. Tema
kohalolu hoiab preestrit eraldatuse eest,
pakub kogudusele teenimise kaudu kir-
gastunud kristliku abielu eeskujuga ja toob

ilmsiks selle, et kõik teenimine Kirikus,
olgu nähtav või varjatud, leiab oma tõelise
täitumuse armastuses.

Meie armas vend metropoliit Stefa-
nus on kõnelnud hingekarjasliku
arukusega vajadusest juhatada ja harida
nooremate preestrite abikaasasid – kellest
paljud on tulnud keskkonnast, mis ei tunne
sügavuti õigeusu pärimust –, et nad võik-
sid ajapikku astuda oma abikaasa kutsetöö
vaimulikku loomulaadi ja hingekarjaslikku
rütmi. See on tõeliselt püha ülesanne. Sel-
list ettevalmistust ei saavuta pelgalt õpe-
tamisega; seda saab kasvatada vaid kan-
natlikkuse, alandlikkuse ja armastusega
Kristuses, edendades osadust, üksteise toe-
tamist ja palvevaimu vaimulike peredes.

Nagu professor Ioannis Fountoulis üt-
leb, peaks Kirik „oma elus täieliku-
malt rakendama naiselikku toimeväge”,
mööndes, et naised pole mitte teisejärgu-
lised kirikuelust osavõtjad, vaid koguduse
eluvõimele oluliste andide kandjad. See
juhendamine peaks aitama igal preestri-
emandal mõista, et tema tasane vägi, peen
äratundmisvõime ja kõikumatu usk on sõ-
natu jutlus, mis ehitab üles Jumala rahvast.

Nagu on kaunit kirjutatud ema Na-
saria Nita Rumeeniast, on naise
kutsumus Kirikus „võida Kristuse haavu
maailmas kaastunde õliga”. See kujund

kirjeldab kaunit ka vaimuliku abikaasat.
Tema töö on mitte ainult abiks olla, vaid
ka ravida, lohutada ja ühendada – kehasta-
da koguduses Kiriku emalikkude südant.

Armsad vaimulikud lapsed! Iga ko-
guduse elus on preester ja tema abi-
kaasa otsekui Kristuse ja Tema Kiriku ela-
vad kujutised. Nad on kaks inimest, keda
ühendab abielu ja koosteenimine, kes pü-
hitsevad teineteist ohvri ja palvega. Nende
ühine tunnistus kinnitab seda, et preestri
perekond pole ainult era-majapidamine,
vaid lahtine uks, millest kiirgab kirikurah-
vale Jumala heldust ja halastust.

Me kutsume teid üles pidama lugu
vaimulike perekondadest ja toeta-
ma neid, edendama vastastikust hoolitsust
ja üksmeelt nende seas ning pidama mee-
les, et Kiriku tugevus ei peitu mitte tema
struktuurides, vaid armastuses ühendatud
südametes.

Kinnitagu kõige püham Vaim iga Eesti
Apostlik-Õigeusu Kiriku preestrit
ja iga preestriemandat nende pühas töös,
andku neile tarkust, lahkust ja vastupi-
davust ning lasku nende kodudes hiilata
ülestõusmise valgusel ja rõõmul!

Oikumeenilises patriarhaadis,
15. XI 2025.

Teie tuline eestpaluja Jumala ees,

† BARTOLOMEUS,
Konstantinoopoli – Uue Rooma
peapiiskop ja üleilmne patriarh

Metropoliit

Kõrgesti pühitsetud metropoliit Stefanuse kõne Eesti Apostlik-Õigeusu Kiriku täiskogul 15. XI 2025

Oikumeenilise Patriarhaadi Püha Istme
arhondid, külalised ja meile väga kal-
lid sõbrad, keda me soovime tänada selle
hindamatu toe eest meie pühale Kirikule!

Me oleme taas Jumala armust tulnud
kokku siin Tallinna Issanda Muut-
mise peakirikus – kirikus, mis kõneleb
meie kiriku ajaloost, et tunnistada oma
püha õiget usku Kõigekõrgemasse Issan-
dasse, tänada Teda kõigi Tema heategude
eest ning et ühel häälel ja meelel arutada
ja lahendada igapäevaelu küsimusi, mis
hoiavad elavana meie vaimulikku, hari-
duslikku ja materiaalset ühiselu nii kirikus
kui ka kirikuna.

Ma sooviksin oma sõnavõttu alustada
Msooja tänuga meie patriarh Bartolo-
meusele, kes taas edastas meile isana Kris-
tuses oma läkituse ning soovin teda tänada
ka tema sügavate ja alati väga hingekarjas-

like vaimulike soovitude eest. Mälestus
tema külaskäigust meie juurde meie kiriku
sajandal aastapäeval on siiani väga elav.
Ilma temata ei oleks saanud me oma ki-
rikut uuesti jalule seada pärast 1991. aas-
tat. Ärgem unustagem, et pärast 50 aastat
hävingut Nõukogude okupatsiooni ajal oli
meie kirik, millel oli varem 200 000 lii-
get, 180 preestrit, 153 pühakoda ja kaks
kloostrit (Pühtitsa ja Petseri), 1996. aas-
taks kahanenud vaid käputäieks, umbes
7000 liikmeks ja kümnekonnaks preest-
riks, kellest enamik olid juba kõrges eas.

Hoolimata mõningate patriarhaadi
Püha Sinodi liikmete ja teiste vas-
tuseisust, kes arvasid, et me oleme liiga
väikesed, et julgeda trotsida Vene kiriku
pahameelt, ning kahtlesid meie võime-
kuses taastada oma täielikult hävitatud ja
kurnatud kirik, ei kõhelnud meie patriarh
hetkekski taastamast meie autonoomiat.

Ta tegi seda 1996. aastal Zürichis toimu-
nud kohtumisel Vene Kiriku esindajatega,
kus ta kaitses meie õigust olemasolule
ning seejärel määras kiriku ajutiseks hool-
dajaks Soome peapiiskop Johannese kuni
metropoliidi valimiseni 1999. aastal. See
on osa meie kaunist ja suurest ajaloost,
mida keegi ei saa enam kunagi eitada ega
vaidlustada.

Kaks päeva tagasi valis meie Püha Si-
nod uue Tartu piiskopi: auväärse ar-
himandriidi Andreas Noorhani. Avaldan
südamest tänu Tartu Jumalaema uinumise
ja pühade Aleksandrite kogudustele ning
samuti Nõo ja Mõniste kogudustele, kes
vastavalt meie põhikirjale esitasid võima-
likke kandidaate sellele ajaloolise linna
piiskopitoolile. Piiskoppidekogu soovib
taas väljendada oma sügavat lugupidamist
kõigile esitatud kandidaatidele. Siiski on
piiskopivalimisel kindlad tingimused, mis
ulatuvad kaugemale üksnes kandidaadi
isiklikest voorustest, et olla selle kirikli-
ku ametikoha tasemel. Neid kaalutlusi ei
saa kogudus alati teada. Tõepoolest, kui-
gi vaimulikuks pühitsemise eelduseks on

Foto: Gennadi Baranov 2019

Aulised vennad Kristuses, Pärnu ja
Saare piiskop Aleksander, Haapsalu
piiskop Damaskinos ja kallis vastne vali-
tud Tartu piiskop Andreas!

Armsad preestrid ja diakonid, samuti
Ameie nunnad ja meie püha Eesti kiriku
noviitsmunga, ilmikud – minu südamele
kallid koguduste esindajad sellel täiskogul!

alati vaimne ja moraalne vääriskus ning ausameelsus, tuleb piiskopivalimisel arvesse võtta ka mitmeid teisi tegureid, millest kõige olulisem on kandidaadi teoloogiline haridus. Kahjuks ei vastanud sellele nõudele kõik Tartu piiskopkonna koguduste esitatud kandidaadid.

Pärast erilist palvet Püha Vaimu poole, palumaks Tema kohalolu, et Ta juhiks Püha Sinodi liikmeid piiskopi valimisel ning pärast pikka, kiriklikku, hingedarjastlikku ja vaimset kaalutletud arutelu piiskoppidekogu koosolekul, mis toimus kanoonilisi reegleid järgides 13. XI 2025 Tallinna Kirikukeskuse püha Platoni kabelis, vaadati põhjalikult läbi Tartu piiskopkonna täiskogu (mis toimus 8. XI 2025 Tartu Pühade Aleksandrite kirikus) pakutud piiskopikandidaatide nimekiri. Suurima lugupidamise juures kõigi kandidaatide vastu otsustati üksmeelselt valida auväärne arhimandriit Andreas Noorhani – ainus kandidaat esitatute hulgas, kes vastas Konstantinoopoli Oikumeenilise Patriarhaadi esitatud nõuetele. Tervitage rõõmuga valitud Tartu piiskoppi Andreast, täna Jumalat selle heateo eest, mida Ta on osutanud Tartu piiskopkonnale ja palugem Teda, et Ta varjaks oma ustavat sulast Andreast oma jumaliku armu ja püha kaitsega paljudeks aastateks. Mu kallis Andreas, mu kallis Tartu piiskop, meie kõigi nimel: „Palju õnne, valitseja, palju aastaid! AXIOS!” Pärast minu sõnavõttu pöördub piiskop Andreas ise teie poole ja tutvustab ennast.

Teiseks meie kiriku suureks sündmuseks oli meie unustamatu esimese metropoliidi Aleksandri säilmete toomine Eestisse. See oli pikaajaline projekt, mis algas juba mõned kuud pärast minu ametisse asumist Tallinnas. Siis lootsime selle soovi peagi teoks teha, kuid elluviimisel seisis ees palju seaduslikke takistusi. Metropoliit Aleksander soovis paguluses kogu aeg, et tema ihu võiks naasta kallile isamaale, meile kõigile armsasse Eestisse.

Kui meil õnnestus täita tema viimne soov, siis see oli tänu ülempreester Aleksander Sarapiku visadusele ja sihikindlusele. Pärast aastatepikkusi püsivaid pingutusi suutis ta koostöös metropoliit Aleksandri Rootsis elava perekonnaga ning nende sõbra härra Uno Schultzi abiga viia lõpule see enam kui poole sajandi pikkune ootus. „Igavene mälestus”, armas metropoliit Aleksander! Hinga nüüd rahu oma uues puhkepaigas, Tallinna Issanda Muutmise kiriku sissepääsu ees! Hoidku meie hea ja armastav Jumal Sind oma paradiisis, selles valguse paigas, „kus ei ole haigust, ei kurbust ega ohkamist, vaid kus lõpmatu elu on!”

Metropoliit Aleksander jättis meile päranduseks põhikirja, mis tagasihoidlikult öeldes ei ole mitte üksnes ajaproovile vastu pidanud, vaid mis on ikka olnud meie kiriku selgroog selle taassünni ajast 1993. aastal. Põhikiri peab tugevalt

Foto: preester Krisjan Olsmann 2025

koos kõiki kirikuihu osi, see on kaitsnud meie sisemist ühtsust ja taganud kuni tänaseni nähtava ja ilmselge tunnistuse meie kiriku kui autonoomse kiriku identiteedist. Siinkohal tuleb rõhutada, et kiriku põhikiri ei ole seadus samas mõttes kui tsiviilõiguslikud seadused. Kiriku põhikiri on lahutamatult seotud meie püha õigeusu ja dogmadega, sest väljendab meie ühtsust Kristuses. Ühtsust, mis rajaneb evangeliumil ja mida kuulutatakse pidulikult armulaua pühitsemisel iga kord, kui me osaleme jumalikul liturgial. Teisiti öeldes, meie põhikiri väljendab meie elu Kristuses selles maailmas, mis meid ümbritseb, ning just seetõttu see määratleb ja ühendab meid üheks ja samaks kristlikuks osaduseks.

Meie põhikiri on vapralt ja visalt vastu seisnud kõigile katsumustele, haavadele ja õnnetustele, mida meie kirik on sajandipikkuse ajaloo jooksul kogenud ja kannatanud. Selle maailma vägevad, kes poole sajandi jooksul külvavad Eestimaale pinnale hirmu ja terrorit kogu selle jubedas ulatuses, tegid kõik, et meie kirik tuhaks põletada. Kuid nende hävituslik kavatsus andis vastupidise tulemuse. Meie põhikirjade järjepidev toimimine alates aastast 1924 kuni tänaseni on olnud elavaks tunnistajaks kiriku imepärasele taassünnile, just sellest samast tuhandest. Meie toonased märtrid, kelle ikoonid meile kõnelevad meie kodudes ja pühakodades, on meie keskel, et seda meile meenutada.

Alates meie põhikirja koostamisest aastal 1924, mida on muudetud 1935. ja 2003. aastal, on ajaloo jõgedes palju vett merre voolanud. Tollane ühiskond ei ole seesama, mis see on tänapäeval. Seetõttu ei ole vaja kirjutada uut teksti, vaid pigem lihtsalt ja loomulikult teha ajakohastamisi seal, kus esineb olulisemaid puudujääke.

Nõrkus ilmneb eeskätt meie praeguse põhikirja 7. peatükis, mis käsitleb kirikuvalitsust. See nõrkus muudab päev-päevalt, tilk tilga haaval, raskemaks kogu meie kiriku töökorraldust ja tegevuse tulemuslikkust, kõike seda, mis on vajalik, et meie kirik suudaks täita kõiki oma missiooni nõudmisi nii vaimulikul, hingedarjastlikul, õigeusulistevahelisel, konfessioonidevahelisel kui ka materiaalsel tasandil.

Meie kirikuvalitsuse aeg sellisel kujul on läbi saanud ja me peame seda endale tunnistama. Me ei võida midagi, kui jääme paigale üksnes mineviku nostalgias kantuna, püüdes seda iga hinna eest säilitada. Prantsuse vanasõna ütleb: „Õnn naeratab alati julgetele”, ent mitte ükskõik millistele julgetele, vaid neile, kes vaatavad tulevikku rõõmu, optimismi ja innukusega. Ma kõnelen siin nendest julgetest, kes tegutsevad eristamisvõime, tarkuse, selguse ja tasakaaluga, seda nii oma käitumises, hoiakutes ja veendumustes, vastupidiselt neile, kes oma liialduste ja isiklike arvamuste teravnenud vastuolude tõttu ei hooli sellest ühtsusest, mida kõik ootavad ja mille poole me püüdleme. See olukord nõuab, et me pühenduksime ühisele tööle, käsikäes, ületades oma individualismi ühise hüve nimel. Me ei tohiks, nagu kahjuks sageli juhtub, rahulduda probleemi pinnapealse käsitlemisega, ilma süvitsi minemata, ilma ühise aruteluta ja ilma pädevate inimeste nõu küsimata.

Ja veel: ükski meie piiskopkond, mitte ükski meie kogudustest ei tohi tunda ennast üksi või eraldiseisvana. Vastassuudel ja sisetülidel on alati üks ja sama eesmärk – külvata ja levitada lõhesid. Sel põhjal on pinged, lahkkelid ja mõnikord isegi vaenulikkused hoiakud meie oma keskel tarbetu luksus, millest me peame loobuma. Meil on palju olulisemaid asju teha,

nimelt võtta täna kindel otsus liikuda edasi järjekindlalt, täis teotahet ja vastastikuses armastuses. Meie ühtsuse hoidmine ja usstavus oma kirikule ning selle liikmetele on lõpuks meie parimad ja kõige tõelisemad kaaslased. Ärgem unustagem kunagi, et niikaua, kui me püsime ühtsena, on kõik võimalik.

Olen praegu piisavalt öelnud. Kavatsen kuni järgmise täiskogu kokkukutsumiseni 2026. aastal korraldada kaks suuremat kohtumist, kuhu kutsutakse kogu meie vaimulikkond: esimese kokkusaamise plaanin teha enne suurt nädalat ja teise juunikuus. Nende kohtumiste eesmärk on ühiselt koostada üldine kava põhikirja ajakohastamiseks. See ajakohastatud versioon esitatakse hiljem kõigile meie kogudustele nende esindajate kaudu kinnitamiseks. Peagi teavitame teid selle projekti põhisuundadest, et saaksite valmistuda ja osaleda nendeks kaheks kohtumiseks juba koos enda ettepanekutega. See on vajalik, et jõuaksime viljakate otsusteni.

Mu armsad!

Palugem Jumalat, et ta saadaks meile kogu meie täiskogu ajaks oma Püha Vaimu, kes mitte ainult ei hoia ja kanna kogu kirikut, vaid täidab ka oma armuga maailmakõiksuse.

Olgu Tõe vaim see, kes valgustab meie südameid ja mõtteid, et me kõik, olles omavahel kindlalt ühtsed, oleksime väärilised täitma seda ülesannet, mille Kõigekõrgem on meile usaldanud selles maailmas, mis meid ümbritseb.

Täna teid tähelepanu eest!

† STEFANUS,
Tallinna ja kogu Eesti metropoliit

EAÕK Täiskogu

Laupäeval, 15. novembril toimus Tallinna Issanda Muutmise peakirikus Eesti Apostlik-Õigeusu kiriku (EAÕK) korraline Täiskogu.

Täiskogu avati Tema Pühaduse oikumeenilise patriarh Bartolomeuse läkitusega, seejärel loeti ette Tallinna ja kogu Eesti kõrgestipühitsetud metropoliit Stefanuse avakõne.

Metropoliit Stefanus meenutas olukorda EAÕK taastamisel: kui enne nõukogude okupatsiooni oli EAÕKs 200 000 liiget, 180 preestrit, 153 pühakoda ja kaks kloostrit (Pühtitsa ja Petseri), siis 1996. aastal oli liikmeid pelgalt 7000 ja preestreid kümnekond, kellest enamik oli juba kõrges eas. Metropoliit tunnustas ja tänas oikumeenilist patriarhi otsuse eest 1996. aastal kaitsta EAÕK olemasolu kohtumisel Vene kiriku esindajatega ja meie kiriku autonoomia taastada.

Metropoliit Stefanus tõi välja, et EAÕK põhikiri on olnud meie selgroog kiriku

taassünni ajast kuni tänaseni: „Meie põhikiri on vapralt ja visalt vastu seisnud kõigile katsumustele, haavadele ja õnnustele, mida meie kirik on sajandipikkuse ajaloo jooksul kogenud ja kannatanud. Selle maailma vägevad, kes poole sajandi jooksul külvasid meie Eestimaa pinnale hirmu ja terrorit kogu selle jubedas ulatuses, tegid kõik, et meie kirik tuhaks põletada. Kuid nende hävituslik kavatsus andis vastupidise tulemuse.”

Kirik on muutnud oma põhikirja 1935. ja 2003. aastal, et kaasas käia ühiskondlike muutustega. Metropoliidi sõnul avaldub põhikirja praegune puudus 7. peatükis, mis käsitleb kirikuvalitsust. „Meie kirikuvalitsuse aeg sellisel kujul on läbi saanud ja me peame seda endale tunnistama,” lausus ta. „Prantsuse vanasõna ütleb: „Õnn naeratab alati julgetele”, ent mitte ükskõik millistele julgetele, vaid neile, kes vaatavad tulevikku rõõmu, optimismi ja innukusega.” Metropoliit rõhutas vajadust pühenduda ühisele tööle, ületades ühise hüve nimel individualism ja vastuolud.

Põhikirja ning kiriku juhtimise uuendamiseks soovib metropoliit järgmisel aas-

tal kokku kutsuda kaks vaimulike koosolekut, ühe enne suurt nädalat ning teise juunikuus. Arutelude tulemusena valmiv ajakohastatud põhikiri esitatakse hiljem kõigile kogudustele nende esindajate poolt kinnitamiseks.

Samuti andis metropoliit teada, et püha Sinod valis 13. novembril vastavalt kaanonilisele korrale ning kiriku põhikirjale ja kiriku sisereeglitele Tartu piiskopiks arhimandriit Andreas Noorhani, kes ennast täiskogu ees lühidalt tutvustas.

Kirikukogu teistes päevakorrapunktides tutvustas preester Kristjan Otsmann EAÕK 2025. aasta tegevusaruannet, ülempreester Aleksander Sarapik rääkis kirikuvalitsuse tegevusest ning andis ülevaate 2024. aasta majandusaasta aruandest, mille täiskogu delegaadid ka vastu võtsid. Samuti hääletas täiskogu EAÕK järgmise aasta eelarve poolt ning kiitis heaks revisjonikomisjoni aruande. Metropoliit rõhutas kiriku tulevikust kõneldes seda, kui oluline on kogudustel panustada ka rahaliselt kirikuvalitsuse töösse ning piiskoppide ülalpidamisse. Teisalt pole tema sõnul kirikuvalitsus piisavalt arvesse

võtnud koguduste ja preestrite probleeme. „Seda kõike on vaja parandada ja töötame selle nimel,” sõnas ta.

EAÕK täiskogu pikendas varem valitud kirikuvalitsuse ja revisjonikomisjoni liikmete mandaate järgneavaks kolmeks aastaks.

Päeva teises pooles andis Haapsalu piiskop Damaskinos ülevaate Saaremaal Reomäel tegutseva Aulise Eelkäija Ristija Johannese ja Apostel Andrease kloostri ja selle tegevusest.

Piiskop Damaskinos rääkis ka uuest, Hageri lähedale Kirikla külla loodavast meeskloostrist, mille asutamisprotokoll läks täiskogule kinnitamiseks ning mis leidis kindla üksmeelse heakskiidu. Loodav klooster hakkab kandma nime Eesti Apostlik-Õigeusu Kiriku Püha Mäe Isade Püha Klooster Kiriklas.

Täiskogu päeva lõpetasid arhont Viljo Vettik ettekandega EOC Energy tegevusest ja dekaan Tauri Tõlpt, kes rääkis EAÕK Teoloogilises Instituudis toimuvast.

Mingem koos Issandale vastu

Hiljuti Tartu piiskopiks valitud isa Andreas Noorhani ütleb intervjuus, et näeb piiskopkonna esikarjaseks olekut eelkõige teenimistööna, mida soovib teha koostöös kõigiga.

Püha Sinod valis teid Tartu piiskopiks. Mida see teile tähendab?

Eks see on väljakutse, mille sisu ma veel päriselt ei hooma. Siin on kõvasti avastada... Need inimesed, preestrid, kogudused, kirikud ja nende olukord, mured ja vajadused. Kõigepealt tuleb kõigega tutvavaks saada, mõista, mis toimub, ja luua

vastastikune usaldus, et teha koostööd. Piiskop ei saa toimetada ükski, mitmeski mõttes on ta üks liige meeskonnas. Tal on küll juhtiv ja vastutav roll, aga ma lähtun sellest printsibist, et me teeme asju koos.

Ma ei ole eriti aupaiste ja staatuse inimene. Kui valitseja Stefanus selle ettepaneku tegi, puiklesin pikalt vastu. Lõpuks, kui nõusoleku andsin, siis ütlesin, et võtan seda kui väljakutset teha kirikus senisest rohkem tööd. Midagi muud ei oska selles veel näha. Kõik on liiga kiiresti toimunud. Pole ju veel kahte aastatki preestripühitsusest. Tempo on nii kiire.

Millised on praegu teie olulisemad tööd kirikus?

Ennekõike teenimine. Teenimiskohti on mul paraku kolm: esipreestrina Paldiski Püha Georgi ning Vändra Apostlite Peetruse ja Pauluse koguduse juures. Ajaliselt ja teenistuste arvult teenin palju rohkem aga Tallinna Püha Siimeoni ja Naisprohvet Hanna koguduses – katedraalis, kust olen välja kasvanud. Sealne esipreester, ülempreester Mattias Palli, on olnud mulle õpetajaks alates 2017. aastast, kui läksin Platoni seminari õppima. Katedraalis ongi mu ülesanne teda abistada. On seal ju teenistusi palju rohkem kui väiksemas maakoguduses. Igal nädalal on kaks teenistust: vigiiliad ja liturgiad. Kui isa Mattias on sõidus või teenib oma teises koguduses Kohilas, siis asendan teda. Isa Aabraham teenib katedraalis samuti, aga ka temal on mitu kogudust ja väga palju tööd.

Lisaks olen pisut tegev meie teoloogilise instituudi juures. Paari aasta tagusest jutu-

ajamisest Tauri Tõlptiga jäi üles, et peale instituudi põhiõppeprotsessi võiks olla midagi täiendavat. Siis käisingi idee välja, et võiksim korralda koguduste rahvale loenguid liturgikast ja koguduses teenimisest. Sellest kasvas välja loengutsükkel, mis sai tehtud 2024. aasta kevadel. Ja kui see õnnestus – kuulajaid-huvilisi oli päris palju –, siis inimesed küsisid, et millal järgmine tuleb. Tänavu toimus juba teine loengutsükkel ja seekordseks teemaks oli meie palveelu.

Praegu on ettevalmistamisel juba kolmas tsükkel, mis läheb tõenäoliselt suure paastu ajal töösse. Sel korral räägime meelega randusest ja andeksandmisest. Need kaks teemat on olulised kirikulise enda hinge eest hoolitsemisel ja ka inimestevahelises suhtluses. Minu roll on loengute korraldamine; loenguid pidama ja teemasid avama olen kutsunud neid, kes minust targemad.

Aga minu kui preestri peamine ülesanne on ikkagi jumalateenistusi teenida ja kogudusega suhelda. Muret teevad ka minu hoolde usaldatud kirikuhooned. Paldiski püha Georgi kiriku lae võlvistik oli avariilises seisus. Kevadiste restaureerimistöödega sai see mure lahendatud ja see teeb suurt rõõmu. Nüüd tuleb järgmistel preestritel edasi pingutada.

Teile on lähedane olnud hingehoid ja pastoraalne töö, samuti olete läbinud kaitseväekaplaini erialakursused. Kuidas te hingehoiuni jõudsite?

Usuteaduse Instituudis õppides oli seal bakalaureuse tasemel kolm õppekava: luterlik ja õigeusu teoloogia ning hingehoid.

Osa hingehoiuaineid oli ka meie õppekavas ja sealt tekkis arusaam, millega on tegemist. Õpingute kolme aasta jooksul ma hingehoidu süveneda ei jõudnud, sest oma õppeaineid oli palju ja tööd ka.

Kui kool oli läbi ja jõudsin preestriametisse, siis tundsin suurt aukartust inimese ees: kui ta tuleb murest rääkima või pihile, on minu roll teda aidata, aga selleks pean ma teda mõistma. Vahel aga on mul tunne, et ei mõista iseennastki, enda hinge. Nii on teist raske aidata. Seepärast jõudsin arusaamisele, et hingehoiukursus pole mitte vähem tähtis kui teoloogiline teadmine või oskused liturgikas.

Läksin hingehoiu baaskoolitusele eelkõige seepärast, et olla oma kogudustele parem preester. Neil kursustel õppisime ühelt poolt inimese hinge nägema enda hinge vaatamise kaudu. Kursusel oli ka palju selliseid ülesandeid, kus õpilastena tegime väikeseid harjutusi teineteisele, üks rääkija ja teine kuulaja rollis. Kursuse teemad käsitlesid inimese elu erinevaid kriise, leina ja peresuhteid. Seal õpitu andis nii teoreetilisi teadmisi kui ka praktilisi oskusi, et olla abivajajale hea kuulaja ja teda mõista.

Kaitseväe kaplanikursusele viis mind see, et olin 13 aastat kaitseväe ohvitser. Alustasin teenistust kohe, kui kaitseväge taastati. Teenisin pärast ohvitserikursuse lõpetamist mitmel ametikohal. Kui loodi Eesti, Läti ja Leedu ühine rahuvalvepataljon BALTBAT, suunati mind Adaži baasi selle pataljoni staapi personaliohvitseriks. Olin seitse aastat selles meeskonnas.

Seal olid kutselised sõdurid. Mehed käisid vahetustega rahvusvahelistel rahutagamissioonidel ning nendega juhtus üht ja teist. Kahjuks oli ka hukkumisi. Pataljoni luurerühmaga juhtus traagiline õnnetus Kurkse väinas, kus hulk mehi jättis oma elu merre...

Neil aastatel kaitseväes teenides ei osanud ma abivajajaid hingeliselt aidata. Ma ei olnud vaimulik ja psühholoogiateadmisi ei olnud ka piisavalt. Olin ju lihtsalt jalaväeohvitser. Eks tunnen end tänaseni ohvitserina ja tahan anda kaplanina oma panuse täna rahuajal ja ka võimaliku sõjalise konflikti puhul. Vahel tunnen, et mind nagu kisuks tagasi militaarmaailma – tahaks olla taas nende mehiste meeste hulgas. Loodan, et piiskopiameti kõrvalt jääb aega, et anda oma panus ja toetada neid, kes praegu teenistuses, aga võib-olla veel rohkem meie veterane, sest need mehed vajavad seda, et neid kuulataks ja mõistetak. Lahingu-tegevuses ja missioonidel kogetu ei unune. Teenistuses saadud traumaatilised kogemused jätaavad inimesesse jälje kogu eluks. Ühtpidi tunnen meestele kaasa, teistpidi tunnen end ühena nende hulgas.

Olete lõpetamas Tartu Ülikooli usuteaduskonnas magistriõpinguid. Mis on magistritöö teema?

Teema on 50. psalm õigeusu kiriku hommikuteenistuse kontekstis.

Miks just see?

Hommikuteenistuses on meil selline huvitav järjestus, et alguses tuletatakse meelde, kuidas salvitoojad naised lähevad hommikul Kristuse hauale ja avastavad, et kivi on hua eest ära lükatud. Nad on esimesed, kes avastavad, et Teda, keda nad pidasid surnuks, seal hauas ei ole. Siis loeb preester hommikuevangeliumi ja me tunneme rõõmu, et meilegi on kingitud lunastus ja ülestõusmine.

Seejärel loetakse 50. psalm ja see on kontrastiks: meid tõmmatakse justkui maa peale tagasi ja meenutatakse meie patust. See psalm kutsub meid pattu kahetsema ja meelt parandama.

Kui ma õpingute ajal lugejana katedraalis iga laupäeva õhtul koguõisel teenistusel osalesin, hakkasin tasapisi märkama seda meeleolumuutust, mida 50. psalm minus tekitas. Sealt saingi tõuke selle teema valimiseks, et hommikuteenistusse rohkem stiiveneda ja oma kogemusest akadeemilise töö kaudu ka teistele rääkida.

Teema tundus huvitav ja oluline, aga ma haarasin ikka väga suure suutaie. Selle läbinärimine pole nii lihtne. Võtsin parimad juhendajad, keda teadsin, professor Urmas Nõmmiku Vana Testamendi tundjana ja Tauri Tõlpti meie kirikuisade väga hea tundjana. Nad on mind palju aidanud, aga töö tuleb ikka endal teha. Vahel veidi väsin ja hoian pead kinni. Samas palju pole jäänud. Töö kava on olemas, paar peatükki

kirjutatud, eelkaitsmine läbitud. Nüüd tuleb vaid järjekindel olla ja plaanitu lõpule viia, et 2026. aasta kevadel kaitsmisele minna.

Tagasi vaadates on magistriõpingu aastad Tatu Ülikooli usuteaduskonnas mulle palju andnud. Kuna ülikooli õppekorraldus lubab vabaaineid ka teistest teaduskondadest võtta, olen kuulunud lisaks loenguid ajaloolaste juures, kirjandusteadusest ja isegi matemaatikast. Akadeemiline õhkkond kasvatab ja rikastab, ole noor või vana.

Kuidas te jõudsite õigeusu kirikusse?

Kuna olin kaitseväe ohvitser ja meie riik kuulub NATOsse, siis öeldi, et ärge Venemaale turismireisile minge, julgeolekuohtude pärast. Mu lapsepõlve lemmiklinn Sankt Peterburg on mulle alati meeldinud arhitektuuriliselt. Kui ma enam kaitseväes ohvitser ei olnud, 2015. aastal, otsustasime sõpradega, et sõidame Peterburi, reisi-me ja pildistame. Kirikud, mis nõukogude ajal olid suletud või muudetud muuseumiteks või ladudeks – Isaku, Kaasani katedraal – olid nüüd taas kirikud.

Tahtsin kirikusse minna, et pildistada, ja saingi. Niimoodi ma ahmisin seda ilu. Nägin oma silmaga imettegevast Kaasani Jumalaema ikooni ning hardaid inimesi, kes ootasid järjekorras, et minna ja ikooni austada. Käisin, pildistasin: mõnus hämarus, küünlad ja lambid.

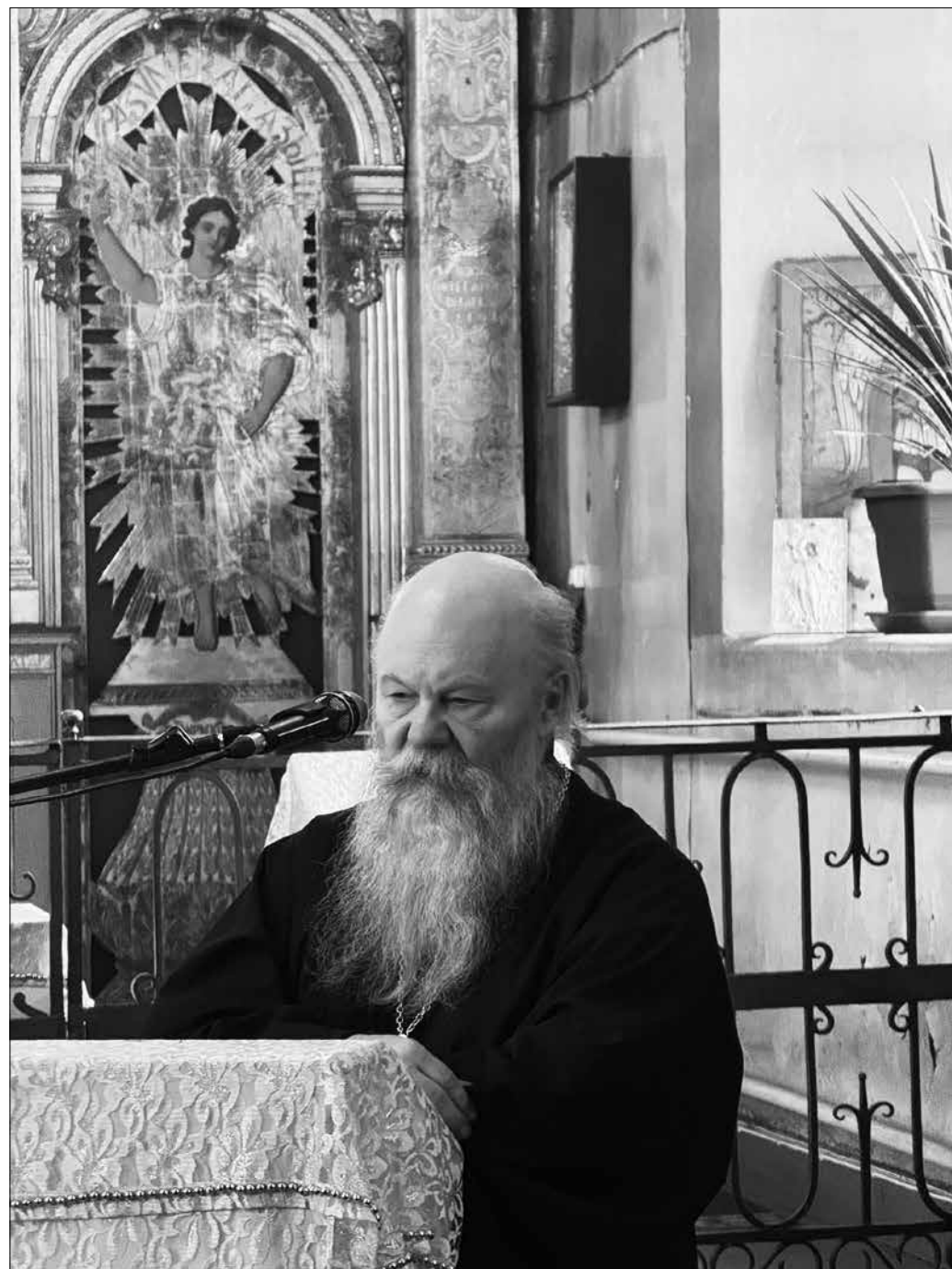
Olin kuulunud pikka aega katoliku kirikusse. Ühtpidi oli kirikus nähtav tuttav, aga traditsioonid on ju ikkagi erinevad.

Meenub koguõine teenistus Kaasani kirikus. Preestrid käivad ringi, suitsutavad, keel on võõras. Vanaslaavi keelest ei saa aru, teenistusest ei saa aru. Arusaamatus ja huvi.

Tulin tagasi Tallinna, käisin ühes ja teises kirikus. Ühel hetkel läksin Siimeoni ja Hanna katedraali, uks oli lahti, kirik tühi, üks mees ukse juures pikas mustas kuues. Ütlesin, et tahan liturgia kohta kirjandust. Toona ei teadnud, et liturgia õigeusukiriku mõistes tähendab peajumalateenistust. Ta oli minuga hädas, tal polnud mulle õpiku moodi raamatut anda. Ja siis äkki pakkus mulle ühe raamatu, et siin on liturgia olemas. Vaatan, midagi aru ei saa. See oli vaimuliku teenistusraamat.

Paari nädala pärast läksin taas kirikust läbi. Olin vahepeal üles leidnud Pereraadio ja „Ortodoksia” saate. Sel kevadel rääkis selles Tauri Tõlpt Püha Platoni seminarist. Sain selle kirikus olnud musta kuuega mehega tuttavaks, tema oli arhidiakon Marius. Ta ütles, et ei maksa muretseda ja võib julgelt seminari minna.

Asi jätkus sellega, et saatsin Tauri Tõlptile e-maili, sain tunniplaani, septembris marssisin kohale ja ütlesin, et mina olen Andrus ja katoliiklane, et tulin vabakuulajaks. Üks esimesi loenguid oli see, kus ülempreester Mattias Palli rääkis liturgi-

Fotod: preester Kristjan Otsmann 2025

kast. Sain seda, mida olin otsinud, ja kõike muud ka õigeusu põhitõdedest. Õigeusu maailm hakkas avanema.

Juhtumisi ütles isa Mattias ühel päeval, et algab katehees. Küsisin, kas võin ka kateheesi tulla, sest vundament mul puudub, õigeusu igapäevaelu ei tunne. Nii juhtuski, et hakkasin käima kateheesis. Polnud kavatsust kirikut vahetada. Aasta käisin aktiivselt seminari loengutel, laupäeviti isa Mattias kateheesis.

Hakkasin käima ka teenistustel, et aru saada – tahan ju näha, kuidas teenistus toimub. Pealegi on kirik kodule lähedal. Käisin laupäeva õhtul vigiilial ja pühapäeval liturgial, katoliku kirikusse jõudsin harva.

Kui katehees kevadel lõppes, siis ütlesin isa Mattiasele, et olen kogemata katoliku kiriku unarusse jätanud, võtke mind kah õigeusu kirikusse. Ma pole tahtnud usku või kirikut vahetada – see oli protsess, kuhu viis mind teadmisjanu. Tagantjärele võin katoliku kirikule vaid ühte asja „ette heita”: tol hetkel ei pakutud seal ilmikule head põhjalikku teadmistebaasi. Tänapäeval on piiskop Jourdanil katehees olemas.

Nii juhtuski, et sain teadmisi õigeusust ning seeläbi hakkasin paremini mõistma ka katoliku kirikut. Esimese aastatuhande olime ju koos ühe perena ning sain aru,

miks nad lahkesid ja kus on erinevused. Siis oli õpingute käigus vaja teha koguduses praktikat, sattusin lugejarolli ja Covidi ajal *live*-ülekandeid tegema. Metropoliit märkas mind vist siis ja kui õpingud instituudis olid lõpetatud, tegi ta mulle ettepaneku diakonipühitsuseks. Algul polnud ma selleks veel valmis ja nii sai minust diakon alles aasta pärast. Paar aastat tagasi sai minust preester ja nüüd pidas Püha Sinod mind vääriliseks seada piiskopiks.

Tagantjärele näen, et kõik tuli kuidagi isenesest või loomulikku rada pidi. Huvi ajaloo, filosoofia ja teoloogia vastu tõi mind vanas eas tagasi koolipinki. Olen väga tänulik oma õpetajatele ja kirikule. Nüüd on aeg teenida.

Mis võiks teid piiskopina iseloomustada?

Ma ei võta asju liiga tõsiselt, ma pole jäik usu- või kirikuinimene. Kaks asja: mul on huvi ja olen avatud ning teine on aukartus inimese ja tema murede-rõõmude ees. See on minu teenimise mõte. Ma tulen kaitseväest, kus valmistume lahingusse minekuks, aga sinna ei minda üksi. Kirikus valmistume Issanda palge ette minekuks ja sinna ka ei minda üksi, vaid üksteist toetades.

Vestelnud preester Kristjan Otsmann, Tartu Pühade Aleksandrite ja Põltsamaa Pühavaimu koguduste esipreester

Foto: Vaasa õigeusu koguduse arhiivist.

Peapiiskop Herman Aava kujunemisaastad: tulevase kirikujuhi vaimsed juured Eestis

Ülempreester Andrei Sõtšov

Vaimulikutee algus

Herman Aav (2. september 1878 Hellamaa vald, Muhu – 14. jaanuar 1961 Kuopio) sündis Muhu-Hellamaa koguduse köster-kooliõpetaja Vassili ja Miia (Maria Ellik) Aava peres esimese lapsena. Lapsepõlves omandatud kirikulaul ja vaimne kasvatus viisid ta järgmisele õpinguteele: Muhu-Hellamaa kihelkonnakool, Kuressaare linnakool, Riia vaimulik kool (1889–1894) ja Riia vaimulik seminar (1894–1900), mille ta lõpetas köster-kooliõpetaja kutsega. 1904. aastal abiellus Herman Aav Muhu-Rinsi preester Aleksander Bobkovski tütre Ljuboviga. Noored tundsid teineteist juba lapsepõlvest. Laulatus toimus 23. augustil 1904 Muhu-Rinsi õigeusu kirikus. Pärast abiellumist pühitseti Herman preestriks ja määrati teenima Lelle kogudusse. Perre sündis seitse last: Sokrates Hermansson-Aav, Tamara (Kasanko), Ariadne (Kivinen), Yrjö (Jüri), Muusa ja Lucia Aav.

10. aprillil 1921 suri Ljubov sünnitusjärgsesse veremürgitusse, seda kuu aega pärast Lucia ilmaletulekut 14. märtsil. 1. aprillil 1921 oli sarlakite tagajärjel surnud nende nelja-aastane tütar Muusa. Mõlemad sängitati mulda Muhu-Rinsi õigeusu kalmistule.

Sündmus põhjustas isa Hermanile sügava kriisi ja leina. Hiljem meenutas valitseja, et palvetas ahastuses Jumala poole, küsides: „Miks see pidi minuga juhtuma?” ning andis Jumalale lubaduse: „Tee minuga, mida tahad, mina ei korralda enam oma elu, vaid Sina ise.” Need aastad olid tema jaoks kooli jaoks visaduses ja ustavuses väikesele – täpselt neis piirides, kus hakkas tärkama tema vaimne suurus. Need sõnad said tema vaimse elu alguspunktiks, millest kasvas välja tema hilisem tasakaalukus ja kindel usk Jumala juhtimisse.

Teenimine Eestis

Aastatel 1900–1923 teenis Aav Eestis köstri, koorijuhi ja preestrina. Ta alustas Haapsalu Maria Magdaleena koguduses köster-kooliõpetajana (1900–1904), seejärel pühitseti ta 1904. aastal Riia püha Kolmainu naiskloostri diakoniks ja samal aastal preestriks. Isa Hermani esimeseks teenistuskohaks preestrina oli Lelle (1904–1907), seejärel Vändra (1907–1911) ja Mustjala (1911–1923). Aastatel 1917–1919 ja 1922–1923 tegutses isa Herman Saaremaa praostina – ajal, mil Venemaa keisririik varises kokku, Saksa väed

okupeerisid Saaremaa, Eesti iseseisvus ning algas Vabadussõda.

Haapsalus, Lelles, Vändras ja Mustjalas – neis paikades oli õigeusu elu tagasihoidlik, ent sügavalt juurdunud. Nendes kogudustes, kus ta õpetas laulmist, kirjutas jutlusi ja juhatas rahvast palves, kasvas tulevane kirikujuht, kelle distsipliin ja sisemine rahu said hiljem kogu kiriku tugisambaks. Need aastad kujundasid tema tööstiili: rahuliku, tähelepaneliku ja südamest tuleva teenimise, mille juured olid sügaval usus ja distsipliinis.

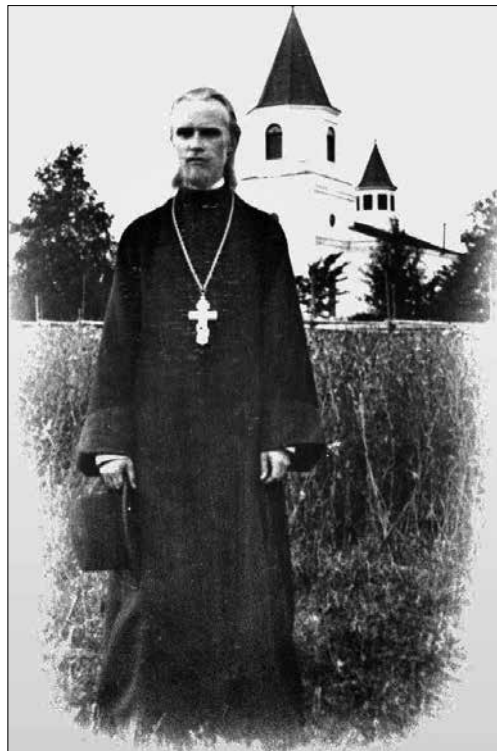
Isa Herman oli ka aktiivne ühiskonnategelane: Vändra karskusseltsi Allikas abiesimees (1908) ja esimees (1908–1909), Mustjala Põllumeeste Seltsi abiesimees (1913–1916), Lelles oli ta Pärnu praostkonna põllumajanduskomisjoni abiesimees (1912–1917) ning Saaremaal ajalehe Saarte Kaja toimetaja abi 1919. aastal. Ta toetas karskusliikumist ning oli aktiivne kohalikes seltsides ja haridusühingutes. Kõik see lõi pildi haritud ja avatud meelsusega preestrist, kes oskas ühendada vaimulikutöö ja ühiskondliku vastutuse. Just Eesti-perioodil kujunes isa Hermanist pühendunud vaimulik, õigeusu kirikulaulu edendaja ja harrastuskunstnik.

Isa Hermani varjased päevikud: vaimse tee algus Riia seminaris ja Haapsalus (1898–1901)

Aastatel 2023 ja 2025 avanes mul võimalus tutvuda Kuopios RIISA muuseumis säilitatavate peapiiskop Herman Aava kirjavahetuse, jutluste, käsikirjade ja päevikutega. Need allikad pakkusid väärtuslikku pilguheitu mitte ainult Soome, vaid ka Eesti Apostlik-Õigeusu Kiriku 20. sajandi kujunemislöö taustale. Valitseja isiklik arhiiv andis võimaluse süüvida nii isa Hermani noorusaegsesse sisemaailma kui lõi ka parema ülevaate temast kui vankumatust kirikujuhist, kellel oli selge visioon Soome rahva teenimisel, Soome õigeusu rahvakiriku ülesehitamisel ja alalhoidmisel ning iseseisvuse säilitamisel teise maailmasõja ajal ja selle järel. Arhiiviga tutvudes mõistsin, kuidas ühes isikus võisid üksteist toetavalt põimuda kolm eluvaldkonda: sügav usu- ja palveelu, mitmekülgne looming ning vankumatu ja pühendunud teenimine. Need ei olnud tema elus kunagi lahus, vaid moodustasid ühe ter-viku – ühe hingamise, kus vaimsus väljendus nii sõnas, helis kui ka pildis.

Herman Aava varasemad päevikud aastatest 1898–1901, mis olid kirjutatud Riia vaimuliku seminari viimasel aastal ja Haapsalu kahel esimesel teenimisaastal, on erakordselt sügavad vaimsed dokumendid. Need ei ole pelgalt noore vaimuliku märkmed, vaid usu elu sisekaemused, mis näitavad tema vaimuliku otsingu algust. Tema vaimse teekonna kõige isiklikum peegeldus kajastub just nendes päevikutes: sügavalt meditatiivsetes tekstides, noore vaimuliku sisemonoloogides, kus usuline otsing põimub vaikuse ja loodustajuga.

Isa Hermani päevikutes tsiteeritakse rohkesti kirikuisasid: püha Sütüria Iisakit, Egiptuse Makaanit, Grigoori Teoloogi, Johannes Redelikirjutajat ja Efraim Süürlast. Need autorid ei ole talle pelgalt lugemisvara, vaid vaimulikud kaaslased, kelle kaudu ta tõlgendab oma sisemist teekonda ja leiab vastuseid usu, kahtluse ja vaikuse küsimustele. Kirikuisasid lugedes ja parafraseerides mõistab isa Herman, et vaikus ei ole tühjus, vaid Jumala kohalolu ruum; et palve ei ole sõnade

Preester Herman Aav Lelle õigeusu kiriku ees.
Foto: David Papi erakogu, pildistatud 1904–1907.

rohkus, vaid südame seisund, ning et tänu-likkus ja meeleparandus on hinge tõeline puhastumine. Nende mõtete mõjul saab tema päevikust palvepäevik, kus sõnad ei sünni mitte mõistusest, vaid kuulamisest.

Julgen siinkohal väita, et noorel Hermanil avaneb peaaegu hesühastlik vaade usu elule: usk ei ole tõestus, vaid kohalolu; palve ei ole eeskätt sõnad, vaid süda. Päevikutes on tunda varajast hesühastlikku hingust: vaikust kui kohalolu, tänu ja meeleparandust kui hinge puhastamise teed, loodust kui Jumala keelt. Noor köster-kooliõpetaja kirjutab märtsikuus 1898: „Mõnikord tundub, et minu tee on liiga vaikne ja inimeste eest varjatud, ent ka tera maa sees on nähtamatu, kuni see tärkab.”

Need read näitavad hinge, kelle kutsumus ei kasvanud mitte välise hiilguse, vaid sisemise truuduse ja palvemeelse töö kaudu. Tema päevikud sisaldavad lühikesi palveluuletusi, mis kõlavad kui miniatuurproparid – troparid ilma meloodiata, aga täis sügavust. Üks varasemaid, märtsist 1898:

Ja mina vaikin, ning Sina räägid minus.

Sinu vaikus – valgus veepinnal.

Kes kuulab vaikust, see kuuleb Sind.

Vaikust ei mõisteta tühjusena, vaid armu läbikumava ruumina, kus inimene lakkab enast tõestamast ning laseb Jumalal olla „lähedal, mitte väljus ega müriinas, vaid tasases hääles” (vrd 3Kg 19:12). Selline tähelepanelik vaikus on ka tänapäeva lugejale tee- viidaks: vähem seletusi, rohkem kohalolu; vähem ärevust, rohkem usaldust.

Päevikud pakuvad ka omamoodi annust loodushäälset. Herman kirjeldab, kuidas vihmasabin, valgus ikonostaasil või aias langevad õunad muutuvad palveks, mis ei vaja sõnu. 1900. aasta oktoobris, pärast vihma, kirjutab ta:

Vihmapiiisas – taevas.

Igas hingetõmbes – Sina.

Miks ma Sind otsiksin? – Sina ise otsid mind.

Märtsikuus 1901 ülestõusmispühadeks valmistudes sõnastab ta oma vaimse elu tuuma: *Ära otsi tunnustähti – otsi kohalolu.*

Need sõnad said nagu hingamine.

Kui ma unustan – nad toovad mu tagasi.

Las ka kogu mu elu saab selliseks meeldetule-

letuseks – mitte valjuks, vaid elavaks.

Need read võtavad kokku Aava vaimuliku küpsuse põhitooni – palve kui tänulik kuulamine ja kohalolu. Aprillis 1901, pärast ülestõusmispühi jõe ääres jalutades sõnastab ta oma elusihi:

Kui ma ei saa olla valgus – saan olla aken, mille läbi valgus tungib.

Ja mu pimeduses keegi näeb Sind.

See alandlikkuse ja läbipaistvuse motiiv läbib ka tema teenimist ametivendadega. Tema jaoks oli inimene nagu aken, mille kaudu paistab valgus – ja kui ta ise ei saa olla valgus, saab ta vähemalt olla selle jaoks läbipaistev. 1901. aasta mais, pärast liturgiat uue diakoni Andrei Jürissoniga:

Ära ütle – mina tegin.

Ütle – Jumal lubas.

Alandlikkuse mälestus on kallim kui kuulsus.

Herman Aav oli veendunud taimetoitlane, armastas loodust, põlluharimist ja aiandust. Tema rohkearvulised harrastused ja mitmekülgne peegeldavad täielikult ja harmooniliselt arenenud isiksust, kelle vaimsus läbis kõiki eluvaldkondi. Päevikutes mainib ta sageli looduse vaatlemist: kuidas päike langeb läbi akna ikonostaasile, kuidas vihm rütmiliselt akna vastu koputab, kuidas õunad aias langevad. Loodus oli tema jaoks Jumala keel.

Loominguline tegevus: Herman Aava vaimse elu väljendused

Lõpetuseks mainitagu, et tulevane peapiiskop Herman Aav ei olnud üksnes vaimulik juht, vaid ka kultuuritegelane, kelle loominguline töö ulatus kirjandusest muusika ja kunstini. Just niisugusest sisemisest maailmast kasvas välja tema hilisem looming. Herman Aav oli köster, õpetaja ja preester, aga ühtlasi poeet ja muusik, kes oskas väljendada oma usku sõnas, helis ja pildis. Tema looming ei olnud iseseisev, vaid voogas orgaaniliselt tema palveelust – nagu õunapuu kannab vilja, kui juured on sügaval. Järgnevalt annan ülevaate tema loomingu kolmest põhivaldkonnast.

Kirjanduslik tegevus

Peapiiskop Herman (kodanikunimega Aav) kasutas pseudonüümi H. Lumilill, mille all avaldas nii luule- kui proosateoseid. Tema tuntum teos on „Elu-kevade” (Tartu, 1909), mis sisaldab lüürilisi mõtisklusi elu ja usu teemadel. Ta avaldas ka luulekogumikke pseudonüümi H. Lumilill all ning kirjutas mõtisklusi ja jutlusi ajakirjades Vaimulik Sõnumitooja, Usk ja Elu ja Vaatleja ning ajalehes Saarte Kaja, käsitledes kiriklikku elu, kultuuri ja eetikat. Tema kirjatööd kandsid alati rahulikku palvemeelsust ja elu sügavuse tänulikku tajumist. Tema kirjutistes on tunda sama sisemist vaikust ja tähelepanu, mis läbib ta päevikuid.

Abielu ja pereelu oli tema jaoks oluline väärtus. Kuna peapiiskop Hermani abielu enne leseks jäämist ja piiskopiks saamist oli ehtne ja õnnelik ning ta hindas naise ja ema rolli kodus ja kirikus, rõhutas ta seda ka hilisematel aastatel. Selle kohta avaldas ta näiteks 1943. aastal brošüüri „Naisen voima” („Naise elujõud”). Eluaegse veendunud karsklasena osales ta nii Eestis kui ka Soomes karskusliikumises, avaldades mitmeid teoseid, sealhulgas 1951. aastal „Vihollinen nro 1” („Vihavaenlane number 1”).

Talve- ja jätkusõja ajal, soovides toetada ja lohutada Jumala sõnaga Karjala pagulasi,

avaldas peapiiskop Herman aastatel 1940–1951 mitmest vihikust koosneva koguteose „Elämän myrskyssä” („Elutormides”) ning 1950 ja 1953 teosed „Ahdistuksessa kärsivälisinä” („Ahastuses kannatlikud”), milles ta kujutab elavalt evakueeritud karjalaste õnnetatust, kaotatud kodusid ja sõjajärgset elu ning kutsus üles jätkama elu uutes tingimustes.

Kuue lapse isana toetas peapiiskop Herman alati kiriku laste- ja noortetööd. Ta osales kirikunoorde koosolekutel alates 1930. aastatest, õnnistas sõja ajal Soome kiriku noorsootöökeskuse Ortodoksisten Nuorten Liitto (ONL) loomist 1943. aastal ja õigeusu üliõpilasliidu Ortodoksisten Ylioppilaiden Liitto (OYL) asutamist. Tema kirikunoordele peetud jutlused avaldati 1959. aastal eraldi raamatuna „Katoamaton nuoruus” („Kadumatu noorus”) ning noorte vaimulike kandidaatidele jutluste kogumikuna „Loistakoon valonne” („Paistku teile valgus”).

Muusika

Isa Herman Aav oli kirikulaulu edendaja ja koorijuht, kes kirjutas ja seadis koguduste tarbeks vaimulikke laule. Muusika jäi talle kogu elu vältel vaimse hingamise keeleks. Tema tegevus aitas kujundada Eesti õigeusu kirikulaulu traditsiooni 20. sajandi alguses ning pani aluse ka õigeusu koguduste laulupeo traditsioonile.

Aavade kodu oli tuntud külalislahkuse ja muusikaarmastuse poolest. Eriti tähenduslikuks sai 1921. aasta kevadel loodud laulutsükkel „Eukaristia”: heliline päevik, mis sündis leinast, ent kandis tänu ja lootuse tooni. Ta meenutab, et tundis abikaasa häält ja kohalolu, kui istus klaveri taha ja mängis esimesi helisid, mis justkui sündisid tema sise- misest palvest. Hiljem kujunes „Eukaristia” terviklikuks laulutsüklikuks, mille viisid seadis helilooja Aleksei Krasnostovski ja mis ilmus soome keeles 1959. aastal.

Aava jaoks ei olnud muusika eesmärk omaette, vaid palve vorm – viis, kuidas hing võib rääkida ilma sõnadeta. Tema pikaajaline unistus korraldada praostkonna õigeusu koguduste laulupidu täitus 1930. aastatel Soomes alguse saanud üldkiriklike laulupidude kaudu.

Riimilaulud, mida Aav armastas, leidsid tee ka soomekeelsetesse kogudustesse, kus neid lauldi teisipäeviti kogunemistel. Esimene soomekeelne riimilaulude kogumik „Vael-tajan laulut” („Palveränduri laulud”) ilmus 1950. aastal.

Kunst

Lisaks kirjandusele ja muusikale tegeles Aav ikoonimaali, joonistamise ja maalimisega. Tema loodud ikoone on näha näiteks Eestis Muhu-Rinsi õigeusu kirikus. Ta huvitus ka fotograafiast, jättes endast maha mitmeid visuaalseid töid, mis kajastavad tema esteetilis- ja vaimset maailma. Ikoonid polnud tema jaoks mitte kunstitööd, vaid „aknad”, millest tungib läbi Jumala valgus – nii nagu ta kirjutas oma päevikus 1901. aasta aprillis. Ka siin kordub sama põhimõte: ikoon ei ole kunsti- teos, vaid aken valgusele, mis tuleb mujalt.

Loominguline tegevus peegeldab Aava mitmekülgset: ta oli vaimulik, kes oskas väljendada usulist sügavust nii sõnas, helis kui pildis. See kultuuriline mõõde ei olnud lisanud tema vaimulikule missioonile, vaid selle loomulik väljendus: kui palve on piisavalt sügav, siis hakkab see kõlama, laulma ja põ-

lema. Loominguline tegevus ei olnud tema jaoks mitte „mina teen”, vaid „Jumal lubas”.

Teel Soome põhjakalda teisele poolele

1920. aastate algus oli Herman Aava elu murranguline. 1922. aastal tuli Soomest kutse alustada Põhjalahe teisel kaldal teenimist esikarjasena. Samal aastal valis Soome õigeusu kiriku täiskogu ta Sortavalas Karjala piiskopiks. 1923. aastal osales ta delegatsioonis, mis sõitis Konstantinoopolisse – seda koos Eesti peapiiskopi Aleksander Pauluse ja E. N. Setälaga. Praost Herman sõitis Eesti ja Soome õigeusu kirikute delegatsioonide koosseisus Konstantinoopolisse, kus patriarh Meletius pühitses ta 8. juulil 1923 Konstantinoopoli Fanari püha Georgi katedraalis patriarh Karjala piiskopiks. Kaks aastat hiljem, 1925. aasta juunis, valis Sortavalas kogunenud uus kirikukogu Herman Aava Karjala ja kogu Soome peapiiskopiks – ametisse, mida ta pidas ustavalt kuni 1960. aastani, juhtides autonoomset Soome õigeusu kirikut nii selle tilsehituse, teise maailmasõja katsumuste kui ka taasülesehitamise aastatel.

Rahvakiriku kujunemine Soomes

Sellesse perioodi langes rahvakiriku kujunemine Soomes. Iseseisvunud riigis oli loomulik, et püüti muuta kiriklik elu rahvale lähedasemaks – mitte poliitiliselt, vaid vaimulikult ja kultuuriliselt. Õigeusku sooviti kodustada, muuta see soomlastele südame- lähedaseks nii hingelt kui ka laadilt. See väljendus mitmel moel: rahvakeelse kiriku- muusika arendamises, uue kalendri kasutuselevõtt, kirikuarhitektuuri ja ikoonimaali esteetilisest valikutes.

Herman Aav ei olnud nende uuenduste algataja poliitilises tähenduses, vaid inimene, kes aitas neid rahulikult ja vaimselt tasakaalustada. Tema eesmärk oli hoida kiriku sise- mist ühtsust ja säilitada vankumatu rahu ajal, mil ümber toimusid kiired muutused.

Ka kalendriküsimus, mis 1920.–1930. aastatel tõi kaasa pingeid, eriti venekeelsetes kogudustes ja kloostrites – Vanas Valamos, Petsamos, Konevitsal ja Lintulas –, nõudis tarkust ja mõõdukust. Uue kalendristiili kasutuselevõtt põhjustas sekeldusi, kuid Aava jaoks ei olnud küsimus võitluses, vaid ühtsuses. Eesmärk oli ühtlustada liturgilist elu kohaliku kiriku praktikaga ja tagada, et erinevad traditsioonid ei rebiks kirikut lõhki. Põhirõhk jäi ikka samaks: palvele, liturgilisele elule ja hingehoidlikule rahule, mitte võidule vaidluses.

Kokkuvõte: vaiksest palvest sündinud jõud

Aava sisemine distsipliin ja palvemeelne elu ei jäänud üksnes isiklikuks kogemuseks. Need omadused said hiljem nähtavaks selles, kuidas ta juhtis kogu Soome õigeusu kirikut, eriti kriisiaegadel. Kui seda püüti 1946. aastal uuesti Moskva patriarhaadile allutada, jäi peapiiskop Herman kindlaks oma rahulikule joonele. Ta ei vastanud jõuga, vaid diplomaatiliselt ja kannatlikult, kaitses kiriku autonoomiat ilma seda lõhestamata. Sellist rahu ja kindlust võis kanda ainult inimene, kes oli õppinud kuulama Jumala häält vaikuses ja ootama kannatlikult Tema määratud aega. See rahu ja tasakaal oli küpsenud tema nooruspõlve vaikuses Eestis.

Tema päevikutes on üks lause, mis näib kogu tema elutunnet. Ta kirjutas 1898. aasta juulis: „Kas põllumees ei virise- gi, kui ta ei näe võrseid järgmisel päeval? Ta

Isa Herman oma pereliikmetega 1920ndate alguses. Foto: Soome õigeusu kirikumuuseumi kogu OKMVA3824:42.

teab: seeme lebab maa sees, ja aeg teeb oma töö. Nii ka vaimses elus: kõik küpseb saladuses, kannatlikkuse katte all.”

Peapiiskop Herman Aava elu oli just selline: rahulik, nähtamatu, kuid viljakas. Tema tee Soome õigeusu kiriku juhiks sai alguse tema sügavast vaimulikust elust Eestis, kokku 22 aastat kiriku teenimist köstrina, diakonina, preestri ja praostina. Tema päevikud on kui peegel, mis näitab, kuidas sisemine töö, palve ja teenimine kujundasid temast juhi, kelle autoriteet ei sündinud ametikohast, vaid vaimulikust selgusest.

Valitseja Hermani sügav rahu, lihtsus ja inimlik soojus jäid kõigile meelde. Need omadused, kujunenud aastatepikkuses teenimises Eestis, kandsid teda hiljem Soome õigeusu kiriku juhina kuni pensionile jäämiseni 1960. aastal. Ta uinus 14. jaanuaril 1961 Kuopios ja puhkab Kuopio kalmistul – tagasihoidliku hauakivi all, mis peegeldab tema elukestvat vaimsust ja alandlikkust. 1989. aasta 2. juulil pühitseti Muhu-Hellamaa kirikus peapiiskop Herman Aavale pühendatud mälestustahvel tema 110. sünniaastapäeva puhul Soome ja Eesti õigeusu kirikute ühisel jumalateenistusel, Soome õigeusu peapiis-

kop Johannese (Rinne) ja Eesti metropoliit Aleksius (Ridiger) kaasteenimisel.

Tema elu ja töö jätsid Soome ja Eesti õigeusule pärandi, mille tuumaks oli usaldus Jumala vaikse, kannatliku ja loova töö vastu inimese südames.

Herman Aava pärjati teenete eest mitmete ordenitega, sh Püha Piiskop Platoni ordeni, Soome Valge Roosi ordeni, Kolme Tähe ordeni ning teiste tunnustustega. Igavene mälestus!

Kasutatud kirjandus ja arhiiviallikad:

Kasanko, Matti. Arkkipiispa Herman Aav – elämä ja työ. *Ortodoxia* (1978): 15-36.
Loima, Jyrki. Nationalism and Orthodoxy in Finland. Helsinki: SKS, 1998.
Musajev, V. I. Meždu Zapadom i Vostokom: Pravoslavie v Finljandii. Moskva: Indrik, 2014.
Piironen, Erkki. Suomen ortodoksinen kirkko 1918-1960. Joensuu, 1983.
Purmonen, Veikko. Elämä ja tie: Arkkipiispa Herman Aav. Kuopio, 1987.
RIISA – Suomen ortodoksisen kirkon keskusarkisto: Peapiiskop Herman Aava kirjave- hetus, jutlused ja päevikud (s. 1299/Box 204).

Karjala ja kogu Soome peapiiskop Johannes pühitseb peapiiskop Herman Aava mälestustahvli Muhu-Hellamaa kirikus 2. juulil 1989. Foto: Muhu-Hellamaa koguduse album.

Püha Grigoori Jumalasõnaõpetaja jõulujutlusest

Kristus sünnib, kiitke; Kristus tuleb taevast, minge vastu! Kristus on maa peal, tõstke ennast kõrgesse. Laula, kõik maailm, Issandale!¹ Kristus on lihas, tundke kartust ja rõõmu. Kartust oma eksimuste pärast, rõõmu lootuse pärast. Jälle on pimedus möödas, jälle on saanud valgus; jälle on Egiptust tabanud pimeduse nuhtlus, jälle valgustab Iisraeli tulesammas. Inimesed, kes istusid teadmatuses, näevad täiusliku teadmise suurt valgust. Vanad asjad on kadunud, kõik on saanud uueks. Kirjatehtud annab teed, vaim astub ette. Varjud põgenevad, tõde astub nende asemele. Looduseadused ületatakse, see on Kristuse käsk, ärge keegi astugu selle vastu. Plaksutage käsi, kõik rahvad.

Sest üks Laps on meile sündinud, üks Poeg on meile antud. Tema õlal on Ta valitsus ja Tema rahu on otsata. Tema nimi on Suure Nõu Ingel, Imeline Nõuandja, Vägev Jumal, Valitseja, Rahuvürst, Tuleva Aja Isa (Js 9:5).

Kristuse sündimise pühal tähistame Jumala tulemist inimese juurde, et inimene saaks minna, õigemini *tagasi* minna Jumala juurde. Et heites seljast vana riide, ta riietuks uuega; et olles surnud Aadamas ta elaks Kristuses, sündides koos Kristusega ja minnes Temaga ristisurma, saades koos Temaga maha maetud, tõustes koos Temaga surnuist. „Ent kus patt on suurenenud, seal on arm saanud ülirohkeks” (Rm 5:20) ja kus kurja maitsemine oli needuseks, seal sai Kristuse kannatus õigeks mõistmiseks. Seepärast pidagem püha mitte paganlikul viisil, vaid kristlikult, mitte maiselt, vaid ülemaiselt; mitte nagu meie oma, vaid nagu Tema, meie Issanda oma; mitte loomise, vaid uueksloomise püha.

¹ Need sõnad, mida me tunneme Kristuse sündimise püha hommikuteenistuse kaanoni esimesest laulust, ongi võetud püha Grigoori jutlusest.

Ja kuidas pühitseda? Mitte uste pargamise, mitte tantsude korraldamise, mitte tänavate ehtimisega! Mitte andes silmle ahvatlust ega võludes kõrvu muusikaga; mitte uimastades sõormeid lõhnaainetega, mitte võrgutades maitsemeelt ega pakkudes pehmeid puudutusi – kõige selle kaudu tuleb vastuvõtlikkus kurjale ja sissepääs patule. Mitte uhkeldades riiete, kalliskivide ja kulla läikega, püüdes nendega loomulikku ilu üle trumbata, püüdes leiutatud abil moonutada Jumala kuju. Mitte „prasimises ega purjutamises, mitte kiimaluses ega kõlvatuses” (Rm 13:13), libiseses üleannetute kilda, kes on õelad õpetajad ja kellel õpetused on õelad, sest halb põld kannab halba vilja. Mitte ülistades veinide buketti ega kokkade imetöid ega kalleid võidesalve. Mitte püüdes üksteist jõukusega üle trumbata, samal ajal kui näljas ja puuduses on paljud, kes on seitsamast põrmust loodud kui meie.

Jätame selle kõik paganatele nende toretsemise ja pidutsemise jätkuks. Aga need, kes austavad Sõna – kui need tõepoolest vajavad naudingut, siis otsigu seda jumalikust Seadusest ja lugudest, sealhulgas ka jutustusest praeguse püha kohta, et see nauding oleks meile kui kristlastele omane ega oleks võõras sellele, kes on meid kokku kogunud.

Jumal on alati olnud, on praegu ja igavesiti. Lühidalt: Jumal *on*. Minevik ja tulevik on ajaliku aja jaotused, suhtelised ja muutuvad, aga Tema on igavene ja muutumatu. Ta *on, kes Ta on*, nagu Ta andis teada Moosesele Siinai mäel. Tal pole algust minevikus ega lõppu tulevikus, Ta on nagu Olemise otsatu ookean, piiritlematu, määratlematu. Ta ületab kõiki arusaamu ajast ja olemisest, mida mõistus vaid visandab ja sedagi ähmaselt ja kasinalt, sedagi mitte Tema olemuse järgi, vaid Temasse puutuva järgi. Üks kujutus ühest allikast, teine teisest, ühendatud mingisse tõe peegeldusse, mis kaob enne, kui seda jõutakse haarata, mis põgeneb enne, kui seda mõistetakse. Aga just see osa, mida ei mõisteta, on see, mida igatseme, ja see puhastab inimest, kes puhastumise kaudu Jumalale läheneb.

Jumalikkus olemust selle lõpmatuses on raskes mõista. Ja raskem veel selle kolmainuses – Isa ja Poja ja Püha Vaimuna –, kes ometi on üksainus. Seda püha salasust ei suuda seeravidki mõista. See Olemus, vajamata ise aega ega ruumi, lõi nähtava ainelise maailma – maa, taeva ja kõik, mis on nende vahel. Loodud maailm on imetlusväärne suurlooming, mille igal osal on oma kuju ja ilme, aga imetlusväärne ennekõike selle tõttu, et kõik selles toimib kooskõlaliselt, et iga osa sõltub mõnest teisest, et kõik kokku moodustab terviku. Seeläbi näitas Jumal, et Ta on võimeline looma mitte ainult enese sarnast, vaid ka enesest täiesti erinevat. Sest Jumala sarnased on vaimud, mõistuslikud olevused, kes on üksnes mõistusega tajutavad, lihatud. Aga Looja Sõna lõi ka olevuse, kelles ta ühendas vaimu ja aine, nähtamatu

ja nähtava. Ta lõi inimese, võttes keha loodud aineist ja vaimu enesest. Ta pani inimese – suure oma väiksuses – maailma, uudse inglil, täiusliku nähtavas osas, vaimu osas ainult osaliselt varustatud. Inimene on kõige maapealse kuningas, kes aga ise allub taevasele Kuningale, maine ja taevane, ajalik ja ometi igavene, nähtav, aga ka avamine. Ta asub kuski kõrguse ja madaluse vahepeal, hing ja ihu ühes olevuses: esimene selleks, et elada ja ülistada oma Heategijat, teine selleks, et kannatada ja läbi kannatuste taibata oma üleastumisi, tajuda oma uhkust ja uhkeldamist ning leida andestust.

Selle olevuse, inimese, pani Looja paradisi ja kinkis talle vaba tahte – sellele alasti lihtsameelsele, et ta saaks valida jumalaläheduse, Jumala seadustele allumise. Aga inimene langes ohvriks saatana kavalusele ja Looja pagendas ta paradisiist. Ja inimene päris surma, aga see oli talle kasuks, sest surm sai patuelu lõpetajaks, nii et kurjus ei oleks surematu. Karistus muutus armuks, sest Jumal karistab ainult halastusest.

Inimesel oli palju eksimusi ja teda nuheldi sõna, seaduse, prohvetite, noomimiste, katku, vee, tule, sõdade, võitude, kaotuste ning märkide läbi taevas, õhus, maal ja merel. Aga lõpuks sai selgeks, et ta vajab tugevamat arstirohtu, sest tõved aina süvenesid: vastastikused verevalamised, abielurikkumised, valevandumised, loomuvastased kuritööd ja see esimene ja viimane pahategude seas – ebajumalakummardmine, austuse ülekandmine Loojalt loodule. Kõik need eeldasid suuremat abi, ja suurem abi saabuski. Selleks abiks oli Jumala Sõna ise, kes on sündinud enne kõiki aegu, nähtamatu, alguseta, Valgus Valgusest, elu ja surematuse allikas. Ta on ilu algkuju, kustutamatu pitser, muutumatu Kujutis, Isa ilmutus ja Sõna, kes võttis enesele kuju ja liha inimeste liha pärast. Ta sündis Neitsist, kelle Püha Vaim oli puhastanud.

Nii sündis Kristus, lihaks saanud Jumal, üks isik kahes loomuses, liha ja vaim, kellest viimane valitses esimese üle. Jumal tuli Kristusena ja alandas ennast inimeste pärast, tuli otsima seda, kes oli eksinud mägede ja küngaste vahele ja leidiski eksinu. Olles ta leidnud, võttis Ta tema oma õlgadele, nagu Ta võttis ka risti, ja oma õlul kandis Ta tema hädaohust välja, lugedes ta nende hulka, kes polnud eksinud. Ta läitis küünla, omaenese liha, ja pühkis koja, puhastades maailma patust. Ta kutsus kokku oma sõbrad, inglid, ja jagas nendega rõõmu, et on leidnud kadunud drahmiraha (vrd Lk 15:8-9).

Kristus oli Jumal, aga ka inimene, tal oli kaks loomust. Lihalikult tundis Ta väsimust ja nälga, janu ja valu ning valas pisaraid. Jumalana täitis Ta Isa tahet. Ühelt poolt austati Teda Jumalana, teiselt poolt teotati inimesena, Tema jumalikkust eitades. Viimast ei teinud mitte kurjad vaimud – inimesed on uskmatumad kui need!

Tema, kes sündis Petlemmas, alandus hiljem puhastuseks Jordanis, pühitsedes veed oma puhastumisega, sest Tema, kes kandis maailma patud, ei vajanud puhastumist. Ja taevad avanesid ning Vaim tunnistas Temast kui Isaga üheolemuslikust. Teda kiusati, aga Ta jäi võitjaks ja inglid teenisid Teda. Ta parandas iga tõbe ja haigust ja äratas ellu surnuid. Ta ajas välja kurje vaime mõnikord ise, mõnikord oma jüngerite kaudu. Ta toitis suuri rahvahulki mõne leivapätsiga ja kõndis vee peal nagu kõval maal. Ta reedeti ja löödi risti ja koos enesega lõi Ta risti inimese patu. Ta toodi ohvriks nagu tall ja oli ise ohverdav preester. Ta maeti nagu inimene ja tõusis üles nagu Jumal. Ta läks taevasse, et tulla jälle oma auhiilguses. Kõik need sündmused said aluseks suurtele pühadele, kõik need märgivad üksteisele järgnevaid sündmusi, mille ühiseks sihiks on inimese päästmine, tema tagasiviimine Aadama algseisundisse.

Au sündimisele, mis vabastab ajaliku sünni ahelad! Au Petlemmale, mis on väravaks paradisi! Au sõimele, millest Sõna ulatas toidust meeletutele!

Austagem koos karjastega Kuningat, kes on Jumal, ühinegem inglite kooriga! Olgu see püha ühine taevastele ja maapealsetele vägedele! Tõstke üles väravad, tehke kõrgeks ukseid, et Aukuningas võiks sisse tulla! (vrd Ps 24:7-10).

Saatkem Kristust Tema põgenemisteel Egiptusse, jagagem Tema tagakiusamist ja pagulaspõlve, viibigem Temaga koos Tema igas elu järgus. Saagem puhastatud, saagem ümber lõigatud, heitkem enestelt loor, mis meid sünnist saadik on katnud. Peale seda õpetagem templis, ajagem sealt välja Jumalat teotavad kaubitsejad. Maitskem sappi ja äädikat, talugem hoope, kandkem oma kibuvitsakrooni – Jumalale meelepärase elu raskust. Riitugem purpurantlisse ja võtkem vastu võltsaustust nendelt, kes pilkavad tõde. Ja lõpuks laske end koos Temaga risti lüüa, jagagem rõõmuga Tema surma ja mahamatmist, et tõusta koos Temaga auhiilguses ja valitse da koos Temaga.

Tunnistagem ülistusväärset ja igavest Kolmainust, niivõrd, kuivõrd lihalikud ahelad seda lubavad, Petlemmas lihasse sündinud Jeesuses Kristuses, kellele kuulub au igavesti. Aamen!

(Lühendatud ja keeleliselt uuendatud tõlge, mis ilmus esmalt 1985. aasta Usk ja Elus)

Jumal on meiega, Õiguspäike paistab meile

Thomas Hopko järgi

Jõuluõhtul kuuleme laulu, mis õieti kuulub igasse pärastõhtuteenistusse, kuid seostub nii sisult kui ka meeleolult ennekõike just selle pühaga, loob paljudele õigeusklikele pühadameeleolu:

*Jumal on meiega
mõistke seda, teie rahvad
ja alandage ennast
sest Jumal on meiega...*

*Sest üks Laps on meile sündinud,
üks Poeg on meile antud.
Tema õlal on Ta valitsus
ja Tema rahu on otsata.
tema nimi on Suure Nõu Ingel,
Imeline Nõuandja,
Vägev Jumal, Valitseja, Rahuvürst,
Tuleva Aja Isa,
sest Jumal on meiega!*

See laul on pärit Jesaja prohvetikuulutusest (Js 8:9-10,18; 9:5), tõsi, vana kreeka-keelse tõlke (Septuaginta) järgi, mis pisut erineb meie Piiblist esinevast. Ja Matteuse evangeeliumist loeme viidet Jesaja ettekuulutusele, mis seisab pisut enne seda (Js 7:14): „Ennäe, neitsi jääb lapseootele ja toob ilmale poja, ja teda hüütakse nimemega Immaanuel”, see on tõlkes: Jumal on meiega” (Mt 1:23). Sedagi kirjakohta loetakse jõuluõhtul.

Kui tihti on neid neid sõnu valesti mõistetud! Ikka on mõni riik, rahvas või rühm arvanud, et Jumal on justnimelt nendega, heal juhul ka nende sõprade ja liitlastega. Sedasama laulu korrati tänapäevasteenistusel Vene riigi ja rahva pääsemise eest Napoleoni sõjakäigu puhul – neid peeti kuni tsariaja lõpuni ka meil ja justnimelt jõulupühul. Looja inimesekssaamise ime, võidukäigu algus surma ja kurja üle seostati maise võiduga lihalike vaenlaste üle. *Gott mit uns* seisis ka Preisi ja hiljem Saksa standartidel ja sõdurivöödel, ning teisedki rahvad on sedasama lauset kasutanud.

Kuid Jesaja laulu mõte pole selles, et Jumal on ühe või teise rahvaga ja teistega mitte. Prohvet osutab pigem sellele, et kui töötatud Messias tuleb, on Jumal kõigi inimestega, kõigi rahvastega. Jesaja kuulutab hiljem: „Mina, Issand, olen õigusega sind kutsunud ja kinnitan su kätt; ma kaitsen sind ja panen sinu rahvale lepinguks, paganile valguseks, avama pimedate silmi, vabastama vange vangistusest, pimeduses istujaid vangikojast.” (Js 42:6-7).

Jeesus on Jumala valitud sulane, kellest prohvet kõneleb ja kelle Püha Vaim on võidnud. Tema on paganate valgus, rahvaste lootus. Jesaja lisab veel: „Ma olen olnud kättesaadav neile, kes mind ei ole nõudnud; ma olen olnud leitav neile, kes mind ei ole otsinud; ma olen öelnud rahvale, kes mu nime ei ole appi hüüdnud:

„Vaata, siin ma olen! Vaata, siin ma olen!” (Js 65:1; vrd Rm 10:20-21).

Kui Messias ilmub maa peale, on Jumal tõesti meiega. Mitte üksnes juutide, vaid ka paganatega; mitte üksnes õigeusklike või kristlaste, vaid kõigi inimestega, koguni nendega, kes ei oska Teda oodata. Kõik rahvad on kutsutud heitma end Tema ikke alla, mitte Jumala sunnil, vaid iseenda pärast. Alanduse kaudu tuleb kõigile au, ikke kandmise kaudu vabadus; iseenesele suremise kaudu tõeline elu. „Tulge minu juurde kõik, kes olete väevatud ja koormatud, ja mina annan teile hingamise! Võtke enda peale minu ike ja õppige minult, sest mina olen tasane ja südamest alandlik ja te leiate hingamise oma hingedele, sest minu ike on hea ja minu koorem on kerge!” (Mt 11:27-30).

Selline on jõulupüha sõnum: Jumal on meiega siin maa peal. Ta on meiega inimeses, keda kutsutakse Jeesuseks, kuid kelle nimi on ka Immaanuel. Ta on ilmutanud meile oma mõistetamatu ja sõnuleetamat, nähtamatu ja puudutamatu loomuse nähtaval ja puudutataval viisil kui Laps, kes meile on sündinud, ja Poeg, kes meile on ilmunud. Mõista seda ja alistuda Temale on inimese suurim au ja rõõm.

Teine prohvet, Malaki, ennustab aga nõnda: „Vaata, päev tuleb, põlev nagu ahi, ja kõik ülbed ja kõik, kes pattu teevad, on nagu kõrred. Ja see päev, mis tuleb, põletab nad ära, ütleb vägede Issand, ega jäta neile ei juurt ega oksa. Aga teile, kes te mu nime kardate, tõuseb õiguse päike ja paranemine tema tiibade all” (Ml 3:19).

Pühakiri kutsub Jumalat, valguseallikat, tihtipeale päikeseks. Sama võib öelda Tema ainusündinud Poja kohta, kes on „Valgus Valgusest”. Tema valgustab neid, kes istuvad surma maal ja varjus. Ja Luuka evangeeliumis öeldakse Tema kohta: „Ja sina, lapsuke, sind hüütakse Kõige-

kõrgema prohvetiks, sest sa lähed Issanda eel temale teed valmistama, et anda tema rahvale pääste tunnetus nende pattude andeksandmises meie Jumala südamliku halastuse läbi, millega meile tuleb päikesetõus kõrgustest. See paistab nende peale, kes elavad pimeduses ja surmavarjus, see suunab meie jalgu rahuteele” (Lk 1:76-79). „Päikesetõus kõrgustest”, või, nagu me kirikulauludes natuke vanapärasemalt ütleme, „Kõrgelt Päevatõusmine”, tähistab Jeesust Kristust, kes on tulnud ülevalt maailma valgustama.

Nende kahe väljendi – „Õigusepäike” ja „Päevatõusmine Kõrgelt” – kasutamine on seotud ajalooliste asjaoludega. Algselt oli üksainus Issanda ilmutamise püha, mis kattis nii Tema sündimist kui ka ristimist Jordanis. Seda hakati pidama talvise pööripäeva järel, ajal, mil päike hakkab varem tõusma ja hiljem loojuma. Nõnda saab looduseski valgus pimedusest võitu. Nähtava valguse võidukäik kujutab ka Kristuse, maailma valguse, võidukäiku surma ja kurja üle.

Aja jooksul hakkas kirik, esmalt läänes ja üsna pea ka idas, tähistama Kristuse sündimist aga varem, vahetult pööripäeva järel. Roomas oli 3. sajandil hakatud pidama „Võitmatu päikese (*Sol Invictus*) sünipäeva” 25. detsembril. Kristlased võtsid selle päeva Õiguspäikese sünnipäevaks, keda ei suutnud võita surma jõud. Sellepärast me ka laulame sel päeval:

Sinu sündimine, Kristus, meie Jumal, valgustas maailma tõetundmise valgusega, sest temas õppisid tähtede teenijad ühe tähe läbi Sind, Õigusepäikest kummardama, ja Sind, kõrgelt Päevatõusmist, tundma. Issand, au olgu Sulle!

Meie Päästja, Päevatõusmine kõrgest, tuli ülevalt meie juurde; ja meie, kes pimeduses ja varjus olime, leidsime tõe, sest Neitsist sündis Issand.

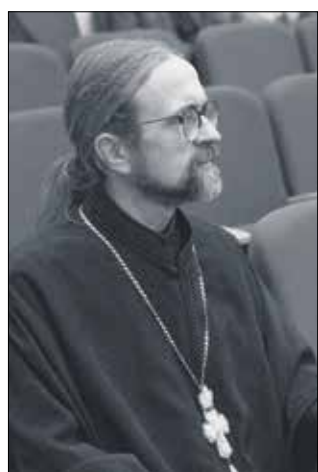

Foto: Endel Apsalon 2017

Meeleparandussalatus

Ülempreester Mattias Palli

Meeleparandussalatus nimetame seda imelist ja äärmiselt vajalikku, ent vahel valetimõistetud ja nii mõnegi kirikuliikme poolt pea unarusse jäänud talitust ning kõike, mis sellega seostub. Tavaliselt kutsume

seda pihiks ja vaatleme teda vaid teostuse raames, pahatihti tüütu kohustusena.

Selle salaasja mõistmine on raske osaliselt käsitlemise tõttu, et salasused (sakramendid) on nagu seitse võrdset sammast, millel meie kirikuelu püsti seisab. Midagi taolist on ju ammugi õpetatud, kuid see arusaam hägustab olulisemat, nimelt seda, et kogu meie vaimulik elu on üksainus salatus, müsteerium: Jumala toimimine maailma päästmiseks. Salatus, salaasi seepärast, et me tunnetame toimuvat vaid osaliselt. Me ei saagi puhtmõistuslikult aru saama, kuidas Issand võib mõne „välise” teo või ainelise annu kaudu muuta midagi meie sees, meie igaveses saatuses, kristlikus kogukonnas või vaimulikus maailmas. Ometi tunnetame seda mõju tihti, ehkki ka meie kõikuv ja alati puudulik tundeelu võib samuti eksida.

Peamine aga on, et ükski püha salatus, olgu ristimine, armulaud, patutunnistus

või ka need, mida „kooliteoloogia” sakramendiks ei kutsugi, nagu mungapühitsus või matmine, ei seisa ükski, puht omal jõul. Nad on kõik Jumala päästva armu avaldused meie maises elus, Kristuse ainusa salaasja väljendused. Seejuures mitte ühesugused – kuidas võrdlemegi näiteks ristimist, mida toimetatakse korra elus või armulauda, mida võtame vastu palju korra? Pigem teostub seesama päästesalatus eri eluolukordades eri moel.

Ükski salatus pole niisiis „asi iseeneses”. Ristimine on pääsemisele astumine, Kristuse surma ja ülestõusmisega ühendamine, s.t elulise valiku tegemine, taevatee valimine. Armulaud aga pidev osasaamine surnud ja üles tõusnud Õnnistegija elust, mis uuendab meis ristimisel omaksvõetut. Tänuosalatus on seega ühenduses kogu maailmaga, aine, vaimu, elu ja surmaga, tänulikkuse ja tänamatusse, langemise ja tõusmisega. Nõnda pole ka piht ainult

mingi usuline kohustus või võimalus aegajalt südant kergendada, vaid pigem seisatamine elu põhialuste ees, langemise ja patu kohutava salaasja ees meie hinges ning selle asetamine Õnnistegija jalge ette, inimlikult võimatu uuenemise anumine oma sassis südamele.

Iga meie samm, iga mõte ja sõna on ju teatud-öeldud meie kui Jumala lapse, Kristuse teenija poolt. Ja kõik, mida meie, uue elu osalised, oleme teinud, öelnud või mõelnud, peaks olema ise salaruslik, muutma kaduvusele allutatud maailma jälle paradisiaiaks, Jumal riigi teostumispäigaks. Paraku on küllalt palju, ehk isegi enamus meie tehtust poolik, vana inimese töö, isegi isekas, kuri ja omakasupüüdlik. Ja see, mida me langenud loomuse kohaselt teeme, on „märgist mööda laskmine”, *hamartia*, patt.

Tänapäeva inimesel on tihtipeale ähmas-
tunud patutunnetus ja järelikult ka nõr-

gemad eeldused patutunnistamiseks. Ehk on osaliselt selle põhjustajaks aastasadu kristluses, eriti läänes valitsenud arusaam patust kui ennekõike painavast süüst, millega oleme õiglase Jumala vihale kihutanud. Oma alus on sel vaatel küll ka piiblis ja pühadel isadel, kuid see on siiski vaid teema üks vähemoluline külg. Reaktsioonina sellele on meie ajal kujunenud arusaam, et meil polegi pattu. Meil on ainult probleemid, mida osav ja julgustav asjatundja, olgu valges kitlis või mustas rüüs, võib leebe hingelise vestlusega leevendada, taastades meie eneseusu ja tasakaalu. On ju kõik halb meis kas päritolu, geenide, raske lapsepõlve või rõhuva keskkonna tingitud. Jällegi on see ju paljuski õige, kui ühe nurga alt vaadata. Kuid see pole sisimas kristlik vaade, pigem sündinud eeldusest, et Jumalat pole või inimese tegelik suhe Temasse pole kuigi oluline.

Et inimesel on probleemid – äng, masendus, segadus –, on vaieldamatu. Nagu arst otsib, leevendades vajadusel esmalt küll oireid, haiguse põhjust, tekijat, nii peab ka vaimulikus elus otsima halva sisimat põhjust. Ja siit sünnibki meeleparanduse ning sellega seostuva patutunnistuse roll. See, et meil on ühes või teises mõttes seesmiselt halb, on põhjani uurides ikka tingitud ühest asjaolust. Meie langemisest, meie võõrdumisest Jumalast. Ei aita siin lihtsalt terapeuti abiga või kuidas keegi põhjuste leidmine lapsepõlvest või hilisemast minevikust. Selliste nähtuste avastamine on vägagi oluline, ent me oleme leidnud siiski vaid varre, millest kibedad viljad tärkavad, mitte juurt. Juur on, kui vähegi uurime hingehädade vaimulikke põhjusi, ikkagi patt, õigemini Patt suure algustähga. See valdab nii meie isiklikus kui ka inimsoo minevikus ning põhjustab omakorda kaasasündinud vaimulikke vigu, keskkonna rikutust, mis meid veelgi enam muserdavad.

Kuid tegelik tee juure avastamiseks ja (maapealses elus paraku vaid osaliseks) väljakitkumiseks pole mitte ainult ületõluline patuse tajumine, teadmine, et oleme osa langenud inimkonnast. Kurjuse „salaa-si“ ei ole lihtsalt meis peidus, see avaldub haavadena, väärarengutena meie hinges, ja me kutsume neid kirgedeks, patuhimudeks (kreeka *pathē*, mis tähendab ka kannatusi – ja iga kirg põhjustab pikapeale kannatusi) ja mis on meid suuremal või vähemal määral allutanud (vrd ladina *passio* – „kirg; kannatus“ ja sõna „passiivne“). Ei toimi enam mina, „vaid patt, mis elab minus“.

Ja kired, patu põhjused, hinge ebakõlad, sünnitavad omakorda konkreetseid patutegusid. Need on nagu Patu kehastused, selle nähtavad viljad meie elus. Kired on alati petlikud, nad ongi kuradi pettus, n-ö

loomulikud tungid, mis on saanud võimust vaimulikuks tõusuks loodud inimese üle. Nagu paradiisiaia keelatud vili näivad nad heaolu, teadmise, edasimineku abinõuna, kuid pakuvad tegelikult ahastust, pimedust ja segadust. Nii ongi meil halb olla, aga me ei seosta seda alati oma patutegudega. Ent paranemine algab just sealt: tunnetusest, et me oleme selles või teises konkreetses asjas eksinud. Siis juba jõuame, enamasti pihisa abiga, ehk ka nende aluseks oleva sisemise väärpüüu, kireni ja kire kaudu tunnetame oma langemist ja eemalolekut Jumalast. Patutunnistuse ülmaks eesmärgiks ongi sügavalt kahetsedes avastada oma lahusolek tõelisest Elust ja sünnitada kogu hinge haarav igatsus Selle juurde jälle tagasi pöörduda.

Siin on meil üheks abinõuks Kristuse evangeelsed käsusõnad. Käsud ei kuulu ainult Vana Seaduse juurde. Me ei ela enam küll käsuõpetuse ajal, me elame armu all. Ent nagu apostlidki õpetavad, tähendab uues elus käimine ka Jumala lastele väärilist käitumist ja olemist. Kuid meiega on enamasti ikka nii, nagu kõnekäänd ütleb: Kes käib, see ka komistab. Me ei ela seatud paleuste kohaselt ja oleksime me veel Vana Seaduse all, oleksime hukka mõistetud. Meil aga on Kristuse arm abiks, et võiksime end seesmiselt muuta, pöörduda tagasi nende uue elu juhiste ja, sügavalt vaadatuna, selle elu enese juurde. Ja selleks on vaja vaadelda ja eritleda oma eksimusi, möödalaskmisi, teisisõnu patte. Nende kaudu õpime oma nõrkusi, seiku, mis meid igäiht allapoole veavad, ja ka tagasipöördumise teid. Samuti tajume nende kaudu üleüldist inimlikku nõrkust, mis nõuab jäägitut heitmist Päästja ette, pisaratega abipalumist. Seepärast ongi pisarate armuannil nii suur koht meie Kiriku vaimulikus elus. Meil ei jää muud üle kui pisarsilmi anuda Tema väge ja armu meie võitluses. Samas järgneb igale silmili mahaheitmisele ülestõusmine, igale tõelisele, südamest tõusvale pihile uus algus, uue innuga Kristuse käsusõnade täitmisele asumine. Tõsi, pea alati ka uued langused ja eksimused, kuid taas kahetsuse ja tõusmise võimalusega.

See ongi elu meeleparanduses. Kui ilus ja tabav on see sõna! Meie meel võib tõesti paraneda, patuhaigusest terveks saada. Ent selleks tuleb temasse vaadata, diagnoosida, mõelda oma tegude ja veel enam nende sisimate ajendite üle, eritleda oma eksimusi ning tuua nad Jumala ette.

Ütlesime, et patt pole ennekõike süü, vaid haigus, vigastus inimloomuses. Kuid see ei tähenda, et me ei peaks isiklikult kahetsema ja tunnistama kõiki eksimusi. Esiteks on mõnede kirikuisade väljenduse kohaselt küll Aadam selle arve avanud,

aga meie oleme sinna kõvasti juurde lisanud. Inimesel on vaba tahe, ta võib, vähemalt teatud osas, oma elu üle otsustada, valida, mida teeb. Muidugi on meie langenud esivanematelt päritud kalduvused nii tugevad, et me ikka eksime. Aga nende parandamine käib samuti meie eneste kaudu. Kulunud ütleminegi on, et maailma parandamine algab alati iseendast. Me ei saa muuta oma päritud omadusi, oma lapsepõlve ega üldse minevikku. Olevikulisid võime küll mõjutada, kuid enamasti vaid õige pisut. Kus me saame muutuse esile kutsuda, on meie sisemus. Ja tegelikult selle kaudu mõjutame ka ümbritsevat enam kui välise tegutsemisega (ehkki ka see on äärmiselt vajalik ja lõpuks meie sisemise olekuga seotud). Salaviisi toimib maailmas see, kui me teeme vastupidiselt Aadamale ja Eevale, ei peida end eksimise korral põõsasse ega hakka vastutust kellegi või millegi muu kaela ajama, vaid tunnistame ennast patuseks ja palume Issandalt andeks. Ühe meeleparandaja eeskujuna ja veel enam, vaimulik mõju, võib aidata paljusid pääsemisteele.

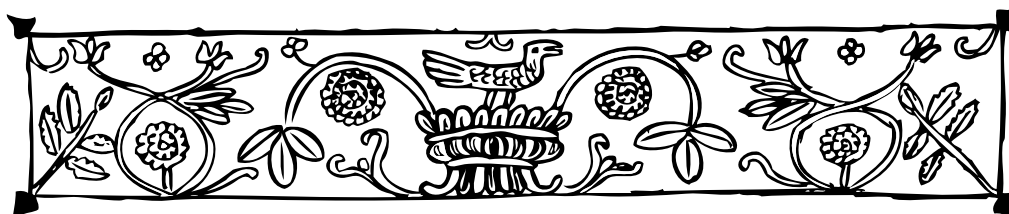
Rõhutame, et piht on meeleparanduse üheks, kuigi väga oluliseks väljenduseks. Meeleparandus on, või peaks olema, pea alatiseks seisundiks, patutunnistus aga selle tipuks, mis vajadusel veepinnast kõrgemale kerkib. Kuid nagu iga õnnistatud ja tänumees tarvitatud toit pole veel tänusalasus – selleks on vaja Jumala armu erilist ligiolu kokku tulnud ja vaimuliku juhitud koguduse kindla korra järgi toimetatud ühist teenistust –, nii pole ka eraviisiline patukahetsus veel salasuslik, ei too meile päästesalaasja täielikku mõju. Kõigepealt on preestri kaudu kohal nii Kristus („Vaata, Kristus seisab siin nähtamatult...“) kui ka Kirik, Kogudus. Nii me küll räägime ainult vaimulikule asju, mida see hoiab ranges pihisaladuses, teisalt pole aga tegu vaid millegi üksikisikut puudutavaga. Kaks on ju Issanda nimel koos – pihtija ja pihisa. Teiseks on üldine inimlik kogemus, et millegi rääkimine ligimesele kergendab südant ja on hoopis teise toimega kui asjade üle üksi mõtisklemine. Jah, Jumal on ju alati meiega. Aga me ise tunnetame seda ligiolu pahatihti vägagi puudulikult. Ja siin maa peal on Kristus andnud preestriametile sellisteks talitusteks ning on hoopis teisel moel kohal vaimuliku isikus, kui meie oma palvekambris. Mingipärast käisid ka väga vagad ja pühad inimesed, kelle puhul polnud kahtlust, et nad elasid pidevalt Jumala ligiolutundes, pihil palju usinamalt kui meie.

Viimaks veel pihi sagedusest. Selle kohta on eri praktikaid ja omajagu segadust. Vanas kirikus umbkaudu esimesel aastatuhandel oli patutunnistus hädavajalik vaid raskemate pattude, nagu jumalasalgami-

ne, mõrv, abielurikkumine jne puhul. Piht eeldas kirikuga taasühendamist, enamasti pärast meeleparandusharjutusi või koguni ajutist armulauast lahutamist, – praegusteski palvetes on viiteid sellele („Lepita ja ühenda ta oma püha Kogudusega“). Vähe-mates asjades piisas vaimulikust vestlusest ja oma kambris patukahetsusest. Peab meelles pidama, et püha armulaud on samuti „pattude andeksandmiseks“. Kuna aegade jooksul jäi Issanda ihust ja verest osavõtmine enamuse kirikurahva seas üha harvemaks, tekkis nõue käia alati enne armulauda pihil, sest vahepeal võis inimene olla teab mida teinud. Nii on see jäänud osas kirikutes ja veel mitmetes meiegi kogudustes. Kuna aga enamasti on tihe armulaua käimine taastunud, ei eelda see kindlasti igakordset armulauale eelnevat pihti. Samas on praeguse pihi ülesandeks aja jooksul kujunenud ka vähemate pattude, eriti püsivate patuste kommete ja kiusatuste tunnistamine ja andeksandmine. Nii ei pea ootama raskeid kurje tegusid, vaid teatud rütmiga peaks iga apostlik-õigeusuline patutunnistusest osa saama. Täpset eeskirja pole võimalik anda, sest iga usklik on vägagi erisugune. Pikema kogemuse ja paljude kogenud pihisade soovitus järgi peaks siiski patutunnistuse salasusest osa võtma umbes 2-4 korda aastas, vähemalt aga ühe korra. Kui tõesti tuntakse, et midagi suuremat pihtida pole, võiks ikkagi preestriga vestelda. Mingid vaimulikud probleemid on igäihel ja vahel võib sellisel vestlusel kooruda välja midagi tõsisemat, milleks on vaja salasuslikku pihti.

Patutunnistus on vaimulikule elule hädavajalik talitus, olgu tihemini või harvemini. Meeleparandus on lihtsalt vaimuliku elu märk; enesega täiesti rahul olev süda on siin maa peal paraku enamasti vaimuliku tundetuse olukorras. Hakakem siis sellest abinõust kinni, uurides enne oma südant kümne käsu, mäejutluse, õndsussalmide ja üldse pühakirja ning kättesaadava vaimuliku kirjanduse põhjal, et oma hinge eksimusi tunnetada ja need Issanda ette tuua. Ning alati meelles pidades, et patutunnistus pole sünge ja rõhuv toimetuse, ehkki võib mõnes järgus vägagi raske olla, vaid on ennekõike vabanemise ja puhastumise helge salasus.

Esmakordselt ilmunud Metropoolias 2015, nr 71.

Püha Imetegija Nikolaus

Paljude imettegevate pühakute seast sobib jõuluajal meenutada püha Nikolaust, keda peetakse laste ja meremeeste kaitsjaks.

Nikolaus sündis aastal 250 Patara linnas Väike-Aasias, Lüükia maakonnas. Juba väga väikse lapsena olevat ta üles näidanud suurt Jumalale pühendumist ja vagadust, paastudes emapiimast kolmapäeviti ja reedeti. Ta jäi noorelt orvuks, kuid vanemad jätsid talle surres korraliku päranduse. Selle jagas ta hiljem vaestele, sest ei hoolinud ise põrmugi maisest varandusest.

Püha Nikolause sooritatud imesid on kirja pandud nõnda rohkelt, et neist võiks kokku panna terve raamatu. Temaga on seotud mitmed erilised sündmused ja loendamatud imetead. Üks tuntumatest on lugu vaese mehe kolmest tütrest, keda Nikolaus päästis häbi kätte sattumast. Nikolaus tahtis tüdrukuid aidata, kuid ta ei soovinud seda teha avalikult, et neid mitte panna ebamugavasse olukorda. Ta hiilis kolmel ööl vargsi tüdrukute maja juurde ja viskas avatud aknast sisse koti kuldrahadega. Lugu tuli aga siiski ilmsiks ja linnaelanikel polnud raske arvata, kes oli tundmatu heategija – teist sellist inimest, kes vaestele heldekäeliselt kingitusi jagas, ei leidunud terves linnas. Õed aga pääsesid alandavast olukorrast.

Püha Nikolause reisiga Pühale Maale ehk Jeruusalemma on seotud lugu laeva ja selle meeskonna imelisest pääsemisest. Nimelt tõusis siis, kui palverändurite laev oli avamerele jõudnud, kõva torm ning laev oli tõsisel uppumisohus. Nikolaus palvetas, torm küll vaibus, aga üks õnnetu meremees oli masti otsast alla kukkunud ja surma saanud. Nikolaus aga palvetas taas Issanda poole ja sündiski ime: surnud meremees ärkas ellu ning näis, otsekui oleks ta lihtsalt korra sügavalt magama jäänud.

Pärast palverännakut Jeruusalemma siirdus Nikolaus elama Mürra linna Väike-Aasiasse, kus ta tänu oma pühale elule, vagadusele ja armastusele ligimeste vastu valiti peapiiskopiks. Piiskopina jätkas ta inimeste abistamist ja oli seetõttu väga armastatud oma koguduse seas. Rooma keiser Diokletianuse ajal, kui kristlasi julmalt taga kiusati, julgustas ta oma koguduse liikmeid katsumustes kindlaks jääma, kuigi teda selle eest vangistati ja piinati. Kui aga uueks keisriks sai kristlaskonna kaitsja Konstantinus Suur, vabastati Nikolaus kohe. Keisri kutsel võttis ta osa 325. aastal Nikaias toimunud esimesest üleilmsest kirikukogust, kus tänu tema ja mitme teise kirikuisa tarkadele nõuannetele lahendati mitmed keerulised küsimused.

Nagu eespool öeldud, peetakse Nikolaust meresõitjate ja üldse kõigi reisijate kaitsepühakuks, sest oma palvetega on ta alati aidanud neid, kes tee peal on mingil moel hädasse sattunud. Seepärast leidub just mereäärsetes linnades hulganisti Nikolausele pühendatud kabeleid ja kirikuid. Ka vanasse Revalisse ehitati rohkem kui 700 aasta eest kirik, mis pühitseti pühale Nikolausele. Täna teame me kõik Niguliste muuseum-kontsertsaali Tallinnas.

Katsumustele vaatamata elas peapiiskop Nikolaus pika elu, suri rahulikult kõrges eas 6. detsembril ning maeti oma kodulinna Mürrasse. Üheteistkümnendal sajandil viidi püha Nikolause imettegevad säilmed Itaaliasse Bari linna, kus neid tänini hoitakse. Tema mälestuspäeva peetakse 6. detsembril.

Святитель Николай Чудотворец

В эти пред рождественские дни мы вспоминаем о святителе Николае Чудотворце – покровителе детей и моряков.

Николай родился в 250 г. в городе Патаре, Ликийской области (на южном побережье Малоазийского полуострова). Уже в младенчестве святитель Николай был примером благочестия и святости, не вкушая материнского молока по средам и пятницам (в постные дни). Родители Николая рано умерли, оставив ему большое наследство. Все свое имение будущий святитель раздал бедным, ибо сам он нимало не заботился о земном богатстве.

Письменных свидетельств о чудесах, сотворенных святителем Николаем, так много, что из них можно было бы составить целую книгу. С именем святителя связано несколько особых событий и бесчисленное множество чудес.

Вот одна из наиболее известных историй о святителе Николае. В Патаре жил один человек, который прежде был очень богат, а потом обнищал. Он дошел до такой крайности, что ради денег решился своих красавиц-дочерей толкнуть на путь греха. Услыхав о том, как он бедствует, и по Божию откровению узнав о его замысле, святой Николай завязал в узел золотые монеты и ночью, чтобы никто не видал, бросил деньги ему в окошко. Утром бедняк нашел их и никак не мог поверить своему счастью, он выдал замуж дочерей и дал за ними богатое приданое. И все же этот случай стал известным, а жители города, конечно, сразу догадались, кто этот тайный благодетель, другого такого человека, щедро помогавшего беднякам, не сыскать было во всем большом городе. Благодаря святителю сестры избежали позора.

Во время паломнического путешествия Николая на Святую Землю, в Иерусалим, случилось еще одно чудо. Разразился шторм. Он крепчал и наконец так разбушевался, что никто уже не надеялся спастись своими силами и все просили Николая помолиться, чтобы Господь избавил их от смерти. Священник стал усердно молиться, и шторм утих. Но тут случилась новая беда: один матрос полез на мачту, сорвался и разбился насмерть. И Николай-чудотворец воскресил его своей молитвой, матрос словно проснулся от глубокого сна.

На обратном пути из Иерусалима святой поселился в Мирах, главном городе Ликии, в Малой Азии, где за свою святую жизнь, благочестие и любовь к ближним был избран архиепископом. Будучи уже епископом, святой Николай продолжал помогать людям и был очень любим за это своей паствой. Во время правления римского императора Диоклетиана христиане подвергались жестокому гонению. Святитель Николай в эти трудные дни поддерживал в вере свою паству, громко и открыто проповедуя имя Божие, за что был заключен в темницу, где не переставал укреплять веру среди заключенных и утверждал их в крепком исповедании Господа, чтобы они были готовы пострадать за Христа. Когда новым императором стал защитник христиан Константин Великий, святитель Николай был освобожден. По приглашению императора святитель принял участие в Первом Вселенском соборе, состоявшемся в 325 году в Никее. Благодаря мудрости святителя Николая и других святых отцов, было решено несколько очень важных и сложных вопросов.

Как известно, святитель Николай является покровителем мореплавателей и вообще путешественников, так как он всегда помогал своими молитвами тем, кто в пути попадал в беду. Поэтому в приморских городах особенно много церквей и часовен, посвященных святому Николаю. И в старом Ревеле более 700 лет назад была построена церковь, посвященная святителю Николаю. Сегодня это всем нам известный музей-концертный зал Нигулисте в Таллине.

Несмотря на множество испытаний, выпавших на его долю, архиепископ Николай прожил долгую жизнь, мирно отошел ко Господу 6 декабря (19 по старому стилю) и был похоронен в своем родном городе Мирах. В XI веке чудотворные мощи святого были перенесены в итальянский город Bari, где они и хранятся по сей день. Память святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, празднуется 6 (19) декабря.

Jõulumuinasjutt halastusest

Jean Vigna

Martinil on kepp käes: „Vastik loom, aja enast ükskord püsti!” Eesel Gaspard oigab kepihoopide all, mida peremees talle jagab. Ta pöörab näo akna poole ja laseb kõrvad longu.

„Nii laisk, ma ei või kohe. Kes mulle puid toob?” Eeslile pilku heitmata, märkamata verd, mis mööda keppi alla niriseb, viskab Martin toika maha, avab ukse ning paneb enda järel riivi. Selg küürus ja käed taskusse surutud siseneb ta kööki.

„Kui see nii jätkub, siis ma tahan sellest loomast kevadeks lahti saada. Toita looma, kes mitte midagi ei tee. Ma pakun teda Bertrandile, ta annab mulle eesli eest viissada franki.”

Martin tiirutab köögis ringi ning siunab, nähes, kuidas kaminas tuli kustub: „No muidugi, tuli on ka kustunud!” Mõned sõed hõõguvad veel tuha sees, üks väike leek korra elavneb, ent kustub seegi tagasi tuha sisse.

Martin kuivatab varrukaga nina. „Vastik loom, ma külmun nüüd siia ära!” Ta heidab pilgu köögiaknasse: öö on peagi laskumas, hallus ja tühjus liiguvad paljaid puid pidi, mööda viimaseid kapsaid, mis aias veel kasvavad. Õhus on tunda saabuvat lund. Laual on veinipudel, mis on peaaegu tühi, ning üks klaas.

Martin tühjendab suure januga pudeli ning läheb keldrisse. Ta joob rohkem kui sööb. Ta joob liiga palju, alates Melanie surmast. Ta joob, et unustada, kuid üksindust ei saa unustada.

Seda, et Martin käib tööl, öelda küll ei saa, ent ta hoiab end tegevuses. Martin kasvatab kartuleid, natukene viinamarju, raiub puid väikese künka pealt, mida ta jagab Bertrandiga, aga see on ka kõik. Tal hakkab igav juba kohe pärast kaardimängu, mida nad Bertrandiga mängivad. Mõned parandustööd ja jälle pudel. Ta käib tihti Melanie haua, et seda korrastada.

Gaspard oigab tallis. Vaatamata pingutustele ei suuda loom end jalule ajada. Kepihoobid löid tagumisse jalga haava. Eesel mõtleb omaette: „Mu peremees ei mõista, et ma jään vanemaks. Ma saan aru, et tal on puid vaja, kuid see käib juba üle minu võimete.” Raskesti hingeldades langetab ta pea esijalgadele. Kätte on jõudnud öö. Talliaknast joonistub põrandale sinakas ruut. Vaikus. Tuul kahistab õues rohuga.

Martin istub köögis ning joob alt keldrist toodud pudelist. Ta joob klaas klaasi järel ning hammustab natuke leiba peale. Mees pomiseb omaette, kehitab õlgu, ja joob veel. Ta hakkab tasapisi naerma ning vaatab sõgeda pilguga köögi seinu, tõuseb siis, et panna tuli põlema, ja vajub seejärel kurnatuna tagasi istuma.

„Ta on tore, see väike diakon, kui ta tuleb mind vaatama. Ta räägib mulle armastusest ja teoloogiast! Nii paljudest erinevatest asjadest. Nii paljudest... Aga ega tema mulle puid too!” Martin pöörab pilgu taas talliukse poole: „Vastik loom!” Lamp põleb köögis terve öö.

Järgmisel päeval ootab Bertrand Martinit, et koos kaarte mängida, kuid tulutult. Martin ei lähe järele ka oma leivale pagari juurde. Ülejärgmise päeva lõuna paiku läheb väike diakon Martini juurde. Ta näeb, et köögis põleb tuli, ning lükkab ukse lahti. Martin lõsutab liikumalt laual, pea kätele vajunud, parem käsi hoiab veel tühja veiniklaasi. Ilmselt suri ta paari päeva eest.

Ei ole hea jääda maa ja taeva vahele. Halvad vaimud luusivad seal ringi, otsides süüa.

Martin maetakse kiriku kõrvale väiksesse surnuaeda. Tema hing uitab ringi ning on segaduses. Ta lendleb tuulega, jõudes oma taluni. Hing paugutab köögiakende luuke ning ajab õues seisva jalgratta ümber. Ta kuuleb hirnahtust. See on eesel Gaspard, kes hüüab oma peremeest, arvates peremehe samme kostvat, samme, mida ta oli nii tihti kuulnud. See on siiski ainult detsembrikuine tuul, mis lõgistab aknaluukidega. Martini hing ei saa küll kellelegi enam haiget teha, kuid ometi tunneb Gaspard turjal valusööstu.

Naabertalu köögiaknas välgatab tuli ning kustub seejärel. Koerad uluvad. Surnuaiavaht, kes oli unustanud labida kalmule, läheb sellele järele ning näeb, et kalmistuvärava lukk on lahti murtud.

Lillakas koiduvalgus laskub talli aknale. Gaspard pöörab pilgu talli ukse poole ning liigutab vigastatud tagajalga, mille lakkumiseks pole tal isegi enam jõudu. Valu on ta halvanud. Ta proovib ennast veel kord püsti ajada, kuid jääb põrandale lebama.

Terve hommiku on pilved taevast kiiresti liikunud, tuul on raputanud raagus hekkide skelette, logistanud uste taga. Pärastlõuna tundub trööstitu. Neljas päev pärast Martini lahkumist kulgeb öhtusse. Öölinnud ärkavad.

Gaspard tõstab pea, liigutab kõrvu, uskudes, et kuuleb samme. Ei, see on palavik, mis paneb teda helisid kuulma. Hommikuks tuul vaibub.

Martini hing eksleb mööda metsi ja orgusid ja jõuab lõpuks ühe väikese kiriku ukse taha. On 17. detsember. Kirik on korras, kuid niiske. Naised on kiriku eelmisel päeval ära koristanud. Kulunud ja mõnest kohast isegi katkised põrandaplaadid lõhnavad seebi järele. Õhus heljub küünlavaha aroom. Kiriku vasakusse nurka on lapsed pannud jõulusõime. Kõik on nii vaikne. Martini vaim uurib kirikunurgad läbi ning ajab ümber ühe tooli ja küünlajala. Isegi ikonostaasi katteriie liigahtab. Kirikuõhus oleks nagu pinke, miski nagu otsib midagi ning liigub ringi. Järsku sulgub kiriku uks.

„Martin, kuhu sa lähed?” küsib kellegi kindel hääl, mis tuleb jõulusõime poolt. Kui seal oluksid lapsed, oleksid nad silmanud üle neitsi Maarja ja hällis lebava lapse libisevat varju.

„Martin, kuhu sa lähed?” See kord on hääl

veelgi kindlam. „Ma ei ole sinuga rahul, Martin! Ja ma ei räägi siin praegu sinu isekusest ega alkoholilembusest. Sa oled süd ametu mees ja ma ei saa sellega enam leppida. Kas sa mõistad, millisesse olukorda sa oma eesli jätsid? Kas sa mõistad, et sinu eesel on ka minu eesel? Ma võin sulle andestada kõik muu, kuid see, kuidas sa oma looma löid...”

Hääl muutub rahulikumaks ja emalikumaks.

„Kas sa mäletad, Martin? See oli eesel, kes koos härjaga minu Last Tema sünniööil hingeõhuga soojendas. Kas sa oled selle unustanud? Ja kui minu poeg läks Jeruusalemma rahva sekka, siis istus Ta samuti minu eesli seljas. Kas sa mõistad, et selline käitumine peab lõppema?”

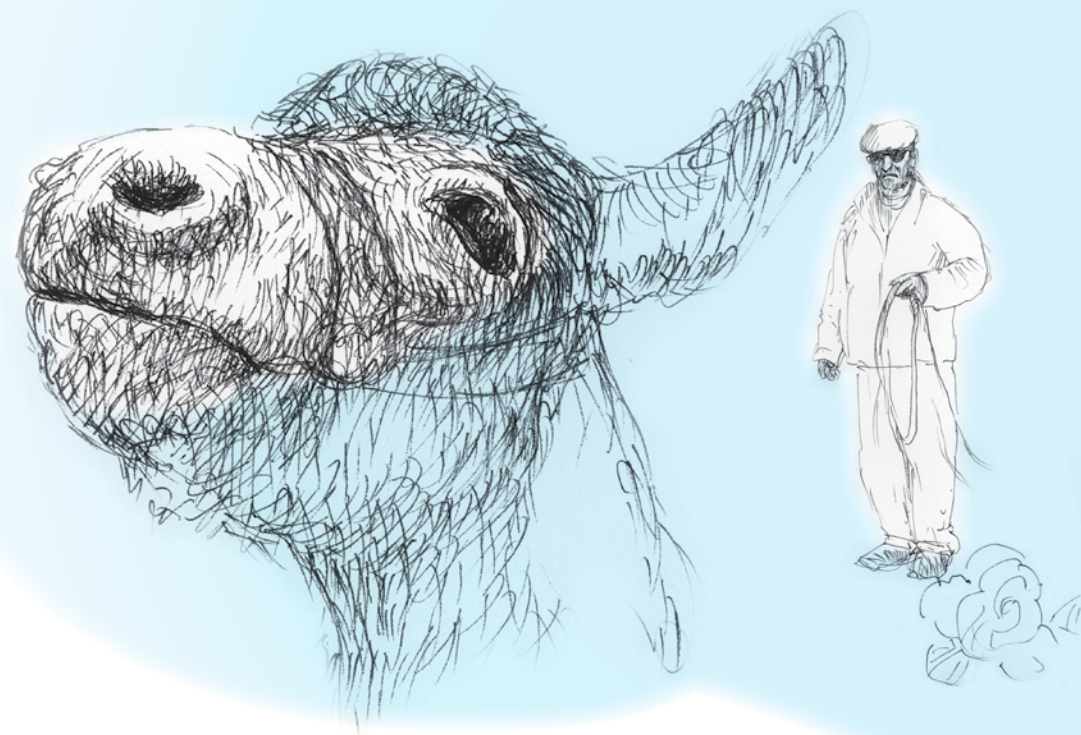
Nende sõnade taustaks piilub kirikuaknast sisse päikesekiir, mis liigub Jeesuse sündimise ikoonile ning valgustab hälli kohale kumardunud eeslit. Õhk muutub kergemaks, terve kirik otsekui tantsiks ja laulaks liiliate ja mee lõhnas. Martin tunneb, nagu vabanenuks ta viimaste päevade jäisest kammitasast, kõik muutub selgemaks ning läbipaistvamaks. Mee ja liiliate lõhn, täpselt nii, nagu see oli tema lapsepõlves.

Hääl kõneles rahunenult uuesti: „Martin, mine koju tagasi. Sa leiad sealt mõneks ajaks oma keha ja oma harjumused. Mine Gaspardi juurde. Ära karda. Mitte keegi ei taju sinu kohalolekut, sa oled kõigi jaoks nähtamatu. Ära räägi kellegagi. Aga ole ettevaatlik, ma selgitan sulle seda kõike ainult üks kord, rohkem ma ei ütle mitte midagi. Mine nüüd!”

Viimased sõnad on hellad ja rahulikud. Päikesekiir kustub. Jõuluhäll vajub tasapisi hämarusse, välisukse juures oleks nagu kuulda suure veetilga kukkumist põrandaplaadile. Kirikusse laskub rahu.

Tallis lamab Gaspard ja näeb eesli unenägusid. Ta ei taju enam aega enda ümber. Tundub, nagu heietaks ta oma mälestusi, mida inimesed ei mõista. Kuid äkitsi ta väriseb. Kostuvad sammud...

Sel korral pole selles kahtlustki. Talliuks avaneb ning lävel on vari, mis seisatab kõhklevalt, kuid läheneb siis eeslile. Gaspard võtab värisedes kokku kogu oma jõu ning ajab end alul esijalgadele ning seejärel ka tagajalgadele ja saabki imekombel püsti. Martin mähkub ümber eesli kaela, embab teda ning hakkab nutma ja nutab ja nutab ja nutab. Eesel, kes väsis jõupingutusest, langeb põrandale.

Martin vaatab pärani silmi talli seinu ja nurgas vedelevat verega kaetud keppi. Ta peidab näo käte vahele ning jookseb otsekui õudusena näost ärganuna kööki, sealt edasi tuppa, kust võtab sahtlist kõige ilusama lina, mille Melanie on kunagi heegeldanud. Ta lõikab linast parajad tükid, et siduda Gaspardi haavu. Kiiresti läheb ta keldrisse, et tuua sealt värskeid heinu ning korvitaie kõige paremaid porgandeid. Nüüd on ta Gaspardi kõrval ning paitab teda... „Minu väikseke, minu väikseke...”

Tunnid mööduvad. Taevast akna taga muutub roosaks, valgeks, lillaks... Gaspardi pilk on nii leebe, et Martin peab silmad kõrvale pöörama ning huulde hammustama, et mitte nutma puhkeda. Ta ei lahku tallist, vaid laseb tundidel ja päevadel kulgeda. Gaspard joob vaid korra, kuid näib, et talle piisab sellest, tema peremees on seal ja see on kõige tähtsam. Kaob aeg ja ruum. On uus aeg, mis liigutab ja lükkab talli seinu üha kaugemale... on ainult Gaspard ja Martin.

24. detsembri hommikul ärkab Martin pikast unest oma vana sõbra kõrval ning tajub kummalist tunnet. Kõik on uus, ettearvamatu. Ta vaatab oma eeslit, too teeb talle muret. Martin läheb aeda ning lõikab sealt ühe kapsa, mida pakub eeslile. Gaspard kõhkleb ega puutu toitu. Martin peab aru, lõikab kapsast tüki ja annab selle peopesal eeslile. Eesel võtab pala ettevaatlikult, et peremehele heameelt valmistada.

Lõuna paiku hakkab lund sadama. Väljas on vaikne, pole tuuleiligi. Öhtupoolikul heliseb taamal kirikukell, seejärel järgmine, juba lähemal. Videvik, kus on palju väikseid märkamata liikumisi: niidi otsas rippuv ämblik, hiline ringi tiirutav kärbes, ukse helkiv kullatud kaunistus.

Natuke enne pimeduse laskumist, mil majades tantsib valgus, pöörab Gaspard pea peremehe poole. Martin, kes oleks nagu joobunud, tunneb õhus sedasama liilia ja mee lõhna, mida ta tundis kirikus. Gaspardi hingetõmbed muutuvad aina aeglasemaks ning sügavamaks. Talle läheneb Martin, täis armastust ja andestust. Langev täht valgustab läbi akna talli müüre. Martin embab oma kaaslast, õhtu hääled võtavad võimust, kuulda on laste kilkeid. Gaspard ja tema peremees, külg külje kõrval, liiguvad vastu oma uuele lootusrikkale teekonnale. Nad liiguvad koos avara karjamaa poole, kus kasvab kuldne hein ja roosid...

Рождественская сказка о милосердии

Жан Винья

Мартэн с палкой в руках: «Гадкое животное, а ну поднимайся!». Гаспар стонет под ударами палки, которыми осыпает его хозяин. Он поворачивает голову к окну; уши его обвисают.

«Такой лентяй, что нету сил! Кто принесет мне дрова?» Не глядя на осла, не замечая крови, стекающей по палке, Мартэн бросает палку, открывает дверь и запирает ее на задвижку. Ссутулясь, засунув руки в карманы, он идет на кухню.

«Если так будет продолжаться, то к весне мне надо будет избавиться от этого осла. Зачем кормить животное, которое не работает? Предложу-ка я его Бертрану, — он может заплатить мне за осла пятьсот франков».

Мартэн ходит взад-вперед по кухне, и, увидев, что огонь в камине угасает, ругается: «Ну конечно, теперь и огонь погас!» Несколько угольков пока еще пылают среди пепла; но вот язычок пламени разгорается ненадолго, — и гаснет окончательно.

Мартэн сморкается в рукав. «Противное животное, мне то теперь, здесь замерзнуть?» Он бросает взгляд в кухонное окно: на земле опускается ночь; вокруг голых деревьев и последних кочанов капусты на грядке сгущается сумрак. Чувствуется приближение снегопада. На столе стоит недопитая бутылка вина и бокал.

Мартэн с жадностью пьет остатки вина из бутылки и идет в подвал. Надо сказать, что Мартэн пьет больше, чем ест. Он пьет слишком много после смерти Мелани. Он пьет, чтобы забыть, — но одиночество забыть невозможно.

Нельзя сказать, что Мартэн работает, но, по крайней мере, он продолжает что-то делать: выращивает картофель, немного винограда, рубит дрова на небольшом холме, который делит с Бертраном, — и это все. Он скучает после игр в карты с Бартраном: поработает немного по хозяйству — и снова за бутылку. Мартэн часто ходит на могилу Мелани, чтобы прибраться.

Гаспар стонет в хлеву. Несмотря на старания, он не может встать. Удары палкой поранили ему заднюю ногу. Осел думает: «Мой хозяин не понимает, что я старею. Я понимаю, что ему нужны дрова, но принести их выше моих сил». Тяжело вздохнув, он кладет голову на передние ноги. Наступает ночь. Лунный свет из окна в хлеву лежит пятном на полу. Тишина. Во дворе ветер шелестит травой.

Мартэн сидит на кухне с принесенной из подвала бутылкой вина и опустошает ее бокал за бокалом, слегка закусывая хлебом. Он что-то бормочет себе под нос, пожимает плечами и пьет еще и еще. Затем он начинает потихоньку смеяться, уставившись на кухонные стены. Мартэн пытается встать, чтобы разжечь огонь, но в измождении садится.

«А он добрый, этот дьячок! Приходит меня навещать, говорит о любви и богословии, о многих вещах... Об очень многих... Но дрова мне приносит не он!» Мартэн вновь смотрит на дверь: «Противное животное!» Всю ночь на кухне горит свет.

На следующий день Бертран ждал Мартэна, чтобы сыграть в карты, но напрасно. Мартэн также не пошел к пекарю за хлебом. Еще через день, к обеду, к Мартэну отправился дьячок. Он увидел, что на кухне горит свет, и открыл дверь. Мартэн неподвижно сидел, развалившись за столом, опустив голову на одну руку, в другой держа пустой бокал из-под вина. Очевидно, Мартэн умер вчера.

Плохо оказаться между небом и землей. Там бродят злые духи, надеясь на наживу.

Мартэна похоронили на небольшом церковном кладбище. Душа его бродила вокруг в замешательстве. Наконец, ветер отнес душу Мартэна к дому. В доме захлопали ставни и упал стоящий во дворе велосипед. Из хлева послышался ослиный крик. Это был Гаспар, зовущий своего хозяина: ему показалось, что он услышал знакомые шаги хозяина. Но это был всего лишь холодный декабрьский ветер, хлопавший оконными ставнями. Душа Мартэна уже никому не могла сделать плохо, но, несмотря на это, Гаспар почувствовал колющую боль в загривке.

В кухонном окне соседнего дома зажегся и погас свет. Завыли собаки. Кладбищенский сторож, забывший лопату на кладбище, пошел за ней и увидел, что замок на воротах кладбища сломан.

Лиловатый свет утренней зари проник сквозь окно хлева. Гаспар повернул голову к двери хлева и пошевелил своей больной ногой. Его парализовала боль. Он еще раз попытался встать, но в итоге так и остался лежать на полу.

Все утро по небу бежали облака, ветер тряс голые ветви живой изгороди, шуршал за дверью. День выдался столь же унылым. Четвертый день после смерти Мартэна склонялся к вечеру. Проснулись ночные птицы.

Гаспар поднял голову и пошевелил ушами в надежде услышать шаги. Нет, звук шагов ему только почудился от охватившего его жара. К утру ветер стих.

Душа Мартэна, блуждавшая по лесам и долинам, наконец, пришла к дверям одной церквушки. 17 декабря: в церкви прибрано, но сыро. Накануне женщины убрались в церкви: истертые, местами сломанные доски пола пахли мылом. В воздухе чувствовался запах свечного воска. В левом углу церкви дети установили рождественские ясли. В церкви стоит тишина. Душа Мартэна заглядывает во все углы церкви, опрокидывает один стул и подсвечник. Колеблется покрывающая иконостас материя. В воздухе чувствуется напряжение. Внезапно дверь церкви закрывается.

«Мартэн, куда ты идешь?» — раздается твердо звучащий голос, исходящий от рождественских яслей. Если бы там были дети, они бы увидели тень, проскользнувшую над Девой Марией и лежащим в люльке Младенцем.

«Мартэн, куда ты идешь?» — на этот раз голос звучит еще тверже. «Я не довольна тобой, Мартэн! И я не имею в виду ни твой эгоизм, ни пьянство. Ты был бессердечным человеком, и я не могу тебе это простить. Понимаешь ли ты, в каком положении ты оставил своего осла? Понимаешь ли ты, что твой осел — это и мой осел? Я могу тебе простить все, но то, как ты избивал своего осла...»

Голос становится более спокойным и доброжелательным.

«Помнишь, Мартэн? Этот осел и бык согревали своим дыханием моего Ребенка в ночь Его рождения. Ты забыл об этом? А когда мой Сын вошел в Иерусалим, среди скопления народа, Он сидел на моем осле. Понимаешь ли ты, что так себя вести нельзя?»

Вместе с этими словами луч солнца из окна церкви осветил осла, склонившегося над яслями с Младенцем, изображенными на иконе Рождества Иисуса. Воздух в церкви стал чище, вся церковь словно закружилась в танце и запела в аромате лилий и меда. Мартэн почувствовал, что освобождается от ледяных пут последних дней; все для него стало чистым и ясным, а запах меда и лилий был таким же, как некогда в детстве.

Умолкнувший было голос зазвучал вновь: «Мартэн, возвращайся домой. Там ты вновь обрешь на некоторое время свое тело и свои привычки. Иди к Гаспару и не бойся, — никто не почувствует твоего присутствия, — ты будешь для всех невидим. Ни с кем не заговаривай, и будь внимательным, — больше я тебе ничего объяснить не буду. А теперь иди!»

Последние произнесенные слова были полны нежности и покоя. Солнечный луч погас. Рождественская колыбель погрузилась в сумрак; было слышно, как у наружной двери разбилась об пол крупная капля воды. Церковь охватила тишина и покой.

В хлеву лежит Гаспар и видит свои сны. Он не ощущает времени. Кажется, он погрузился в свои, недоступные людям воспоминания. Но вдруг он вздрогнул: до него донеслись звуки шагов.

На этот раз можно было не сомневаться: дверь хлева открылась и в ее проеме показалась тень. Тень постояла в нерешительности, но затем направилась к ослу. Гаспар собрал все свои силы и приподнялся, дрожа, вначале на передних ногах, затем на задних, и, наконец, чудесным образом встал. Мартэн бросился на шею своему ослу, обнял его и заплакал. Но осла вновь оставили силы, и он повалился на пол.

Мартэн широко раскрывает глаза и смотрит на стены хлева, на покрытую кровью палку, лежащую в углу. Он закрывает лицо руками и, словно очнувшись от кошмара, бежит на кухню, оттуда в комнату, где достает из ящика лучшую скатерть, которую Мелани некогда связала крючком. Он разрезает ее на подходящие лоскуты, чтобы перевязать раны Гаспара. Затем спешно спускается в подвал и приносит оттуда свежего сена и целую корзину моркови. Мартэн возвращается к ослу и гладит его. «Мой маленький, мой бедный...»

Проходят часы. Свет в окне хлева становится розовым, белым, лиловым... Глаза Гаспара столь полны благодарности, что Мартэн отворачивается и прикусывает губу, чтобы не заплакать. Он не уходит из хлева. Так проходят часы и дни. Гаспар попил лишь раз, но видно, что ему хватает и того, что его хозяин здесь, рядом, что для него важнее всего. Время и пространство исчезают. Наступает новое время. Стены хлева раздвигаются и теряются где-то вдаль... Только Гаспар и Мартэн остаются на месте.

Утром 24 декабря Мартэн просыпается после продолжительного сна рядом со своим старым другом, охваченный каким-то странным чувством. Все вокруг кажется новым, невиданным ранее. Он озабоченно смотрит на своего осла, затем идет в сад и возвращается с кочаном капусты, но Гаспар к нему не притрагивается. Тогда Мартэн вырезает с кочана кусок и дает его ослу с ладони. Осел осторожно берет капусту, чтобы угодить хозяину.

В полдень пошел снег. Во дворе ни звука. После обеда послышался далекий звон церковного колокола, его подхватил другой, уже поближе. В послеобеденное время можно наблюдать множество незаметных вещей: паучка, висящего на конце нити, кружащуюся по комнате одинокую муху, сияющее позолотой украшение на двери.

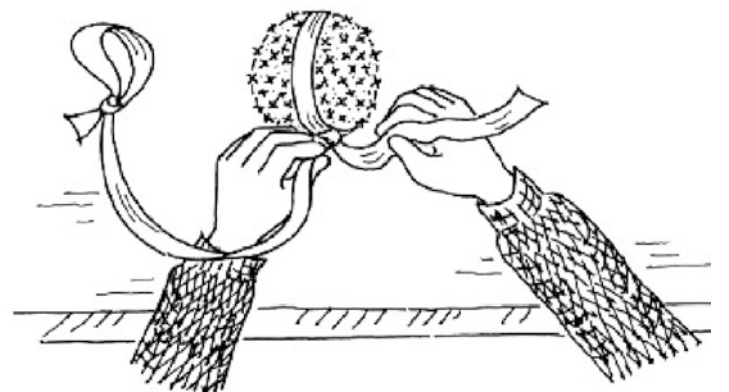
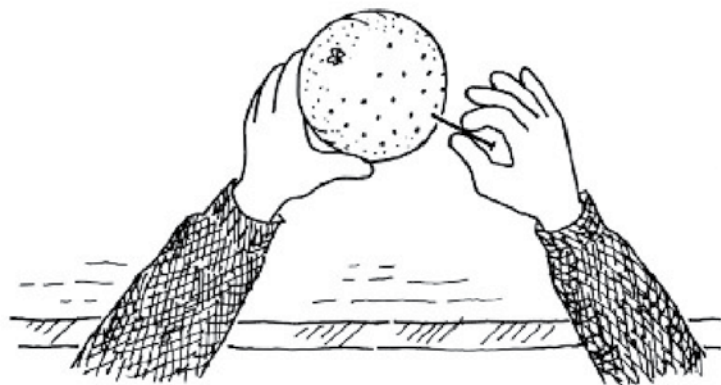
Незадолго до полуночи, когда в домах горел свет, Гаспар повернул голову к хозяину. Мартэн, словно в опьянении, почувствовал в воздухе тот же, что и в церкви, аромат лилий и меда. Гаспар стал дышать медленнее и глубже. К нему, полный любви, с просьбой о прощении подошел Мартэн. Падающая звезда осветила сквозь окно стены хлева. Мартэн обнял своего спутника. В ночи стали громче звучать голоса, послышались радостные крики детей. Гаспар и хозяин, бок о бок, ступили на свой новый, полный надежды путь. Вот они идут к большому пастбищу, на котором растет золотистая трава и розы...

Meisterda hästilõhnav jõuluehe!

Meenutamaks püha Nikolause heldekäelisust ja vaeste abistamist, on teda mõnikord ikoonil kujutatud koos kolme kullakoti, kolme kuldraha või kolme kuldse õunaga.

„Kuldne õun” ehk pomander on keskaegne jõuluehe, mida on ka tänapäeval lihtne valmistada. Vaja läheb keskmise suurusega apelsini, nelki ja värvilist paela. Esmalt tuleb apelsini ümber ristikuuliselt siduda kitsas pael või lint, mille abil saab apelsini hiljem riputada jõulukuuse külge. Seejärel tuleb paksema nõelaga teha apelsini sisse augud, kuhu järgnevalt tuleb suruda teravad nelgiotsad. Nelgiotsad võivad moodustada erinevaid kujundeid või olla lihtsalt pikitud võimalikult tihedalt. Samas peaks aukudele jääma paras vahe, et nelgiotsad hästi kinnituksid. Mida rohkem on nelke apelsini sees, seda paremini pomander lõhnab ja ka pikemalt säilib.

Valmis pomanderi võib kõigepealt nädala kuivas ja sooja kohas hoida, seejärel aga riputada jõulukuusele või mõnesse muusse kohta, kus see meeldivat lõhna eritades pühade-meeleolu loob.

Сделай сам ароматное елочное украшение!

Помня о щедрости святителя Николая и его помощи беднякам, святого иногда изображают на иконе с тремя золотыми мешочками, тремя золотыми монетками или тремя золотыми яблоками.

«Золотое яблоко» или помандер – это средневековое рождественское украшение, которое и сегодня можно очень легко сделать своими руками. Нам понадобится среднего размера апельсин, гвоздика и красивая цветная ленточка. Сначала нужно крест-накрест перевязать апельсин тонкой ленточкой или шнурком, с помощью которой потом можно будет повесить апельсин на елку. Затем нужно проколоть толстой иглой в апельсине дырочки, в которые вставляются палочки гвоздики. Из гвоздики можно составлять различные узоры или просто плотно утыкать ими апельсин. Между гвоздиками должны оставаться небольшие промежутки, чтобы головки гвоздики хорошо держались. Чем больше гвоздики в апельсине, тем лучше он сохранится и тем будет ароматнее.

Готовый помандер нужно держать неделю в сухом и теплом месте, а затем повесить на рождественскую елку или в другое место, приятный аромат помандера поможет создать праздничное настроение.

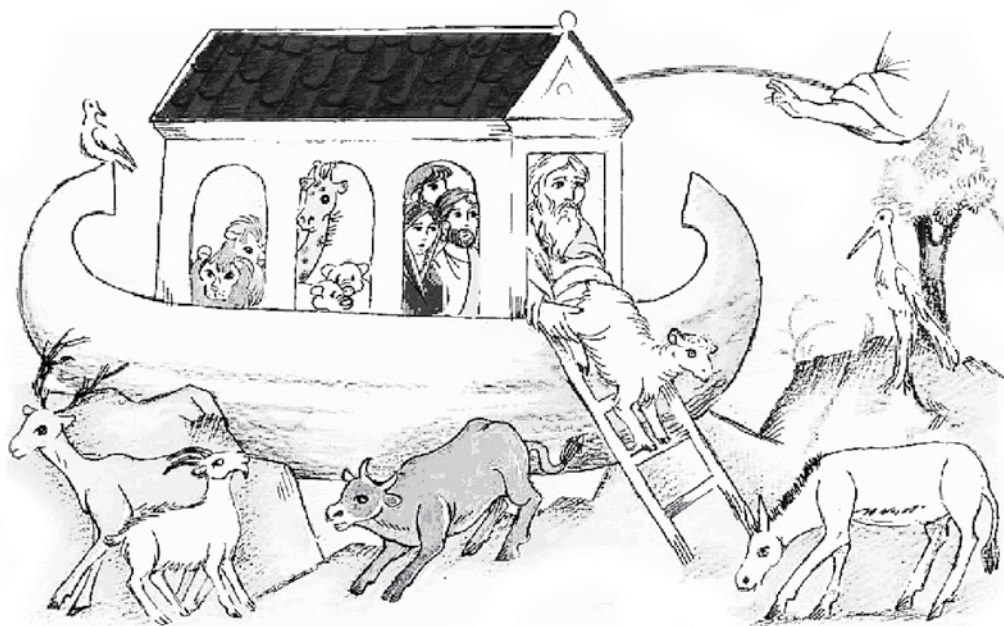
Noa laev

Piibli I osa – Vana Testamendi – lugude seas on üks, mis seostub ka meil tuntud kõnekäänuga: pärast meid tulgu või veeuputus. Maailm on tõepoolest olnud kunagi Jumala tahtel üle ujutatud ja sellest üleilmsest veeuputusest loeme Moosese esimese raamatu peatükkides 6–9.

Meie esivanemate Aadama ja Eeva paljude järeltulijate seas oli mees nimega Noa, silmapaistev oma jumalakartlikkuse ja vagaduse poolest. Kõik tema kaasaegsed inimesed aga ei olnud temasugused ja ühel päeval lausus Jumal Noale: *Ma kahetsen, et olen inimese teinud ja tahan ta ära kaotada maa pealt. Seepärast ma saadan veeuputuse maa peale, et hävitada kõik, kellel eluvaim sees on. Sina aga ehita laev, kuhu saad minna koos oma perekonnaga ja sel kombel uputusest pääseda. Võta kaasa laevale linnud ja loomad, igast liigist kaks, et nad võiksid jääda elama.*

Jumal õpetas Noad, kuidas ehitada hiiglaslik laev, kuhu mahuksid kõik loomad-linnud ja tema ise koos perega ning Noa asus koos poegade ehitama. Paljud naabrid naersid tema üle, et ta ehitab tohutut laeva kuiva maa peal, aga Noa ei hoolinud sellest. Pärast mitmeid aastaid oli laev viimaks valmis ja Noa asus seda täitma rohke toiduga ning lõpuks viis sinna ka loomad. Seitsme päeva pärast hakkas vihma sadama. Sadu jätkus lakkamatult nelikümmend päeva ja ööd kuni ka kõige kõrgemad mäed olid veega kaetud. Maa peale ei jäänud ainsatki elavat hinge. Kui sadu lakkas, lasi Jumal tuulel puhuda ja vesi hakkas alanema. Noa laev jäi pidama kõrge mäe kohal. Seal lasi Noa lendu kõigepealt kaarna, seejärel tuvi, et teada saada, kas kusagil leidub juba kuiva maad. Tuvi saabus hiljem tagasi õlipuulehega nokas, mille järgi Noa arvas, et kusagil leidub juba haljendavaid puid ja veeuputuse aeg on läbi saamas. Peagi oli vesi täielikult taganenud ning Noa võis loomad ja linnud laevast välja lasta.

Noa oli väga rõõmus ja tänulik. Ta kogus kokku oma perekonna ja nad tänasid üheskoos Jumalat, et on elus ja terved. Korraga nägid nad taevas värvilist vikerkaart. Nüüd kõneles Jumal taas Noaga ja ütles: *See vikerkaar on märgiks, et ma enam kunagi ei läkita maa peale uputust, mis hävitaks kogu elu.*

Ноев ковчег

«После нас – хоть потоп» – это известное выражение станет понятнее, если мы прочтем библейскую историю о Всемирном потопе. Она рассказывается в первой части Библии – в Ветхом Завете, в первой книге пророка Моисея – в Бытии, главы 6–9.

Среди многочисленных потомков наших прародителей Адама и Евы был человек по имени Ной, богобоязненный и праведный. Но все его современники совсем не были такими, и однажды Бог сказал Ною: «Я раскаялся, что сотворил человека на земле и истреблю с лица земли человека. Я наведу на землю потоп водный, чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни. Ты же сделай себе ковчег, с тобою

Я поставлю завет Мой, и войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою, и спасетесь от потопа. Введи также в ковчег из всех животных, и от всякой плоти по паре, чтоб они остались с тобою в живых; мужского пола и женского пусть они будут».

Бог научил Ноя, как ему построить огромный корабль, куда поместятся все животные, птицы и сам он с семьей. Ной с сыновьями начал строить ковчег. Многие соседи смеялись над тем, что Ной строит огромный корабль посреди суши, но Ной не обращал на них внимания. Несколько лет спустя ковчег наконец был готов, и Ной стал наполнять его множеством пищи, а потом ввел туда животных и птиц. Через семь дней начался дождь. Дождь лил, не прекращаясь, 40 дней и 40 ночей, пока даже самые высокие горы не скрылись под водой. На земле не осталось ни одной живой души. Когда ливень прекратился, Бог навел ветер на землю, и уровень воды стал снижаться. Ноев ковчег остановился в высоких горах. Ной выпустил сначала ворона, затем голубя, чтобы узнать, не осушилась ли где-нибудь земля от воды. В первый раз голубь вернулся назад, во второй раз голубь принес оливковую ветвь в клюве, и Ной понял, что где-то уже зеленеют деревья и время наводнения подходит к концу. В третий раз голубь не вернулся к Ною, так Ной понял, что вода сошла с земли и можно выпускать людей и животных из ковчега.

Ной был очень рад и возблагодарил Бога. Он собрал всю семью, и вместе они поблагодарили Бога за то, что Он сохранил их живыми и здоровыми. Вдруг они увидели на небе радугу. Бог снова заговорил с Ноем и сказал: «Эта радуга – знак того, что Я никогда больше не пошлю на землю потопа, чтобы истребить все живое».

Фото: Пилле-Ринн Пихлак 2023 г.

Высокопреосвященнейший митрополит Таллиннский и всей Эстонии Стефан, преосвященнейшие епископы, досточтимые священники и прихожане ПЦЭ, дорогие и верные чада нашей Церкви!

Из этого почитаемого центра православия – Святого Престола Царицы Городов, мы шлем наши отеческие благословения и сердечные приветствия вашему ежегодному Церковному собору, созданному под руководством нашего возлюбленного брата, Его Высокопреосвященства митрополита Стефана.

На этот раз мы приглашаем делегатов Собора поразмышлять над глубоким и прекрасным вопросом, – а именно о роли священника и его супруги в жизни Церкви. Святое служение священника и скромное, но столь важное призвание его жены суть не два отдельных пути, а единый общий путь в таинстве любви. По слову апостола, «И будут двое одна плоть» (Еф. 5:31). В церкви этот союз также становится совместной диаконией – совместным служением ради созидания Тела Христова.

В то время как священник руководит богослужением во имя народа и молится за него, его супруга духовно сопровождает его своими молитвами, терпением и доброжелательным присутствием. Ее служение определяется не участием в богослужении, а духовной причастностью, то есть участием в жертвоприношении посредством любви, смирения и бескорыстия. В этом смысле дом священника является малым домашним алтарем, в котором ежедневно приносится мирная жертва Христу и творятся благоуханные молитвы за жизнь общины и весь род человеческий.

С самого начала Церковь понимала, что установленная для мужчин должность священника и диакона женщин различны по своим задачам, но дополняют друг друга в милосердии. Первая из них олицетворяет первосвященническую жертву нашего Господа, а вторая выражает нежное утешение Духа. Как сказал однажды почивший в Боге митрополит Эфесский Хризостом, Церковь есть плерома, то есть полнота Христа, в которой каждый член Церкви – и мужчина, и женщина – служит таинству спасения посредством милосердия, а не привилегии.

Таким образом, супруга священника разделяет его призвание не через рукоположение, а через участие в милосердии, то есть через сочувствие, мудрый совет и твердую веру. Ее присутствие защищает священника от изоляции, являет приходу пример христианского брака, просветленного через служение, и демонстрирует, что всякое

служение в Церкви, видимое или скрытое, находит свое истинное выражение в любви.

Наш дорогой брат митрополит Стефан с пастырской пронизательностью говорил о необходимости направлять и просвещать жен молодых священников, многие из которых очень хорошо знают православную традицию, чтобы постепенно войти в духовный характер и пастырский ритм призвания своего мужа. Это поистине святая задача. Такая подготовка достигается не одним лишь учением; ее можно обрести только через терпение, смирение и любовь во Христе, способствуя приобщению, взаимной поддержке и молитвенному духу в семьях священнослужителей.

Как сказал профессор Иоаннис Фунтулис, Церковь должна «в своей жизни больше использовать силу воздействия женщины», соглашаясь с тем, что женщины – не второстепенные участницы в жизни Церкви, а носительницы даров, необходимых для жизнеспособности прихода. Это наставление должно помочь каждой супруге священника понять, что ее кроткая сила, тонкая пронизательность и непоколебимая вера являются бессловесной проповедью, созидающей народ Божий.

Как образно написала мать Назария Нита из Румынии, призвание женщины в Церкви заключается в том, чтобы «помазать раны Христа в мире елеем сострадания». Этот образ также хорошо применим к супруге священнослужителя, чья задача – не только помо-

гать, но и исцелять, утешать и объединять, то есть воплощать материнское сердце Церкви в приходе.

Дорогие духовные чада! В жизни каждого прихода священник и его супруга – словно живые образы Христа и Его Церкви. Эти два человека, соединенные браком и взаимным служением, освящают друг друга жертвой и молитвой. Их общее свидетельство подтверждает, что семья священника представляет собой не просто частный дом, а открытую дверь, из которой щедрость и милосердие Божии сияют для прихожан.

Мы призываем вас уважать и поддерживать семьи священников, содействовать взаимной заботе и единству между ними и помнить, что сила Церкви не в ее структурах, а в сердцах, соединенных любовью.

Да утвердит Пресвятой Дух каждого священника и каждую супругу священника Эстонской Апостольской Православной Церкви в их святых трудах! Да дарует им мудрость, доброту и стойкость! Да сияют в их домах свет и радость Воскресения!

Вселенский Патриархат, 15. XI 2025 г.

Ваш усердный молител перед Богом

† ВАРФОЛОМЕЙ,
Архиепископ Константинополя –
Нового Рима и Вселенский Патриарх

Речь Его Высокопреосвященства митрополита Стефана на соборе Эстонской Апостольской Православной Церкви 15. XI 2025 г.

Фото: Геннадий Баранов 2019

Дорогие священники и диаконы, а также монахини и послушники нашей святой Эстонской Церкви, миряне – представители дорогих моему сердцу приходов на этом соборе!

Архонты Святого Престола Вселенского Патриархата, гости и дорогие наши друзья, которых мы благодарим за неоценимую поддержку нашей святой Церкви!

По благодати Божией мы вновь собрались здесь, в Спасо-Преображенском соборе Таллинна – в храме, который свидетельствует об истории нашей Церкви, чтобы проповедовать нашу святую истинную веру во Всевышнего Господа, возблагодарить Его за все Его благодеяния, совместно и единодушно обсудить и решить вопросы повседневной жизни, которые поддерживают нашу совместную

духовную, образовательную и материальную жизнь как в церквях, так и в Церкви в целом.

Я хотел бы начать свою речь с горячей благодарности нашему Патриарху Варфоломею, который, будучи нашим отцом во Христе, вновь передал нам свое послание, и я выражаю ему благодарность также за глубокие и пастырские духовные наставления. Воспоминания о его визите в день столетней годовщины нашей Церкви до сих пор очень живы в памяти. Без него мы не смогли бы восстановить нашу церковь после 1991 года. Не будем забывать, что после 50 лет разрушений в годы советской оккупации наша церковь, которая ранее насчитывала 200 000 прихожан, 180 священников, 153 святителя и два монастыря (Пюхтицкий и Печорский), к 1996 году сократилась до горстки

– порядка 7 000 прихожан и десятка священников, большинство из которых были уже в преклонном возрасте.

Несмотря на противодействие некоторых членов Священного Синода Патриархата и прочих, считавших, что мы слишком малы, чтобы осмелиться пойти против Русской Церкви, чем вызвать ее недовольство, сомневавшихся в нашей способности восстановить нашу полностью разрушенную и истощенную Церковь, наш Патриарх ни на секунду не колебался в решении восстановить автономии нашей Церкви. И он сделал это в 1996 году на встрече в Цюрихе с представителями Русской Церкви, где отстаивал наше право на существование, после чего назначил архиепископа Финляндского Иоанна временным попечителем нашей Церкви до избрания митрополита в 1999

Достопочтенные братья во Христе, Епископ Пярнуский и Сааремааский Александр, епископ Хаапсалуский Дамаскинос и дорогой новоизбранный епископ Тартуский Андреас!

году. Все это является частью нашей прекрасной и великой истории, которую никто не сможет отрицать или оспаривать.

Два дня назад наш Священный Синод избрал новым епископом Тартуским достопопочтенного архимандрита Андреаса Ноорхани. Выражаю сердечную благодарность тартуским приходам Успения Пресвятой Богородицы и Святых Александров, а также приходам Нью и Мынисте, которые в соответствии с нашим уставом представили кандидатов на епископство в этом историческом городе. Собор Епископов вновь выражает свое глубокое уважение всем представленным кандидатам. Однако, чтобы быть достойным этой церковной должности, для избрания епископа установлены определенные условия, выходящие за рамки личных добродетелей кандидата. Эти условия не всегда известны прихожанам. Действительно, хотя предпосылкой для рукоположения в сан священника всегда являются духовное и нравственное достоинство и честность, при избрании епископа необходимо учитывать также ряд других факторов, важнейшим из которых является богословское образование кандидата. К сожалению, не все кандидаты, представленные приходами Тартуской епархии, соответствовали этому требованию.

После особой молитвы Святому Духу По Его присутствию, чтобы направлять членов Священного Синода в избрании епископа, и после продолжительного церковного, пастырского и духовно взвешенного обсуждения на заседании Епископского собрания, состоявшегося в соответствии с каноническими правилами 13. XI 2025 года в часовне святого Платона Таллиннского церковного центра, был тщательно рассмотрен список кандидатов в епископы, предложенный тартуским епархиальным собранием (прошедшим 8. XI 2025 года в церкви Святых Александров в Тарту). С величайшим уважением ко всем кандидатам было единогласно решено избрать достопопочтенного архимандрита Андреаса Ноорхани – единственного из представленных кандидатов, отвечающего требованиям, предъявляемым Вселенским Константинопольским Патриархатом. Поприветствуем избранного епископа Тартуского Андреаса, возблагодарим Бога за это благодеяние, оказанное Тартуской епархии, и попросим Его одарить Его верного слугу Андреаса Своей божественной милостью и святой защитой на многие годы. Дорогой Андреас, дорогой епископ Тартуский,

от имени всех нас: «Поздравляем тебя, правитель! Многая лета! AXIOS!» После моей речи перед вами выступит архимандрит Андреас и представит себя.

Другим важным событием для нашей Церкви стало перенесение мощей нашего незабвенного первого митрополита Александра в Эстонию. Это был долгосрочный проект, начало которому было положено через несколько месяцев после моего вступления в должность в Таллинне. Тогда мы надеялись, что это желание вскоре сбудется, но на пути к его осуществлению встало множество юридических препятствий. Будучи в изгнании, митрополит Александр всегда хотел, чтобы его тело вернулось на любимую им и всеми нами родину, – в Эстонию.

Если нам удалось исполнить его последнее желание, то только благодаря упорству и целеустремленности протоиерея Александра Сарапика. После многих лет упорных усилий, в сотрудничестве с проживающей в Швеции семьей митрополита Александра и с помощью их друга – господина Уно Шульца, ему удалось положить конец этому, более полувека длившемуся ожиданию. Вечная память, дорогой митрополит Александр! Покойся с миром в новом месте упокоения, перед входом в Спасо-Преображенский собор в Таллинне! Да хранит тебя наш благодатный и любящий Бог в раю Своем, в том светлом месте, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная.»

От митрополита Александра мы узнали о уставе, который не только выдержал испытание временем, но и был основой для нашей Церкви с момента ее возрождения в 1993 году. Устав прочно связывает воедино все части тела Церкви, хранит наше внутреннее единство и до сего времени является зримым и очевидным свидетельством самобытности нашей автономной Церкви. При этом следует подчеркнуть, что устав Церкви не тождествен гражданским законам. Устав Церкви неразрывно связан с нашей святой православной верой и догматами, поскольку выражает наше единство во Христе, – единство, основанное на Евангелии, всякий раз торжественно провозглашаемое при совершении евхаристии, когда мы участвуем в божественной литургии. Иными словами, наш устав выражает нашу жизнь во Христе в окружающем мире, и именно поэтому он определяет и объединяет нас в единое христианское сообщество.

Наш устав мужественно и стойко перенес все испытания, раны и невзгоды, которые претерпела наша Церковь за свою вековую историю. Сильные мира сего, полвека сеявшие страх и ужас на земле нашей Эстонии, сделали все, чтобы сжечь нашу Церковь дотла. Но их разрушительный замысел привел к противоположному результату. Последовательное действие нашего устава с 1924 года и по сей день является живым свидетельством чудесного возрождения церкви из пепла. Наши мученики, чьи иконы говорят с нами в наших домах и храмах, находятся среди нас, чтобы напоминать нам об этом.

С момента составления нашего устава в 1924 году и после внесения изменений в 1935 и 2003 году, река времени унесла много воды во вселенский океан. Общество того времени уже не то, что сегодня. Однако нет необходимости писать новый текст устава, будет достаточно внести изменения там, где есть существенные недостатки, особенно в главу седьмую нашего устава, в которой рассматривается церковное управление. Эти недостатки день за днем, капля за каплей, затрудняют организацию и эффективность работы всей нашей Церкви, – всего, что необходимо для того, чтобы наша Церковь могла выполнять все требования своей миссии на духовном, пастырском, межправославном, межконфессиональном и материальном уровнях.

Время церковного управления в прежней форме прошло, и мы должны это признать. Мы ничего не выиграем, если будем стоять на месте, ностальгируя по прошлому, пытаюсь сохранить его любой ценой. «Французская пословица гласит: „Удача улыбается смелым“, – но добавлю, что не всем смелым, а тем, кто смотрит в будущее с радостью, оптимизмом и энтузиазмом, кто действуют рассудительно, мудро, ясно и взвешенно в своих поступках, взглядах и убеждениях, в отличие от тех, кто из-за своих крайностей и личных мнений, обостряющих противоречия, не заботится о единстве, которого все ждут и к которому мы стремимся. Эта ситуация требует от нас посвятить себя совместной – рука об руку – работе, преодолевая свой индивидуализм ради общего блага. Мы не должны (как это, к сожалению, часто случается), довольствоваться поверхностным подходом к проблемам, не углубляясь в них, не обсуждая совместно и не обращаясь за советом к компетентным людям.

Еще раз: ни одна из наших епархий, ни один из наших приходов не должен чувствовать себя в одиночестве или изолированным. Конфронтации и внутренние распри всегда преследуют одну и ту же цель – посеять и распространить раскол. Именно поэтому напряженность, разногласия, а порой и даже враждебность между нами представляют собой ненужную роскошь, от которой мы должны отказаться. Нам предстоит заняться гораздо более важными делами, в частности, принять сегодня твердое решение последовательно и твердо двигаться вперед во взаимной любви. Сохранение нашего единства и верности нашей Церкви и ее членам – наши лучшие и верные спутники. Не будем никогда забывать о том, что пока мы едины, для нас возможно все.

Я сказал достаточно. До следующего Собора в 2026 году я намерен организовать две крупные встречи, на которые будут приглашены все наши священнослужители. Первая из них пройдет перед Страстной неделей, а вторая – в июне. Цель этих встреч заключается в том, чтобы совместно разработать общий план приведения устава в соответствие с требованиями времени. Его обновленная версия будет затем представлена всем нашим приходам для утверждения через их представителей. В ближайшее время мы сообщим вам об основных направлениях этого проекта, чтобы вы смогли подготовиться, принять участие в этих двух встречах и представить на них свои предложения. Это необходимо для принятия плодотворных решений.

Дорогие мои!

Помолимся Богу, чтобы Он ниспослал нам на протяжении нашего собора Своего Святого Духа, Который не только поддерживает всю Церковь, но и наполняет Своей благодатью весь мир.

Да озарит Дух Истины наши сердца и умы, чтобы все мы, сплоченные между собой, были достойны выполнить поручение, данное нам Всевышним в окружающем нас мире.

Благодарю за внимание!

† СТЕФАН,
Митрополит Таллиннский
и всей Эстонии

Содор ПЦЭ

В субботу, 15 ноября, в Спасо-Преображенском соборе Таллинна состоялся очередной собор Православной Церкви Эстонии.

Собор был открыт с зачитывания послания Его Святейшества Вселенского Патриарха Варфоломея, после чего вступительное слово взял Высокопреосвященный Митрополит Таллинский и всей Эстонии Стефан.

Митрополит Стефан напомнил о ситуации, сложившейся на момент восстановления ПЦЭ: если до советской оккупации в ПЦЭ насчитывалось порядка 200 000 членов, 180 священников, 153 храма и два монастыря (Пюхтицкий и Печорский), то в 1996 году членов церкви было всего 7 000, а священников – около десятка, большинство из которых были уже в преклонном возрасте. Митрополит выразил признательность Вселенскому Патриарху и поблагодарил его за принятое в 1996 году на встрече с представителями Русской Церкви решение защищать существова-

ние Православной Церкви Эстонии и восстановить автономию нашей Церкви.

Митрополит Стефан отметил, что устав Православной Церкви Эстонии служит фундаментом нашей Церкви с момента ее возрождения и до сего времени: «Наш устав мужественно и стойко перенес все испытания, раны и невзгоды, которые претерпела наша Церковь за свою вековую историю. Сильные мира сего, полвека сеявшие страх и ужас на земле нашей Эстонии, сделали все, чтобы сжечь нашу Церковь дотла. Но их разрушительный

замысел привел к противоположному результату».

Церковь внесла изменения в свой устав в 1935 и 2003 году, чтобы идти в ногу с изменениями в обществе. По словам митрополита, нынешний недостаток устава проявляется в главе 7, в которой рассматривается церковное управление. «Время нашего церковного управления в таком виде устарело, и мы должны это признать», – сказал он. «Французская пословица гласит: „Удача улыбается смелым“, – но добавлю, что не всем смелым, а тем,

кто смотрит в будущее с радостью, оптимизмом и энтузиазмом». Митрополит подчеркнул необходимость посвятить себя совместной работе, преодолевая индивидуализм и противоречия ради общего блага.

Для обновления устава и церковного управления митрополит намерен созвать в следующем году два собрания духовенства: одно перед Страстной седмицей, а другое в июне. Устав, приведенный в соответствие с требованиями времени в результате обсуждений, впоследствии будет представлен всем приходам для утверждения их представителями.

Митрополит также объявил, что 13 ноября Священный Синод избрал в соответ-

ствии с каноническим чином, церковным уставом и внутренними церковными правилами архимандрита Андреаса Ноорхани епископом Тартуским, который кратко представился Церковному Собору.

Согласно другим пунктам повестки дня Церковного Собора священник Кристьян Отсманн представил отчет о деятельности ПЦЭ за 2025 год; протоиерей Александр Сарапик рассказал о деятельности церковного управления и представил обзор финансового отчета за 2024 год, который был принят делегатами Собора. Собор ПЦЭ также проголосовал за бюджет ПЦЭ на следующий год и утвердил отчет ревизионной комиссии. Митрополит, говоря о будущем Церкви, подчеркнул

важность финансового участия прихожан в работе церковного управления и в денежном содержании епископов. С другой стороны, по его мнению, церковное управление недостаточно учитывает проблемы прихожан и священников. «Все это необходимо улучшить, и мы работаем над этим», — сказал он.

Собор ПЦЭ продлил полномочия ранее избранного церковного управления и членов ревизионной комиссии на следующие три года.

Во второй половине дня епископ Хаапсалуский Дамаскинос представил обзор действующего в Реомая (Сааремаа) скита Святого Иоанна Предтечи и Апостола Ан-

дрея Первозванного и его деятельности.

Епископ Дамаскинос также рассказал о новом мужском ските, который будет основан в деревне Кирикля, неподалеку от поселка Хагери. Протокол об учреждении скита был представлен Собору и получил единогласное одобрение. Новый скит будет называться Святым скитом отцов Святой Горы Православной Церкви Эстонии в Кирикля.

Церковный Собор завершился докладом архонта Вильо Веттика о деятельности ЕОС Energy, а также рассказом декана Таури Тёльпта о деятельности Богословского института ПЦЭ.

Фото: священник Кристьян Отсманн 2025 г.

Вместе пойдем на встречу с Господом

Недавно избранный епископ Тартуский — отец Андреас (Андрус) Ноорхани, сказал в интервью, что видит в исполнении должности архиепископа епархии прежде всего труд служения, и трудиться он намерен в сотрудничестве со всеми.

Священный Синод избрал вас епископом Тартуским. Что это для Вас значит?

Это вызов, суть которого я пока еще не совсем прочувствовал. Многие еще только предстоит узнать: познакомиться с людьми, священниками, ознакомиться с приходами, церквями и их положением, заботами и нуждами. Прежде всего, необходимо понять, что происходит, и создать взаимное доверие для сотрудничества. Епископ не может действовать в одиночку, ведь он во всех смыслах один из членов команды, который, конечно, исполняет руководящую и ответственную роль, но я придерживаюсь принципа совместной работы.

Я не обладаю особым авторитетом и статусом. Когда владыка Стефан сделал мне это предложение, я долго не соглашался. Когда же согласился, то сказал, что воспринимаю это как вызов трудиться в церкви больше, чем ранее. Ничего другого я пока не вижу. Все произошло слишком быстро. Не прошло и двух лет с моего

рукоположения в священники. Темп взят очень быстрый.

Какие задачи в деятельности Церкви являются для Вас наиболее важными в настоящее время?

Прежде всего, служение. У меня целых три места служения: я являюсь настоятелем церкви Святого Георгия в Палдиски и церкви апостолов Петра и Павла в Вяндра. Однако по времени и количеству богослужений я гораздо больше служу в кафедральном соборе Святого Симеона и пророчицы Анны в Таллинне, где я вырос. Настоятель этого собора — протоиерей Матфей Палли — был моим учителем с 2017 года, когда я поступил в семинарию Святого Платона. Моя задача в соборе заключалась в том, чтобы ему помогать. Служб там проводится гораздо больше, чем в небольшом уездном приходе. Каждую неделю проходят две службы: всенощное бдение и литургия. Если отец Матфей в отъезде или служит в другом своем приходе в Кохила, то я его замещаю. Отец Авраам тоже служит в соборе, но и у него несколько приходов и очень много работы.

Кроме того, я принимаю определенное участие в работе нашего теологического института. Пару лет назад, во время разговора с Таури Тёльптом возникла мысль о том, что помимо основного учебного процесса в институте можно было бы организовать что-то еще, — так пришла идея организовать для прихожан лекции о литургике и служении в приходе. Все это переросло в цикл лекций, прочитанный весной 2024 года. И, поскольку он прошел успешно, — было довольно много заинтересованных слушателей — народ стал спрашивать, когда будет следующий. В этом году состоялся уже второй цикл лекций; на этот раз темой была наша молитвенная жизнь.

В настоящее время готовится третий цикл, который, вероятно, начнется во время Великого поста. На этот раз мы будем говорить о покаянии и прощении. Эти две темы важны как для заботы о душе прихожанина, так и для общения между людьми. Моя роль заключается в организации лекций; к чтению лекций и разработке тем я приглашал тех, кто опычнее меня.

Моя главная задача как священника по-прежнему заключается в совершении богослужений и в общении с прихожанами. С другой стороны, вызывают беспокойство вверенные мне здания церковью. Так, своды церкви Святого Георгия в Палдиски находились в аварийном состоянии. Проведенные весной реставрационные работы, к счастью, устранили эту проблему. Теперь следующим священникам предстоит продолжать усердно трудиться.

Душепопечение и пастырский труд были Вам близки; Вы также прошли курсы капелланов в Силах обороны Эстонии. Что привело Вас к душепопечению?

Когда я учился в Богословском институте, то на уровне бакалавриата было три направления: лютеранское богословие, православное богословие и душепопечение. Некоторые темы душепопечения были также в нашей учебной программе, что дало мне понимание его сути. За три года учебы у меня не было времени углубиться в душепопечение из-за большого количества изучаемых предметов и прочих дел.

Когда я окончил институт и вступил в должность священника, то всегда испытывал почтение к людям, которые приходили рассказать мне о своих заботах или исповедаться; моя роль состояла в том, чтобы помочь им, для чего я должен был их понять. В то же время мне кажется, что я иногда не понимаю самого себя, свою душу. В этом случае трудно помочь другим. Поэтому я пришел к пониманию того, что курс душепопечения не менее важен, чем богословские знания или навыки в литургике.

Я поступил на курс по основам душепопечения прежде всего для того, чтобы стать лучшим священником для своих прихожан. На этих курсах мы учились видеть душу человека через созерцание собственной души. Курс также включал множество заданий, когда учащиеся разбивались на пары, в которых один выступал в роли говорящего, а другой — слушателя. На курсах рассматривались различные кризисы, печальные события в жизни человека, семейные отношения. Учеба на курсах дала мне как теоретиче-

ские знания, так и практические навыки, позволяющие быть хорошим слушателем и понимать человека, нуждающегося в помощи.

Я поступил на курсы капелланов Сил обороны потому, что тринадцать лет прослужил офицером в Силах обороны. Я начал службу сразу после воссоздания Сил обороны. По окончании офицерских курсов я занимал ряд должностей. Когда был создан совместный эстонско-латвийско-литовский миротворческий батальон BALTBAT, меня направили на базу в Адажи, в штаб батальона, в качестве ответственного за персонал офицера, где я прослужил семь лет.

В батальоне служили профессиональные военнослужащие, которых посменно отправляли выполнять международные миротворческие миссии, и с ними случалось всякое. К сожалению, приходилось сталкиваться также с гибелью военнослужащих. Так, с разведывательным взводом батальона произошел трагический случай в проливе Курксе, где море унесло жизни четырнадцати человек.

Служа в Силах обороны в те годы, я не знал, как духовно помочь нуждающимся в помощи. Я не был священнослужителем и не обладал достаточными знаниями психологии. Я был просто пехотным офицером. Я и сегодня ощущаю себя офицером и хочу внести свой вклад в качестве капеллана как в мирное время, так и в случае возможного военного конфликта. Иногда мне кажется, что меня тянет обратно, в мир военных; я хочу снова оказаться среди этих мужественных людей. Надеюсь, что, исполняя должность епископа, смогу найти время, чтобы внести свой вклад и поддержать тех, кто сейчас служит, и, возможно, в еще большей степени — наших ветеранов, которые особенно нуждаются в том, чтобы их выслушали и поняли. Пережитое ими в боях и миссиях не забывается. Полученный на службе травматический опыт оставляет свой след на всю жизнь. С одной стороны, я сочувствую им, а с другой — чувствую себя одним из них.

Вы заканчиваете магистратуру на теологическом факультете Тартуского университета. Какую Вы выбрали тему для магистерской работы?

Пятидесятый псалом в контексте утреннего богослужения Православной Церкви.

Почему именно эту тему?

На утрене зачитывается интересный эпизод, который начинается с напоминания о том, как жены-мироносицы пришли утром ко гробу Христа и обнаружили, что камень отвален от гроба. Они обнаружили первыми, что Того, Кого они считали мертвым, нет в гробу. Затем священник читает Евангелие, и прихожане радуются тому, что нам даровано искупление и воскресение.

После этого зачитывается 50-й псалом, который контрастирует с предыдущим: нас как бы возвращают на землю и напоминают о нашей греховности. Этот псалом призывает нас сожалеть о совершенных грехах и покаяться.

Когда во время учебы я каждым субботним вечером участвовал в проводящейся в соборе всенощной в качестве чтеца, то начал замечать перемену в настроении, которую вызывал во мне 50-й псалом, что и побудило меня выбрать эту тему, чтобы глубже изучить утреннее богослужение и рассказать другим о своем опыте, полученном в ходе учебы.

Тема показалась мне интересной и важной, но очень обширной, и перелопатить ее не так-то просто. Я нашел для себя лучших и лично мне знакомых научных руководителей: профессора Урмаса Ныммика – знатока Ветхого Завета, и Таури Тэльпта – знатока трудов отцов Церкви, которые очень мне помогли, но писать диссертацию надо все равно самому. Иногда я немного устаю и даю себе отдохнуть. С другой стороны, осталось немного. План работы есть, пара глав уже написана, предварительная защита прошла. Теперь остается только быть последовательным и довести намеченное до конца, чтобы провести защиту весной 2026 года.

Оглядываясь назад, можно сказать, что годы обучения в магистратуре на теологическом факультете Тартуского университета дали мне очень многое. Поскольку обучение в университете позволяет факультативно выбирать дисциплины, из-

учаемые на других факультетах, я также прослушал лекции историков, литературоведов и даже математиков. Академическая атмосфера воспитывает и обогащает независимо от возраста.

Как Вы пришли в Православную Церковь?

Поскольку я был офицером Сил обороны, а наша страна является членом НАТО, то для нас туристические поездки в Россию были под запретом ввиду угрозы безопасности. Мой любимый с детства город – Санкт-Петербург – всегда нравился мне своей архитектурой. В 2015 году, когда я уже был в отставке, мы с друзьями решили поехать в Санкт-Петербург, посетить его окрестности, пофотографировать. Церкви, которые в советское время были закрыты или превращены в музеи или склады – Исаакиевский собор, Казанский собор – теперь снова стали церквями.

Мне захотелось пойти в церковь, чтобы пофотографировать, – так я и поступил, и проникся окружающей меня красотой. Я своими глазами увидел чудотворную икону Казанской Божией Матери и растроганных, стоящих в очереди людей, чтобы приложиться к ней. Я вошел в собор, пофотографировал: приятный полумрак вокруг, свечи, лампы.

Я долгое время был связан с католической Церковью. В каком-то смысле в православной Церкви было что-то знакомое, но традиции все же отличаются.

Мне запомнилась всенощная в Казанском соборе: священники ходят кругами, кадят ладаном, звучит непонятный мне старославянский язык, – идет непонятная для меня служба. Было непонимание и в то же время – интерес.

Я вернулся в Таллинн, зашел в одну церковь, потом в другую. В какой-то момент я зашел в собор Симеона и Анны, – его дверь была открыта, внутри не было никого; у двери стоял человек в длинной черной рясе. Я сказал, что мне нужна литература по литургии. Тогда я не знал, что литургия в православной церкви означает главное богослужение. Мой собеседник оказался в затруднительном положении,

поскольку у него не было подходящей учебной литературы. Наконец, он протянул мне книгу, сказав, что в ней я найду литургию. Я смотрю на книгу и не понимаю: это был служебник священника.

Пару недель спустя я снова зашел в собор. Тем временем я нашел передачи «Pereraadio/Семейное радио» и «Ortodoksia/Православие». В ту весну Таури Тэльпт рассказывал о семинарии Святого Платона. Я познакомился с человеком в черной рясе, с которым встретился в соборе. Им оказался архидиакон Марий. Он сказал, что не стоит сомневаться и можно спокойно поступить в семинарию.

Через некоторое время я отправил электронное письмо Таури Тэльпту, получил расписание занятий, явился на них в сентябре и сказал, что я Андрус, католик, и пришел вольным слушателем. На одной из первых лекций протоиерей Матфий Палли рассказал о литургике. Я нашел то, что искал, а также узнал и многое другое, и, в том числе, основы православия. Так мне начал открываться мир православия.

Как-то по ходу дела отец Матфий сказал, что скоро начнутся занятия по катехизису. Я спросил, могу ли я тоже прийти, потому что у меня не было базовых знаний, и я не был знаком с повседневной православной жизнью. Так я начал ходить на занятия по катехизису. В то же время я не собирался менять церковь. В течение года я активно посещал семинарские лекции, а по субботам – занятия по катехизису отца Матфия.

Я также начал ходить на службы, чтобы их понять и увидеть порядок их проведения. К тому же, церковь находилась неподалеку от моего дома. Я ходил на всенощное бдение в субботу вечером и на литургию в воскресенье, а в католическую церковь ходил редко.

Когда весной закончились занятия по катехизису, я сказал отцу Матфию, что вышло так, что я забросил католическую Церковь, и попросил принять меня в православную. У меня не было плана поменять веру или церковь – это был естественный путь, по которому меня провела жажда познания. Оглядываясь назад, я

могу «упрекнуть» католическую Церковь лишь в одном: в то время она не проводила с мирянами занятий, чтобы дать им хорошую базу знаний. В настоящее время занятия по катехизису проводит епископ Журдан.

Случилось так, что я обрел знания о православии, благодаря которым стал также лучше понимать католическую Церковь, – ведь в первом тысячелетии мы были едины и представляли одну семью. Теперь же я понимал, почему произошел раскол и в чем заключаются различия. Затем, во время учебы, я должен был пройти практику в церкви; так я стал чтецом, а во время пандемии COVID вел также прямые трансляции со службы. Митрополит, наверное, заметил меня именно тогда, и, когда я окончил институт, предложил рукоположить меня во диакона. Сначала я не был к этому готов; так что я стал диаконом только через год. Пару лет назад я стал священником, а теперь Священный Синод счел меня достойным рукоположить в епископа.

Оглядываясь назад, я вижу, что все произошло само собой, естественным образом. Интерес к истории, философии и богословию вновь усадил меня – уже почтенном возрасте – за школьную скамью. Я очень благодарен своим учителям и Церкви. Теперь пришло время служить.

Что характеризует Вас как епископа?

Я не отношусь ко всему с излишней серьезностью; я не закоснелый догматик. Мне свойственны два качества: во-первых, интерес и открытость новому, и, во-вторых, почтительное отношение к человеку, его заботам и радостям. В этом и заключается смысл моего служения. Я пришел из Сил обороны, где мы готовимся пойти в бой, но в бой не идут в одиночку. В церкви мы готовимся предстать перед ликом Господа, – и в этот путь мы также отправляемся не одни, а поддерживая друг друга.

Интервьюер: священник Христьян Отсманн, настоятель Тартуского прихода церкви Святых Александров и Пыльтсамааского прихода церкви Святого Духа.

Фото: Из архива Вааской православной церкви.

Годы становления архиепископа Германа Аава: произрастающие из Эстонии духовные корни будущего предстоятеля автономной Финляндской православной Церкви

Протоиерей Андрей Сычов

ломщика и школьного учителя прихода Хелламаа на о-ве Муху Василия и Мии (Мария Эллик) Аав. Религиозное воспитание и обучение церковному пению в детские годы определили его дальнейшую учебу в церковноприходской школе Хелламаа, городской школе Курессааре, Рижском духовном училище (1889–1894) и Рижской духовной семинарии (1894–

1900), которую он окончил со специализацией псаломщик-школьный учитель.

В 1904 году Герман Аав женился на Любви – дочери священника дер. Ринси о-ва Муху Александра Бобковского. Молодые люди были знакомы с детства. Венчание состоялось 23 августа 1904 г. в православной церкви деревни Ринси. После свадьбы

Герман был рукоположен в священники и направлен на службу в приход Лелле. В его семье было семеро детей: Сократ Херманссон-Аав, Тамара (Касанко), Ариадна (Кивинен), Юрьё (Юри), Муза и Люция Аав.

14 марта 1921 года – через месяц после рождения Люции – от послеродового заражения крови умерла Любовь. 1 апреля 1921 года умерла от скарлатины их четырехлетняя дочь Муза. Мать и дочь были похоронены на православном кладбище в дер. Ринси.

Эти последовавшие друг за другом скорбные события стали для отца Германа тяжелым испытанием. Позже предстоятель вспоминал, как в отчаянии молился Богу,

вопрошая: «Почему это должно было случиться со мной?», и дал обещание Богу: «Делай со мной, что хочешь, я не более буду заниматься устройством своей жизни и вверяюсь в руки Твои». Эти годы стали для него школой упорства и приверженности тому немногому, что он имел, — и в таких рамках начало формироваться его духовное величие. Вышеуказанные слова стали отправной точкой его духовной жизни, из которой впоследствии выросли его уравновешенность и твердая вера в Божье водительство.

Служение в Эстонии

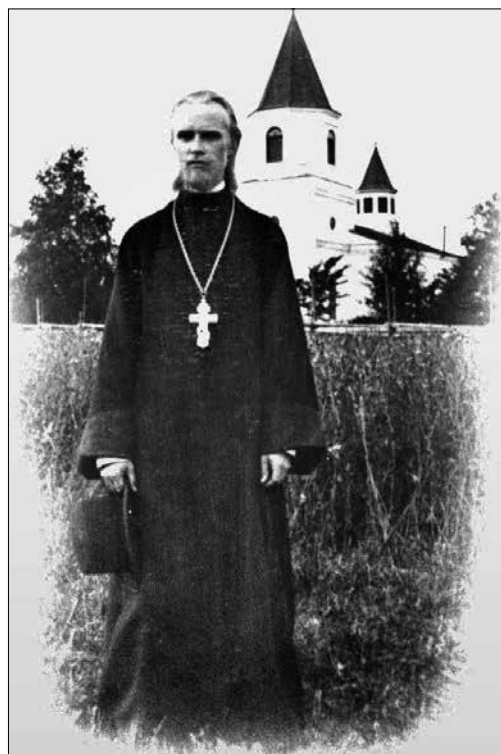
С 1900 по 1923 год Герман Аав служил в Эстонии псаломщиком, дирижером хора и священником. Свое служение он начал с должности псаломщика-школьного учителя в приходе Марии Магдалины в Хаапсалу (1900–1904); затем, в 1904 году, был рукоположен в сан диакона в рижском Свято-Троице-Сергиевом женском монастыре и в том же году — в сан священника. Первым местом служения отца Германа в качестве священника стало Лелле (1904–1907), затем Вяндра (1907–1911) и Мустьяла (1911–1923). В 1917–1919 и 1922–1923 годах отец Герман исполнял должность пробста в Сааремааском приходе, что пришлось на годы крушения Российской империи, оккупации Сааремаа немецкими войсками, обретения Эстонией независимости и начала Освободительной войны.

В Хаапсалу, Лелле, Вяндра и Мустьяла православная жизнь была скромной, но глубоко укоренившейся. В этих приходах, где он преподавал церковное пение, писал проповеди и наставлял народ в молитвах, вырос будущий предстоятель Церкви, чья дисциплина и внутренний мир впоследствии стали опорой для всей Церкви. Эти годы сформировали стиль его работы: спокойное, внимательное и проникновенное служение, основанное на твердой вере и дисциплине.

Отец Герман был также активным общественным деятелем: помощником председателя (1908) и председателем (1908–1909) общества трезвости «Алликас» в Вяндра, помощником председателя крестьянского общества деревни Мустьяла (1913–1916), в Лелле — помощником председателя сельскохозяйственного комитета Пярнуского пробства (1912–1917), а на Сааремаа — помощником редактора газеты «Saarte Kaja» в 1919 году. Он поддерживал трезвенное движение, активно участвовал в деятельности местных обществ и образовательных объединений. Все это создавало образ образованного и общительного священника, умевшего сочетать духовную и общественную работу. Именно в эстонский период своей деятельности отец Герман сформировался как преданный своему делу священник, популяризатор православного церковного песнопения и художник-любитель.

Ранние дневники отца Германа: начало духовного пути в Рижской духовной семинарии и Хаапсалу (1898–1901)

В 2023 и 2025 годах мне представилась возможность ознакомиться с перепиской, проповедями, рукописями и дневниками архиепископа Германа Аава, хранящими-

Священник Герман Аав перед православной церковью в Лелле. Фотография из частной коллекции Давида Папи, сделана в 1904–1907 годах.

ся в музее Riisa в Куопио. Эти источники предоставили ценную возможность заглянуть в историю становления не только Финляндской, но и Православной Церкви Эстонии в 20-м веке. Личный архив предстоятеля позволил мне глубже проникнуть во внутренний мир отца Германа в его молодые годы, а также составить более полное представление о нем как о непоколебимом главе церкви, имевшем ясное видение служения народу Финляндии, строительства и поддержания Финляндской Православной Церкви и сохранения ее независимости во время и после Второй мировой войны. Изучая архив, я понял, как в одном человеке могли переплетаться и поддерживать друг друга три аспекта жизни: глубокая религиозная и молитвенная жизнь, многогранное творчество и непоколебимое, преданное служение. При этом на протяжении всей его жизни они никогда не были разделены, а составляли единое целое, были единым дыханием, в котором духовность выражалась в слове, звуке и образе.

Ранние дневники Германа Аава 1898–1901 годов, написанные в последний год обучения в Рижской духовной семинарии и в первые два года служения в Хаапсалу, являются исключительно глубокими духовными документами. Эти дневники были не просто заметками молодого священнослужителя, а интроспекцией религиозной жизни, свидетельствующие о начале его духовных поисков. В глубоко медитативных текстах этих дневников, во внутренних монологах молодого священнослужителя, в которых религиозный поиск переплетается с тишиной и восприятием природы, запечатлено очень личное восприятие его духовного пути.

Дневники отца Германа полны цитат из святых отцов Церкви: преподобного Исаака Сирина, Макария Египетского, Григория Богослова, Иоанна Лествичника и Ефрема Сирина. Труды этих авторов были для него не просто материалом для чтения, но духовными спутниками, через которых он осмысливал свой внутренний путь и находил ответы на вопросы, за-

трагивающие веру, сомнения и тишину/безмолвие. Читая и перефразируя отцов Церкви, отец Герман понимал, что тишина/безмолвие есть не пустота, а присутствие Бога; что молитва — это не избытие слов, а состояние души, что благодарность и покаяние являются для души истинным очищением. Под влиянием этих размышлений его дневник становится молитвой, в которой слова рождаются не от ума, а от слушания.

Осмелюсь утверждать, что у молодого Германа формируется практически исихастский взгляд на религиозную жизнь: вера понимается не как доказательство, а как присутствие; молитва — прежде всего не слова, а душа. В его дневниках ощущается ранний исихастский дух: молчание как присутствие; благодарность и покаяние как путь к очищению души; природа как язык Бога. Молодой псаломщик и школьный учитель пишет в марте 1898 года: «Иногда кажется, что мой путь слишком тих и скрыт от людей, но ведь и зерно также остается невидимым, пока не прорастет».

Эти строки раскрывают душу, чье призвание росло не через внешний блеск, а через внутреннюю верность и молитвенный труд. В его дневниках есть короткие стихи-молитвы, звучащие как миниатюрные тропари — лишенные мелодии, но полные глубины. Приведу одно из самых ранних его стихотворений, датированным мартом 1898 года:

*И я молчал, и Ты говорил во мне.
Твое молчание — свет на
поверхности вод.
Кто внимает тишине,
тот слышит Тебя.*

Здесь тишина/безмолвие понимается не как пустота, а как пронизанное благодатью пространство, в котором человек перестает свидетельствовать о себе и позволяет Богу «быть рядом не в молнии и громе, а в тихом голосе» (ср. 3 Цар. 19:12). Такое внимание к тишине является указателем для нынешнего читателя: меньше объяснений, больше присутствия; меньше беспокойства, больше доверия.

В дневниках также содержится определенная доза природного мистицизма. Герман описывает, как шепот дождя, отсветы на иконостасе или звук падающих в саду яблок становятся молитвой, не нуждающейся в словах. В октябре 1900 года, после дождя, он пишет:

*В капле дождя — небо.
В каждом вдохе — Ты.
Зачем мне искать Тебя,
Когда Ты сам меня ищешь.*

В марте 1901 года, готовясь к Пасхе, он формулирует суть своей духовной жизни:

*Не ищи знамений — ищи присутствия.
Эти слова подобны дыханию.
Если я об этом забуду — они напомнят.
Пусть вся моя жизнь станет таким
напоминанием — не громким, но живым.*

Эти строки подводят итог и задают тон духовному возмужанию Аава — его по-

ниманию молитвы как благодарного слушания и присутствия. В апреле 1901 года, прогуливаясь у реки после праздника Пасхи, он формулирует свое жизненное предназначение:

*Если я не могу быть светом
— я могу быть окном,
сквозь которое проникает свет.
И во тьме моей кто-то видит Тебя.*

Этот мотив смирения и прозрачности пронизывает и его совместные службы вместе с коллегами. Для Германа Аава человек был подобен оконному стеклу, сквозь которое проникает свет, — и, если человеку не дано быть светом, он может хотя бы быть прозрачным для света. В мае 1901 года, после литургии с новым диаконом Андреем Юриссоном он пишет:

*Не говори: «Я сделал».
Говори: «Бог обещал».
Осознание смирения
дороже известности.*

Герман Аав был убежденным вегетарианцем, любил природу, земледелие и садоводство. Его многочисленные увлечения и разносторонность отражают всесторонне и гармонично развитую личность, чья духовность пронизывает все аспекты жизни. В своих дневниках он часто излагает свои наблюдения за природой: как солнечные лучи проникают сквозь окно и ложатся на иконостас, как ритмично стучит в оконное стекло дождь, как падают яблоки в саду. Природа была для него языком Бога.

Творческая деятельность: проявления духовной жизни Германа Аава

Наконец, следует отметить, что будущий архиепископ Герман Аав был не только духовным лидером, но и деятелем культуры, чья творческая деятельность простиралась от литературы до музыки и изобразительного искусства. Именно из этого внутреннего мира выросло его дальнейшее творчество. Герман Аав был псаломщиком, учителем и священником, но также поэтом и музыкантом, умевшим выражать свою веру словом, звуком и образом. Его творчество не было независимым, но органично вытекало из его молитв — подобно тому, как яблоня приносит плоды, если ее корни проросли глубоко в землю.

Далее я расскажу о трех основных направлениях его творчества.

Литературная деятельность

Архиепископ Герман (Аав) пользовался псевдонимом Г. Лумилиль, под которым публиковал как стихи, так и прозу. Его наиболее известное произведение — «Elukevade/Zarya жизни» (Тарту, 1909), содержит лирические размышления о жизни и вере. Под тем же псевдонимом он издавал сборники стихов, а также писал размышления и проповеди в журналах «Vaimulik Sõnumitooja/Духовный вестник», «Usk ja Elu/Вера и жизнь» ja «Vaatileja/Созерцатель» и в газете «Saarte Kaja/Эхо островов», освещая темы церковной жизни, культуры и этики. Его письменные труды всегда были проникнуты спокойным мо-

литвенным духом и благодарным восприятием глубины жизни. В его произведениях ощущается та же внутренняя тишина и внимание, которыми пронизаны и его дневники.

Брак и семья были для него важными ценностями. Поскольку брак архиепископа Германа до его вдовства и принятия сана епископа был счастливым и он ценил роль жены и матери в семье и церкви, он подчеркивал это и в последующие годы. Например, в 1943 году он опубликовал брошюру «Naisen voima» («Жизненная сила женщины»). Будучи на протяжении всей жизни убежденным трезвенником, он участвовал в трезвенном движении как в Эстонии, так и в Финляндии, и опубликовал несколько работ, в том числе «Vihollinen nro 1» («Злейший враг № 1») в 1951 году.

Во время Зимней и Второй мировой войны, желая поддержать и утешить карельских беженцев словом Божиим, архиепископ Герман в период с 1940 по 1951 год опубликовал состоящий из нескольких брошюр сборник «Elämän myrskyssä» («В жизненных бурях»), а в 1950 и 1953 году – «Ahdistusessa kärsivällisinä» («Живущие в отчаянии»), в которых живо описывает несчастную судьбу эвакуированных карел, их утраченные дома и послевоенную жизнь, призывая продолжать жить в новых условиях.

Будучи отцом шестерых детей, архиепископ Герман всегда поддерживал детскую и молодежную работу Церкви. С 1930-х годов он участвовал в собраниях молодых прихожан, благословил учреждение во время войны, в 1943 году, молодежного центра Финляндской церкви «Ortodoksisten Nuorten Liitto»/«Союз православной молодежи» (ONL), и «Ortodoksisten Ylioppilaiden Liitto»/«Православного студенческого союза» (OYL). Его обращения к молодежи проповеди в 1959 году были опубликованы отдельной книгой под названием «Katoamaton nuoruus» («Неувядающая молодость»), а также в виде сборника проповедей для молодых кандидатов в священнослужители «Loistakoon valonne» («Да сияет над вами свет»).

Музыка

Отец Герман Аав был популяризатором церковного пения и дирижером хора, сочинял и аранжировал духовные песнопения для приходов. Музыка оставалась для него духовным языком на протяжении всей его жизни. Его деятельность способствовала формированию традиционных эстонских православных песнопений в начале XX века, а также заложила основу традиции проведения православных приходских певческих праздников.

Семья Аавов была известна своим гостеприимством и любовью к музыке. Особое значение приобрел созданный весной 1921 года песенный цикл «Евхаристия» – своего рода звуковой дневник, рожденный скорбью, но пронизанный благодарностью и надеждой. Герман Аав вспоминает, как чувствовал голос и присутствие

жены, когда садился за фортепиано и извлекал первые звуки, словно рожденные внутренней молитвой. Впоследствии «Евхаристия» стала полноценным песенным циклом, мелодии к которому написал композитор Алексей Красновский. В 1959 году этот цикл был издан на финском языке.

Для Аава музыка была не самоцелью, а формой молитвы – способом души говорить без слов. Его давняя мечта – организовать певческий праздник для православных приходов пробства – осуществилась благодаря общецерковным певческим праздникам, начало которым было положено в 1930-х годах в Финляндии.

Любимые Аавом рифмованные стихи для песен были приняты также финноязычными приходами, в которых их исполняли на собраниях, проводившихся по вторникам. Первый сборник рифмованных стихов для песен на финском языке «Vaeltajan laulut» («Песни паломника») вышел в 1950 году.

Искусство

Помимо литературы и музыки Аав занимался иконописью, графикой и живописью. Написанные им иконы можно увидеть, например, в православной церкви, расположенной в деревне Ринси на острове Муху. Он также увлекался фотографией, оставив после себя снимки, отражающие его эстетический и духовный мир.

Иконы для него были не произведениями искусства, а «окнами», сквозь которые проникает Божий свет, – как он записал в своем дневнике в апреле 1901 года. Здесь также повторяется тот же принцип: икона – это не произведение искусства, а окно для света, приходящего извне.

Творческая деятельность отражает многогранность Германа Аава: он был священнослужителем, способным выразить религиозную глубину как в слове, так и в звуке, и образах. Это культурное измерение было не дополнением к его духовной миссии, а ее естественным проявлением: если молитва достаточно глубока, она начнет звучать, петь и гореть. Творчество для него было не «я делаю», а «Бог обещал».

На пути в Финляндию

Начало 1920-х годов стало поворотным моментом в жизни Германа Аава. В 1922 году он получил из Финляндии приглашение начать служение по другую сторону Ботнического залива в качестве главного пастыря. В том же году Собор Финляндской Православной Церкви в Сортавале избрал его епископом Карельским. В 1923 году, вместе с архиепископом Эстонским Александром Паулюсом и Э. Н. Сетяля, он участвовал в составе делегаций от Эстонской и Финляндской Православных Церквей, отправившихся в Константинополь, где 8 июля 1923 года, в соборе Святого Георгия, расположенного в районе Фанар Константинополя, патриарх Мелетий рукоположил его в сан епископа Карельского. Два года спустя, в июне 1925

года, новый церковный собор в Сортавале избрал Германа Аава архиепископом Карельским и всей Финляндии. Эту должность он верно исполнял до 1960 года, возглавляя автономную Финляндскую Православную Церковь как в период ее становления и испытаний Второй мировой войны, так и в годы восстановления.

Становление народной церкви в Финляндии

В этот период в Финляндии сформировалась народная церковь. В независимой стране стремление приблизить церковную жизнь к народу было естественным, причем не в политическом, а в духовном и культурном плане. Цель состояла в том, чтобы приблизить православие к сердцу финнов как по духу, так и по природе. Это выражалось во многом: в развитии церковных песнопений на народном языке, в введении в церкви Грегорианского календаря, а также в эстетике церковной архитектуры и иконописи.

Герман Аав не был инициатором этих нововведений в политическом смысле, но был тем, кто помогал сохранять уравновешенное к ним отношение. Его цель состояла в том, чтобы обеспечить внутреннее единство Церкви и душеспасительный мир в мирное, но сопровождавшееся стремительными переменами время.

Также вопрос церковного календаря, который в 1920-х и 1930-х годах приводил к напряженности, особенно в русскоязычных приходах и монастырях – на Валааме, Петсамо, Коневике и Линтуле – также требовал мудрости и умеренности. Введение нового календарного стиля вызвало волнения, но для Аава это был вопрос не противостояния, а единства. Цель была в том, чтобы унифицировать литургическую жизнь с практикой местной церкви и не допустить, чтобы различные традиции вызвали церковный раскол. Главное внимание, как и прежде, уделялось молитве, литургической жизни и душеспасительному миру, а не верховенству в споре.

Итог: сила, рожденная тихой молитвой
Внутренняя дисциплина и молитвенная жизнь Аава не оставались лишь его личным опытом. Эти качества впоследствии проявились в его руководстве всей Финляндской Православной Церковью, особенно в периоды кризиса. Когда в 1946 году ее попытались вновь перевести в подчинение Московскому Патриархату, архиепископ Герман продолжил придерживаться своей уравновешенной линии. Его ответ был не силовым, а дипломатичным и терпеливым: он отстаивал автономию церкви, не допуская ее раскола. Такое спокойствие и уверенность мог обрести только человек, научившийся внимать голосу Бога в тишине и терпеливо ждать назначенного Им часа. Это спокойствие и уравновешенность созрели в тишине его молодых лет, прожитых в Эстонии.

В его дневниках есть одно предложение, которое, по всей видимости, подводит итог всему его восприятию жизни. В июле 1898 года он написал: «Разве крестянин жалуется, если на следующий

день не видит всходов? Он знает: семя лежит в земле, а время делает свое дело. Так и в духовной жизни: все созревает тайно, под покровом терпения».

Жизнь архиепископа Германа Аава была именно такой: спокойной, невидимой, но плодотворной. Его путь к главенству в Финляндской Православной Церкви начался с глубокой духовной жизни в Эстонии, занявшей в общей сложности 22 года служения псаломщиком, диаконом, священником и пробстом. Его дневники, словно зеркало, показывают, как внутренняя работа, молитва и служение сформировали из него предстоятеля, чей авторитет был обусловлен не должностью, а духовной ясностью.

Глубокое спокойствие, простота и человеческая теплота предстоятеля Германа запомнились всем. Эти качества, сформировавшиеся за годы его служения в Эстонии, впоследствии привели его к посту главы Финляндской Православной Церкви, который он занимал до выхода на пенсию в 1960 году. Герман Аав скончался 14 января 1961 года в Куопио и похоронен на местном кладбище под скромным надгробием, отражающим его духовность и смирение. 2 июля 1989 года в церкви деревни Хелламаа на острове Муху, на совместном богослужении Финляндской и Эстонской Православных Церквей, проведенном в честь 110-летия со дня рождения архиепископу Г. Аава, при сослужении архиепископа Финляндской Православной Церкви Йоханнеса (Ринне) и митрополита Эстонского Алексия (Ридигера) была освящена памятная доска, посвященная архиепископу Герману Ааву.

Его жизнь и деятельность оставили для православных Финляндии и Эстонии наследие, ядром которого является вера в тихую, терпеливую и созидательную работу Бога в сердцах людей.

За свои заслуги Герман Аав был награжден орденами, в том числе, орденом Святого епископа Платона, орденом Белой розы Финляндии, орденом Трех звезд и прочими наградами.

Вечная память!

Использованная литература и архивные источники:

Kasanko, Matti. Arkkipiispa Herman Aav – elämä ja työ. *Ortodoxia* (1978): 15-36.
Loima, Jyrki. Nationalism and Orthodoxy in Finland. Helsinki: SKS, 1998.
Musajev, V. I. Meždu Zapadom i Vostokom: Pravoslavie v Finljandii. Moskva: Indrik, 2014.
Piironen, Erkki. Suomen ortodoksinen kirkko 1918-1960. Joensuu, 1983.
Purmonen, Veikko. Elämä ja tie: Arkkipiispa Herman Aav. Kuopio, 1987.
RIISA – Suomen ortodoksisen kirkon keskusarkisto: Peapiiskop Herman Aava kirjavahetus, jutlused ja päevikud (s. 1299/Box 204).

Из Рождественской проповеди святителя Григория Богослова

Христос рождается: славьте! Христос грядет с небес, идите и встречайте Его! Христос — на земле: возноситесь! Вся земля, воспой Господу! Христос во плоти: торжествуйте с трепетом и радостью — с трепетом ради греха, с радостью ради надежды! Снова прогоняется тьма, снова является свет; опять Египет наказан тьмой, опять Израиль озарен столпом. Люди, сидящие в тьме неведения, да видят истинный свет ведения. Древнее прошло, теперь все обновилось. Буква уступает, дух преобладает; тени проходят, их место заступает истина. Нарушаются законы естества; Христос повелевает, не будем противиться. Все народы, восплещите руками!

Как Младенец родился нам, так и Сын дан нам, На Его плечах царствие Его; и назовут Его: Ангел Великого Совета, Чудотворный Советник, Бог Всемогущий, Вечный Отец, Князь мира, Отец будущего века (Исаия 9:5).

В Рождество Христово празднуем пришествие Бога к людям для того, чтобы нам переселиться или, лучше, *возвратиться* к Богу, чтобы, отложивши ветхого человека, облечься в нового и, как умерли в Адаме, так ожить во Христе, со Христом и рождаясь, и распинаясь, и погребаясь, и восставая. «Но там, где умножился грех, возникло и изобилие благодати (Послание к Римлянам 5:20) И если вкушение было виною осуждения, то не тем ли оправдало Христово страдание? Итак, будем праздновать не как язычники, а как христиане, — не по мирскому, но мирно, — не по-нашему, а как достойно Того, Кто стал нашим, лучше сказать, как достойно нашего Владыки, — не праздник создания, но праздник воссоздания.

Как же следует праздновать? Не будем украшать венками двери, устраивать танцы, украшать улицы! Не будем пресыщать зрение, услаждать слух музыкой, а обоняние благовониями; не будем гнаться ни за вкусовыми ощущениями, ни за нежными прикосновениями — че-

рез все это приходит зло и грех. Не будем кичиться одеждами, драгоценными камнями и блеском золота, стараясь тем самым превзойти естественную красоту в поругание образа Божия. Не будем предаваться «ни пирам и пьянству, ни сладострастию и распутству» (Рим. 13:13), ибо у плохих учителей и уроки плохи или, лучше сказать, от негодных семян и урожай негодный. Не будем высоко ценить благоухания вин, поварские приправы и дорогие изыски. Не будем стараться превзойти друг друга невоздержностью, особенно когда другие, созданные из одного с нами праха, голодны и терпят нужду.

Оставим все это язычникам, языческой пышности и языческим торжествам. Но если чем и следует насладиться нам, поклоняющимся Слову, то насладимся Словом Божиим, законом и сказаниями как об ином, так и о причинах настоящего торжества, чтобы наслаждение у нас было собственное свое, и не чуждое Создавшему нас.

Бог всегда был, есть и будет вечно или, лучше сказать, Бог *есть*. Прошрое и будущее — лишь промежутки времени, относительные и изменчивые, Он же вечен и неизменен. Он — Тот, Кто Он есть, как Он открыл Моисею на горе Синай. У Него нет начала в прошлом и конца в будущем. Как некое море сущности, неопределимое и бесконечное, простирающееся за пределы всякого представления о времени и естестве, одним умом через набрасывание некоторых очертаний отеняется Он в один какой-то облик действительности, убегающий прежде, нежели будет уловлен, и ускользающий прежде, нежели будет понят умом. Именно непостижимое мы жаждем, и это непостижимое очищает человека, который через очищение приближается к Богу.

Божественную сущность трудно постичь в ее бесконечности. И еще труднее постичь в ее триединстве: Отца, Сына и Святого Духа, которые всё же — единое целое. Это священное таинство не могут постичь даже серафимы. Эта Сущность, не нуждаясь ни во времени, ни в пространстве, создало вещественный и видимый мир, и это есть стройный состав неба, земли и того, что между ними, удивительный по прекрасным качествам каждой вещи, а еще более достойный удивления по стройности и согласию целого, в котором и одно к другому и все ко всему состоит в прекрасном отношении, служа к полноте единого мира. А этим Бог показал, что Он может сотворить не только подобное Себе, но и совершенно чуждое естество. Подобны же Божеству духи, разумные и бесплотные сущности, которых можно познать только разумом. Но Слово Творца также создало существо, в котором Он соединил дух и вещество, невидимое и видимое. Он сотворил человека, из сотворенного уже вещества взяв тело, а от Себя вложив дух. Он поместил в мир человека — великого в своей малости, нового ангела, совершенного в видимой части, но

лишь отчасти наделенного в духовной части, царя над тем, что на земле, подчиненного горнему царству, земного и небесного, временного и бессмертного, видимого и воображаемого, который занимает середину между величием и низостью, один и тот же есть дух и плоть — дух ради благодати, плоть ради превозношения; дух, чтобы пребывать и прославлять Благодетеля; плоть, чтобы страдать и через страдания осознать свои прегрешения и свою гордыню, после чего обрести прощение.

Это создание — человека — Бог поставил в раю и даровал ему — нагому и просто-душному — свободу, чтобы он мог выбрать близость к Богу и послушание законам Божиим. Но человек пал жертвой хитрости сатаны, и Создатель изгнал его из рая. И человек унаследовал смерть, которая пошла ему на пользу, поскольку положила конец греховной жизни, чтобы зло не стало бессмертным. Таким образом самое наказание стало человеколюбием, поскольку Бог наказывает только из милосердия.

Человек, в наказание за многие совершенные им грехи был вразумляем словом, законом, пророками, благодеяниями, угрозами, карами, наводнениями, пожарами, войнами, победами, поражениями, знамениями небесными, знамениями в воздухе, на земле, на море. Наконец стало нужно более действенное лекарство по причине сильнейших недугов: человекоубийств, прелюбодеяний, клятвопреступлений, противобожественных связей, а также последнего и первого из всех зол — идолослужения и поклонения твари вместо Творца. Поскольку все это требовало сильнейшего средства, то и было применено сильнейшее, а именно само Божие Слово, превечное, невидимое, непостижимое, бестелесное, начало от начала, свет от света, источник жизни и бессмертия, отпечаток первообразной Красоты, печать непереносимая, образ неизменяемый, определение и слово Отца, приходящее к Своему образу, облеченное в плоть ради плоти человеческой. Он родился от Девы, очищенной Духом Святым.

Так родился Христос — воплощенный Бог, единый в двух ипостасях: во плоти и духе, из которых последняя властвовала над первой. Бог пришел как Христос и смирил себя ради людей; Он пришел искать того, кто блуждал среди гор и холмов и обрел заблудшего, и обретенного взял Себе на плечи, на которых понес крестное древо, и воспринятого опять привел к горней жизни и приведенного сопричислил к тем, кто не блуждал. Он возжег свечу — плоть Свою, — и подмел комнату, очищая мир от греха, и нашел драхму — Царский образ, заваленный страстями; по обретении же драхмы созвал пребывающие в любви Его Силы и сделал участниками радости тех, которых сделал свидетелями тайн Своего домостроительства (ср. Лк. 15:8-9).

Правда, что Он был послан, но как чело-

век, потому что в Нем два естества; так Он утомлялся, и алкал, и жаждал, и был в борении, и плакал. Как Бог, Он исполнял волю Отца. Одни чтут Его, как Бога, и соединяют; другие бесчестят Его как плоть, отрицая Его Божественность. Последнее не было делом рук злых духов — люди более неверующие, чем они!

Тот, кто родился в Вифлееме, позже смирил Себя для очищения в Иордане, осытив воды Своим очищением, ибо Тот, Кто понес грехи мира, не имел нужды в очищении. И разверзлись над Ним небеса, и Дух засвидетельствовал о Нем, как о единосущном Отцу. Его искушали, но Он победил, и ангелы служили Ему. Он исцелял всякую хворь и немощь, и воскрешал мертвых. Он изгонял бесов, — то Сам, то через Своих учеников. Не многими хлебами он насыщал тысячи, и ходил по воде, как по тверди земной. Его предали и распяли, — и вместе с Собой распял он людские грехи. Он был погребен как человек и восстал как Бог, а потом и взошел на небо, чтобы вновь прийти со славою Своею. Все эти события легли в основу великих праздников, знаменующих следующие друг за другом события, общей целью которых является спасение человека, его возвращение к изначальному состоянию Адама.

Слава Рождеству, которое освобождает от временных уз рождения! Слава Вифлеему, — вратам райским! Преклонись перед яслями, через которые ты, сделавшийся бессловесным, воспитан Словом!

Воздай вместе с пастухами честь Царю, Который есть Бог! Воспой вместе с хором ангелов! Да составит общее торжество небесных и земных Сил! Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы! (ср. Пс 23:7-10).

Бежит ли Христос в Египет, с Ним и ты охотно беги. Хорошо бежать со Христом гонимым. Задержится ли Он в Египте, призывай Его из Египта, поклоняясь Ему. Шестуй вместе с Ним в течение всей жизни Христовой. Как Христов ученик, очистишь, обрежешься, отбрось лежащее на тебе с рождения покрывало; потом учи в храме, изгони торгующих святыней. Будешь ли сечен бичами, помогайся и прочего, вкуси желчь, испей уксус. Увенчайся тернием — суровостью жизни по Богу, облекись в багряную ризу, прими удары, пусть преклоняются перед тобой ругающиеся истине. Наконец, охотно распнись, умри и прими погребение со Христом, да с Ним и воскреснешь, и прославишься, и воцаришься, видя Бога во всем Его величии, и им видимый, — Бога в Троице поклоняемого и прославляемого, Которого молим, да будет и ныне, насколько это возможно для узников плоти, явлен нам, о Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава вовеки. Аминь!

(Сокращенный и лингвистически обновленный перевод, впервые опубликованный в журнале «Вера и жизнь», 1985 г.)

С нами Бог, нам светит Солнце Правды (д. Ф. Х.)

В Рождественский сочельник мы слушаем песнопение, которое исполняется на каждом повечерии, однако прежде всего связанное с этим праздником как по содержанию, так и по настроению, создающее праздничное настроение у православных верующих:

*С нами Бог, познайте, народы,
и покоряйтесь.
Ибо с нами Бог!
...
Ибо Младенец родился нам,
Сын, и дан нам.
Ибо с нами Бог,
чье владычество было на плече Его.
И миру Его нет предела.
И называется имя Его:
Великого Совета Ангел,
чудный Советник,
Бог Крепкий, Властитель, Начальник
мира,
Отец будущего века.
Ибо с нами Бог!*

Эта песнопение взято из избранных стихов пророчества Исаии (Ис. 8:9-10, 18; 9:5) согласно древнегреческому переводу (Септуагинта), который несколько отличается от перевода, представленного в современной Библии. В Евангелии от Матфея содержится ссылка на пророчество Исаии, которое помещено несколько раньше (Ис. 7:14): «Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил», что в переводе означает: «с нами Бог» (Мф. 1:23). Этот отрывок также читают в Рождественский вечер.

Сколько часто эти слова были неверно поняты! Некоторые страны, народы и сообщества до сих пор считали, что Бог пребывает именно с ними или, в лучшем случае,

с их друзьями и союзниками. То же самое песнопение исполняли на благодарственном молебне в воспоминание избавления Российского государства и народа от нашествия армии Наполеона. До окончания периода царизма такие молебны совершались после Рождественской литургии также и у нас. Чудо воочеловечения Творца, начало торжества над смертью и злом увязывалось с земной победой над плотскими врагами. Надпись «Gott mit uns» («С нами Бог») также присутствовала на прусских, а позднее и немецких штандартах и солдатских ремнях; другие народы также использовали эту цитату.

Однако смысл песни Исаии не в том, что Бог пребывает с одним или с другим народом, а с каким-то — нет. Пророк скорее указывает на то, что, когда явится обетованный Мессия, Бог будет со всеми людьми и со всеми народами. Позже Исаия провозглашает: «Я, Господь, призвал Тебя в правду, и буду держать Тебя за руку и хранить Тебя, и поставлю Тебя в завет для народа, во свет для язычников, чтобы открыть глаза слепых, чтобы узников вывести из заключения и сидящих во тьме — из темницы. (Исаия 42:6-7).

Иисус — избранный слуга Божий, о Котором говорит пророк, и Которого помазал Святой Дух. Он — свет язычников, надежда народов. Исаия также добавляет: «Я открылся не вопрошавшим обо Мне; Меня нашли не искавшие Меня. «Вот Я! вот Я!» — говорил Я народу, не именовавшемуся именем Моим». (Исаия 65:1; ср. Римлянам 10:20-21).

Когда Мессия явится на земле, Бог истину будет с нами, то есть не только с иудеями, но и с язычниками; не только с православными или христианами, но и со всеми людьми, даже с теми, кто не ждет Его. Все народы призваны подчиниться Его игу, и не по Божьему принуждению, а ради самих себя. Через смирение при-

ходит слава для всех, через иго — свобода; через смерть в собственное спасение — истинная жизнь. «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко». (Мт. 11:27-30).

Таков смысл Рождественского послания: Бог с нами здесь, на земле. Он с нами в человеке, которого зовут Иисус, но имя Его также Эммануил. Он открыл нам Свою непостижимую и невыразимую, невидимую и неприкосновенную природу видимым и осязаемым образом в виде Младенца, рожденного нам, и Сына, явившегося нам. Понять это и покориться Ему есть величайшая честь и радость для человека.

Другой пророк — Малахия — предсказывает: «Ибо вот, придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день, говорит Господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей. А для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его» (Малахия 3:19).

В Священном Писании Бога — источник света — часто называют солнцем. То же определение можно применить и к Его Единородному Сыну, Который есть «Свет от Света». Он освещает тех, кто пребывает в обители смерти и тени смертной. В Евангелии от Луки о Нем сказано: «И ты, младенец, наречешься пророком Всевышнего, ибо предвидишь пред лицом Господа приготовить пути Ему, дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их, по благоутробному милосердию Бога нашего, которым посетил нас Восток свыше, просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь мира» (Лк. 1:76-79). «Прежде солнца восшедшее Светило» — поем мы в церковных

песнопениях, таким образом обозначая Иисуса Христа, пришедшего свыше, чтобы осветить мир.

Использование этих двух выражений — «Солнце Правды» и «Прежде солнца восшедшее Светило» — связано с историческими обстоятельствами. Изначально был только один праздник явления Господа, охватывающий как Его рождение, так и крещение в Иордане. Этот праздник отмечали после зимнего солнцестояния, когда солнце начинает вставать раньше и садиться позже. Так свет природы торжествует над тьмой. Победное шествие видимого света также символизирует торжество Христа — Света мира, Его победу над смертью и злом.

Со временем Церковь, сначала на Западе, а вскоре и на Востоке, стала праздновать рождение Христа раньше, непосредственно после зимнего солнцестояния. В Риме, в 3-м веке, 25 декабря начали отмечать «день рождения Непобедимого Солнца (Sol Invictus)». Христиане считали этот день рождением Солнца Правды, которое не смогла победить сила смерти. Поэтому мы поем в этот день:

Рождество Твое Христе Боже наш, возсия мирови свет Разума: в Нем бо звездам служащий, звездою учахуся, Тебе кланялися Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты востока: Господи слава Тебе.

(Рождество Твое, Христе Боже наш, озарило мир светом знания, ибо через него звездам служащие звездою были научаемы Тебе поклоняться, Солнцу правды, и знать Тебя, с высоты Восходящее Светило. Господи, слава Тебе!)

Посетил нас с высоты Спаситель наш, прежде солнца восшедшее Светило, и мы, пребывавшие во тьме и тени обрели истину, ибо от Девы родился Господь.

Фото: Эндель Ансалон 2017

Таинство покаяния

Протоиерей Матфей Палли

Таинством покаяния должно называть то чудное и крайне необходимое, но иногда ложно понимаемое и некоторыми христианами почти что забытое священнодействие и все, что с ним связано. Обычно мы называем его исповедью и рассматриваем его только в рамках исполнения, зачастую считая докучной, нудной обязанностью.

Сложности с пониманием этого таинства происходят, с одной стороны, от расхожего толкования: таинства как семь равных столпов, на которых зиждется наша церковная жизнь. Этому учат уже очень долго, но такое толкование затемняет нечто более важное — то, что вся наша духовная жизнь есть одно-единственное таинство, мистерия: действие Бога для спасения мира. Покаяние — это таинство потому, что мы лишь частично можем почувствовать происходящее. Чисто рационально мы и не в состоянии понять то, каким образом Бог через некоторое «внешнее» действие или материальный дар может изменить что-то внутри нас, в нашем вечном определении, в христианской общине или в духовном мире. И все же мы часто чувствуем это влияние, хотя и наша неустойчивая и несовершенная чувственная жизнь может также ошибаться.

Но главное то, что ни одно таинство, будь то крещение, евхаристия, покаяние или даже те, которые «школьное богословие» таинствами не считает, например, монашеский постриг или погребение, не

стоят одни, сами по себе, только своей силой. Все это — проявления спасительной милости Божией в нашей земной жизни, выражения единственного таинства Христа. При этом они не одинаковы. Как можно сравнивать, к примеру, крещение, которое совершается раз в жизни, и причастие, к которому мы приступаем много раз? Скорее это таинство спасения осуществляется в различных обстоятельствах по-разному.

Таким образом, ни одно таинство не есть «вещь в себе». Крещение — это вступление на путь спасения, приобщение к смерти и воскресению Христа, то есть осуществление жизненно важного выбора, выбора небесного пути. Причастие же — это постоянное приобщение к жизни умершего и воскресшего Спасителя, которое обновляет в нас то, что мы приняли при крещении. Следовательно, евхаристия — таинство благодарения — находится в соединении со всем миром: материей, духом, жизнью и смертью, благодарностью и неблагодарностью, падением и подъемом. Значит, и исповедь — это не просто

некоторая религиозная обязанность или возможность время от времени облегчить совесть, поговорить по душам, но скорее — остановка перед основами жизни, перед страшной тайной падения и греха в нашей душе, приношение его к ногам Благого Спасителя, мольба об обновлении (что по-человечески невозможно) нашего беспорядочного сердца.

Каждый наш шаг, каждая мысль и слово сделаны и сказаны нами как чадами Божиими, слугами Христа. И все, что нами, причастными новой жизни, сделано, сказано или подумано, само по себе должно быть таинственно, должно превращать мир, подверженный тлению, снова в райский сад, в место основания Божиего Царства. К сожалению, многое (или даже большая часть) из того, что мы делаем, половинчато, это работа ветхого человека, даже эгоистичного, злого и расчетливого, корыстолюбивого человека. И то, что мы делаем из-за падшей природы, — это отступление, *hamartia*, грех.

У современного человека ощущение греха

зачастую притуплено, поэтому у него и меньше возможностей для покаяния. Вино этому частично является господствовавшее столетия, особенно в Западном христианстве, понимание греха прежде всего как мучительной вины, которой мы прогневали справедливого Бога. Для такого понимания греха существует, конечно, основание и в Библии, и в творениях святых отцов, но все же это только одна, менее важная, сторона дела. Реакцией на подобную трактовку греха явилось распространение в наши дни представление о том, что греха вообще не существует. Существуют только проблемы, которые умелый и подбадривающий специалист, знаток своего дела, будь он в белом халате или в черной рясе, может облегчить душевной беседой, воскрешая нашу веру в себя и гармонию с миром. Ведь все плохое в нас обусловлено либо наследственностью, генами, либо детскими травмами или подавляющей средой. И это также во многом справедливо, если смотреть с одной точки зрения. Но все же это по существу не христианский взгляд, если мы его разделяем, мы исходим из предпосылки о том, что Бога нет или действительное отношение к Нему человека не так уж и существенно.

Тот факт, что человек постоянно сталкивается с различными проблемами – угнетенностью, депрессией, смятением – неоспорим. Но подобно тому, как врач, облегчая при необходимости симптомы болезни, все же ищет ее причину, возбуждает, так и в духовной жизни нужно искать прежде всего внутренние причины происходящего зла. Отсюда берет свое начало покаяние и связанная с ним исповедь. Ибо то, что нам в том или ином смысле внутренне плохо, происходит от одной вещи. От падения, нашего удаления от Бога. И здесь не помогут психотерапевтические беседы о детских травмах или поиск причин нашего состояния в прошлом. Обнаружение таких причин, конечно, очень важно, но все-таки мы находим только стебли, на которых растут горькие плоды, а не корни. Корнем же всего этого, если мы немного изучим духовные причины наших душевных бед, все же является грех, вернее, Грех с большой буквы. Грех владеет как нашим личным прошлым, так и прошлым всего человечества, и вызывает врожденные духовные болезни, испорченность среды, которые нас все больше изувечивают.

Но настоящий путь к обнаружению этого корня и вырыванию его (в земной жизни, увы, лишь частично) лежит не столько в общем чувстве греховности, сознании того, что мы являемся частью павшего человечества. «Тайна» зла не просто спрятана в нас самих, она проявляется в ранах и пороках развития нашей души, в том, что мы называем страстями (по-гречески *pathē*, что означает также «страдания» – неслучайно ведь и каждая страсть причиняет непременно страдания) и в том, что поработает нас в большей или меньшей мере (ср. лат. *passio* – «страсть; страдание» и слово «пассивный»). Действую уже не я, «но грех, который живет во мне».

И страсти, причины греха, дисгармо-

ния души, в свою очередь рождают уже конкретные греховные деяния. Они как бы воплощения Греха, его материализация, его видимые плоды в нашей жизни. Страсти всегда обманчивы, они и есть обман дьявола, так называемые естественные влечения, победившие человека, созданного для духовного подъема. Подобно запретному райскому плоду, они кажутся верным средством достижения благополучия, знаний и успеха, но на самом деле приводят к отчаянию, слепоте и хаосу. Поэтому нам так плохо, но мы не всегда связываем это состояние со своими грехами. Но исцеление начинается именно тогда, когда мы осознаем, что в той или иной конкретной вещи согрешили. И только тогда уже, в большинстве случаев с помощью исповедника или духовного отца, возможно, мы придем к тому, что послужило причиной этого конкретного греха, в нашей внутренней несправедливости, страсти, а через страсть почувствуем свое падение и удаление от Бога. Высшая цель исповеди – через глубокое покаяние обнаружить свое отпадение от истинной Жизни и воскресить в душе твердое желание вернуться к Ней.

В этом нам очень помогут евангельские Христовы заповеди. Заповеди принадлежат не только миру Ветхого Завета. Конечно, мы сейчас живем не во времена закона, а во времена благодати. Но, как учат нас святые апостолы, новая жизнь и для чад Божиих означает достойное поведение и существование. С нами же по большей части происходит по известному выражению: кто ходит, тот и спотыкается. Мы не живем в соответствии с установленными идеалами и, если бы мы еще находились под Ветхим Заветом, мы были бы осуждены. Но у нас есть благодать Христова, которая может нам помочь внутренне измениться, вернуться к правилам новой жизни, то есть, заглядывая глубже, вернуться к самой этой новой жизни. А для этого необходимо рассмотреть и проанализировать свои ошибки, оплошности, иными словами, грехи. Так мы узнаем свои слабости, то что каждого из нас тянет вниз, но и обратный путь, возвращение. Так мы познаем и всеобщую человеческую слабость, из-за которой нам необходимо полное предание себя Спасителю, слезное прошение Его помощи. Поэтому слезный дар так высоко ценится в духовной жизни нашей Церкви. Нам ничего более не остается, как со слезами молить Бога ниспослать нам силы и благодать в нашей борьбе. Вместе с тем, за каждым падением ниц на лице свое следует восстановление, за каждой искренней, из глубины сердца идущей исповедью следует новое начало, приступление к исполнению заповедей Христовых с новым воодушевлением. Правда, за этим следуют почти всегда новые падения и ошибки, но всегда с возможностью покаяния и восстания.

Это и есть жизнь в покаянии. Как прекрасно и точно это слово! Наша душа может поистине исцелиться от недуга греха. Но для этого необходимо смотреть в нее, диагностировать заболевание, думать о своих поступках и еще более об их внутренних причинах, анализировать свои ошибки и принести их Богу.

Мы сказали о том, что грех – это прежде всего не вина, а болезнь, порок человеческой природы. Но это не означает, что мы не должны лично каяться и исповедовать все совершенные нами грехи. Во-первых, по выражению некоторых святых отцов, Адам хоть и открыл счет, но мы потом во много раз его умножили. У человека есть свободная воля, он может, по крайней мере частично, сам распоряжаться своей жизнью, выбирать, что он будет делать. Конечно, унаследованные нами от падших прародителей склонности так сильны, что мы все равно ошибаемся. Но и исправление происходит через нас самих. Если хочешь изменить мир, начни с себя. Это избитое выражение, но так оно и есть. Мы не можем изменить наши наследственные характеристики, свое детство и вообще прошлое. Мы можем повлиять на обстоятельства настоящего, но обычно все-таки незначительно. Что мы действительно можем изменить, так это нас самих изнутри. На самом деле, таким образом мы можем повлиять на окружающее нас гораздо сильнее, чем какими-то внешними действиями (хотя и это крайне необходимо и связано с нашим внутренним состоянием). Это происходит в мире таинственным образом тогда, когда мы поступаем не так, как Адам и Ева, не прячемся в кусты и не пытаемся свалить вину на кого-то другого, а признаем свой грех и просим у Господа прощения. Пример одного раскаявшегося грешника, его духовное влияние может помочь многим людям спастись.

Подчеркнем, что исповедь – это одно, хоть и очень важное, выражение покаяния. Покаяние должно быть почти постоянным состоянием души, исповедание же грехов – его кульминацией, вершиной, которая при необходимости поднимается над поверхностью воды. Но так же, как не всякая благословенная пища, употребляемая с благодарностью есть таинство евхаристии – для совершения таинства необходимо общее богослужение верующих и священника, совершаемое по определенному чинопоследованию и осененное особым присутствием божественной благодати – так же и личное покаяние еще не есть таинство, у него нет той силы таинства спасения, которое есть у церковного таинства покаяния. Во время исповеди рядом с исповедником невидимо, через священника, присутствует Сам Христос («Се, чадо, Христос невидимо стоит...»), но и вся Церковь как сообщество христиан. Конечно, мы рассказываем о своих грехах только священнику, а священник строго соблюдает тайну исповеди, и все же исповедь касается не только отдельного человека. Двое во имя Господа предстоят – исповедующийся и принимающий исповедь. Во-вторых, это общечеловеческое свойство: разделенное с кем-то горе – это половина горя, когда мы говорим с кем-то, на сердце становится легче, это совсем не то же самое, что обдумывание чего-либо наедине с самим собой. Да, Бог всегда с нами, но наша способность это чувствовать слишком часто нам отказывает. Здесь, на земле, Бог установил таинство священства для того, чтобы священники могли совершать подобные таинства, и во время исповеди Бог присут-

ствует ощутимо в личности духовника, совсем иначе, чем в нашей молитвенной келье. Ведь даже очень благочестивые люди, даже святые старцы, которые без сомнения жили с постоянным чувством присутствия Божиего, ходили на исповедь гораздо более прилежно, чем мы.

И наконец, о частоте исповеди. В этом отношении существуют различные практики и, в общем, тут достаточно много путаницы. В Древней Церкви (примерно в первом тысячелетии) исповедь была необходима лишь в случае тяжелейших грехов (таких, как богоотступничество, убийство, прелюбодеяние и т.д.). Исповедь означала воссоединение с Церковью (обычно после аскетических упражнений в покаянии и молитве или после временного отлучения от причастия), мы и сейчас находим отсылки к этой древней практике в молитвах чинопоследования исповеди («Примири и соедини его святей Твоей Церкви»). В остальных случаях достаточно было духовной беседы и келейного покаяния. Следует помнить о том, что и причащаемся мы «во оставление грехов». Поскольку с течением времени люди стали все реже приступать к таинству причащения, возникла необходимость исповедоваться непосредственно перед таинством, т.к. между причащениями человек мог успеть серьезно согрешить. Так оно и осталось в некоторых Церквях, в том числе и в некоторых приходах нашей Церкви. Поскольку традиция частого причащения в целом восстановлена, нет необходимости ходить на исповедь каждый раз перед причастием. В то же время, сейчас задача исповеди – признание и разрешение всех грехов, не только самых больших, особенно же постоянных греховных привычек и искушений. Так что не нужно ждать тяжелых грехов, но каждый православный христианин должен с определенной частотой участвовать в таинстве покаяния. Невозможно дать точное руководство, ибо каждый верующий уникален. Опытные духовники советуют приступать к таинству покаяния не реже 2–4 раз в год, в крайнем случае раз в год. Даже если кажется, что ничего такого серьезного не скопилось для исповеди, все же лучше поговорить с духовником. Какие-то духовные проблемы есть у всех, и иногда во время такой беседы открываются и тяжелые грехи, для избавления от которых нужно таинство покаяния.

Таинство покаяния (приступаем ли мы к нему чаще или реже) – одно из необходимых для нашей духовной жизни таинств. Покаяние – обязательный признак духовной жизни. Абсолютно довольство собой в этой земной жизни, к сожалению, симптом духовного нечувствия. Будем же держаться этого спасительного средства, прежде исследовав свое сердце по десяти заповедям, нагорной проповеди, заповедям блаженства и вообще по Священному Писанию и доступной нам духовной литературе, чтобы почувствовать свои ошибки и принести их Богу. И всегда следует помнить о том, что покаяние – это не мрачное и гнетущее самоудовольствие, хотя на некоторых этапах может быть очень тяжело, но исповедь – это прежде всего освобождение, светлое таинство очищения.

Palverännak Setomaal

29.–31. juulini 2025

Age Ploom

Kui ma eelmisel aastal Prangli palverännakul kirikus avakõnet pidasin, taipasin äkki, et 2025 on ju palverännakute ümmargune sünnipäeva-aasta. Siis ei saa seda ju ometi korraldamata jätta! Kuidas ma väidan, et jõud sai otsa täpselt enne kümnendat aastat? Aga kuhu me läheksime? Ikka sinna, kus kõik kunagi tänu Pariisi kliimakonverentsile alguse sai, ehk Setomaale! Kirjutasin Setomaa hingele Hõrna Aarele, mis ta arvab, kas oleks võimalik palverännak korraldada uuel ringil nende juures. Kohe tuli jaatav vastus.

Seda palverännakut oli kerge planeerida, sest Aare tegi raja ja saatis mulle ka telefoninumbrid, kuhu kokkulepete saavutamiseks helistama pidin. Kui ma teisele sootskale Reinule helistasin, tuli vastuseks, et ta oli mu kõnet juba oodanud. Aare oli juba kõiki hoiatanud või lausa kokkulepeid sõlminud, ma lihtsalt kinnitasin neid oma telefonikõnedega.

Esimest korda sõitsin palverännakule kohale ühistranspordiga. Isegi kui kaarti vaadates näib Obinitsa asuvat teisel pool maakera, tuleb vaid sõita pealinnast bussiga Võrru, astuda ühest bussist teise ning kuppelmaastikku nautides oledki varsti ilma veerel kohal.

Kava kohaselt pidi rännak algama kell 18.00 õigeusu õhtupalvusega, millele ma hiljem lisasin klausli, et kõigepealt ootame ära isa Heikki koos Soome palveränduritega ning siis läheme kõik koos kirikusse. Avapalvus oli kaheosaline, alustasime õigeusu palvusega ning lõpetasime luteri laulude ja palvega. Loomulikult oli meid tervitama tulnud ka sootska Aare. Kaasa saime mitte just kõige kergema kirikuristi. Igaks juhaks kutsusin mehed proovima, kas nad jõuavad seda järgmisel päeval tassida, sest ootamas oli ikkagi umbes 20-kilomeetrine teekond.

Traditsiooniliselt algab palverännak päikesetõusuga ehk kuue paiku hommikul. Leppisime kokku, et need, kes ilma hom-

mikukohvita ennast liigutada ei suuda, kogunevad kõõki kolmveerand kuus. Viimased inimesed ma kõõgist kuue paiku üles leidsingi. Obinitsa tsässona poole peaaegu tormasime, mistõttu isa Heikki jõudis vahepeal esiritta ning uuris, kas see ongi see lubatud kulgemine. Ei, ei ole. Aga meil oli vaja õigeks ajaks kohale jõuda. Tsässona juures ootas meid juba Aare, kes rääkis seto keeles tsässona loo. Olin avapalve palunud ette valmistada luteri vaimulikul Urmasel ning sealt sain oma sõnavarasest täiesti uue sõna – „reietamine”, mida Tammsaare oli oma „Tõe ja õiguse” teises osas kasutanud.

Seekord olid kõik korralised peatused üksteisest üsna ühekaugusel, umbes neljakilomeetriste vahedega. Üle tüki aja oli palverännakul ka saate- või eesauto olemas, olenevalt sellest, kuidas Aare end autoga positioneeris. Mõnikord ütles ta meile ette, kuhu ja millal me pöörama peame, mõnikord seisis aga ristimikul, et näidata suunda.

Meie järgmine peatus oli Küllatüva tuhaplokkidest laotud tsässonas. Kohale jõudes olid ukseid juba valla ning peagi tuli ka küllavanem Linda õunakorviga, mis oli meile mõeldud. Siin pidas isa Heikki õigeusu palvuse. Lähedal oli ka allikas ning isa Heikkil oli juba varem olnud mõte, et seal võiks teha veepühitsuse. Läksimegi allika juurde veepühitsust tegema. Nägin esmakordselt, kui looduslikul veekogul tehakse pühitsus. Kirikus on vesi tavaliselt anumates, aga seekord läks isa Heikki peaaegu allikasse sisse.

Pärast seda võtsime suuna Uusvada poole, kus tsässona juures lugus Lembit palve õigeusu palveraamatust. Edasi liikusime sootska Reinu manu, kelle taktikepi all tegutseb Uusvada külakeskus. Siin mõtiskles Kai traditsioonide ja juurte tähtsusest, sellest, et kõigi meie selja taga on esivanemate juurte rägastik. Pärast hommikusööki haaras sootska Rein oma rändurikepi ning viis meid kõigepealt hiiglase hauale, kes on Petseri kloostri ehitanud, ning seejärel asusime silmalätte poole tee. See oli ainuke koht teel, kus saime oma jalajäljed sisse jätta ning nii üle silla tulla, et valesti astudes oleksime vajunud sillast läbi. Hõbedat küll kaasas ei olnud, et silmaallikale and jätta, aga vett sai ikka kaasa võetud. Kuna allika juures oli pal-

ju sääski, tegi Hannes mõtiskluse loodushoiust juba põllu peal.

Edasi võtsime suuna Serga tsässona poole, kus perenaine Eevi ootas meid kookide ja morsiga. Ta tervitas meid härdalt ja ütles, et tal tulid risti lähenemas nähes pisarad silma, mis puudutas meie kõigi südameid.

Järgmine peatus oli Meremäe torn, kus võis näha Petseri kloostri kupleid. Seal rääkis Natalja idanaabrist, kes ohustab nii Ukrainat kui ka Setomaad.

Siis haaras risti enda kätte Urmas ja kui ma küsisin, kas ta vajab kedagi, kes ta välja vahetaks, ütles ta, et ei ole täna risti tassitud ning jäi mulje, et muust ta ei olegi unistanud. Aeg-ajalt olime ka piiritsoonis sees. Kõik olid igaks juhaks dokumendid kaasa võtnud ja mina olin päev varem kordonisse helistanud ning kandnud ette, kui palju meid on ja milline on me teekond. Miiksel oli meil kolm järjestikust peatust. Tervendava Jaanikivi juures mõtisklesid Ülle ja Sirje tervenemisest, surnuaial tegi isa Heikki surnute palvuse ning kirikust rääkis meile kogudusevanem Nikolai. Seejärel laulsime luteri lauluraamatust ning kõlasid nii õigeusu kui ka luteri lõpupalved.

Õhtuks olin kokku leppinud, et sootska Õie tuleb rääkima ja näitama, kuidas seto naist rõivisse pannakse. Õie valis meie seast kreeka-vene sugemetega soome noore välja ning asuski talle riideid selga panema, juukseid patsi punuma, ise samal ajal kõike selgitades.

Pühapäevase varahommikuse liturgia pidas isa Heikki ja kui ma ei eksi, siis lausa viies keeles. Teenistusraamatuid oli tal igatahes kolm tükki üksteise otsas. Soome noored laulsid ja eestlased toetasid nii palju, kui oskasid.

Tagantjärele mõeldes, mida ma oleksin teinud, kui ei oleks olnud sootska Aaret, kes kõike seda korraldada aitas ning isa Heikkil, kes oli nõus igal pool, ükskõik mis keeles palvet lugema või teenistust pidama. Muidugi, ilma palveränduriteta ei oleks ka rännakut toimunud.

Kui kõik läheb plaanipäraselt, kohtume järgmise aasta augustis Piirissaarel.

LOGOSe tehisintellekt jagab usu- ja vaimujuhatust

Preester Kristjan Otsmann

Kreeka õigeusu kiriku Ateena eeslinna Nea Ionia metropoolia käivitas koostöös arvutiteadlastega esimese õigeusu tehisintellekti platvormi LOGOS.

Nea Ionia metropoolia teatel on LOGOS loodud selleks, et pakkuda täpset teavet teoloogilistel, kiriklikel ja vaimulikel teemadel, rõhutades tehisintellekti kui inimkonna teenistuses olevat tehnoloogilist tööriista. Metropoolia kinnitab, et tehnoloogia ei suuda asendada inimlikku vaimulikku juhatust ning LOGOSe eesmärk on näidata, kuidas tehisintellekt võib tugevdada kiriku missiooni tänapäevasel digiajastul. LOGOS on välja töötatud koostöös teadus- ja arenduslaboriga HERON ICT Research Laboratory ning see tähistab kiriku ja inseneriteaduste akadeemilise kogukonna vahelise partnerluse algust. Projekt ühendab tehnoloogilise innovatsiooni ortodoksse teoloogia rikkaliku intellektuaalse ja vaimuliku pärandiga. Algoritmi välja töötavat akadeemilist meeskonda juhivad professor Athanasios Davalas, kes veab eest tehisintellekti arendavaid programme Egeuse ülikoolis ja on labori HERON direktor. Tema juhtimisel töötati välja spetsiaalne algoritm, mis suudab mõista, töödelda ja väljendada mõisteid, mis on juurdunud ortodoksse kristluse traditsioonis, tagades samas teoloogilise täpsuse ja vaimuliku autentsuse. Nea Ionia metropoolia rõhutab, et LOGOS ei asenda vaimulikku, pastoraalset nõustamist ega kiriku sakramentalset elu, vaid toimib tänapäevase õpiabilisena — digitaalse juhendajana usklikule ja otsijatele, kes soovivad süvendada oma usu mõistmist. „Eesmärk on teenida nüüdisaegse abivahendina iga usklikku, kes soovib olla kursis ja süvendada oma arusaama usuteemadest, alati ortodoksse Püha Pärimuse valguses ja Püha Vaimu juhitud kiriku kogemuse kaudu,” kinnitab Nea Ionia metropoolia pressiteates. LOGOSi saab kasutada aadressil <https://tinyurl.com/logos-ai> ning see oskab suhelda kasutajaga masintõlke abil ka eesti keeles. Nagu iga tehisintellekti puhul, ei saa sedagi usaldada kriitikavabalt, vaid võimalusel tuleb vastust teiste allikate abil üle kontrollida.

Peatoimetaja: Madis Kolk, kolk.madis@gmail.com; tõlked inglise, kreeka ja vene keelest: ülempreester Mattias Palli; tõlked prantsuse keelest: Heike Härma, Tiina Niitvägi-Hellamaa, Margus Ott; keeletoimetaja: Epp Väli; kujundaja: Inga Heamägi; EAÖK kirjastus, Wismari 32, 10136 Tallinn; interneti lehekülj: www.eoc.ee